

Работа американской разведки мало освещена в нашей литературе, и это увеличивает целесообразность появления книги Джонсона на русском языке. К тому же многочисленные факты, которые приводит автор, в корне разрушают легенду, охотно распространявшуюся некоторыми государственными деятелями США, особенно до мировой войны, о том, что Соединенные Штаты якобы вовсе не пользовались методами тайной разведки и шпионажа или пользовались только некоторыми, наиболее «чистыми» методами. Книга издана по изданию "Воениздат" НКО СССР, Москва.1938 год.

Джонсон Т. М

Американская разведка во время мировой войны

От издательства (1938 г).

Работа американской разведки мало освещена в нашей литературе, и это увеличивает целесообразность появления книги Джонсона на русском языке. К тому же многочисленные факты, которые приводит автор, в корне разрушают легенду, охотно распространявшуюся некоторыми государственными деятелями США, особенно до мировой войны, о том, что Соединенные Штаты якобы вовсе не пользовались методами тайной разведки и шпионажа или пользовались только некоторыми, наиболее «чистыми» методами. То... что Джонсон рисует события 1917 и 1918 гг. — последнего периода мировой войны — придает книге особый интерес. Следует отметить, что Джонсон не ограничивается описанием деятельности американских разведчиков. Он касается также работы союзных разведок и особенно много внимания уделяет методам германской разведки, с которой американцам и союзникам приходилось бороться...Для советского читателя важно то, что в книге Джонсона много конкретного материала, позволяющего изучать методы и приемы империалистических разведчиков, шпионов и диверсантов. Такое изучение наряду с утроенной, удесятеренной бдительностью помогает распознавать и разоблачать врага, пытающегося под самыми разнообразными личинами вредить нашей великой родине.

От издательства (второе издание 1939)

Изданием книги Томаса Джонсона Государственное военное издательство НКО СССР продолжает выпуск серии переводных работ, рисующих методы разведывательной деятельности империалистических государств.

Работа американской разведки мало освещена в нашей литературе, и это увеличивает целесообразность появления книги Джонсона на русском языке. К тому же многочисленные факты, которые приводит автор, в корне

разрушают легенду, охотно распространявшуюся некоторыми государственными деятелями США, особенно до мировой войны, о том, что Соединенные Штаты якобы вовсе не пользовались методами тайной разведки и шпионажа или пользовались только некоторыми, наиболее «чистыми» методами.

Эти разговоры были, конечно, такой же маскировкой, как и многое другое в их одаренной работе.

Джонсон прямо заявляет, что шпионы «составляли часть вооружений США, так же как пушки, колючая проволока и христианский союз молодежи». В его книге собран обильный материал, характеризующий деятельность американских разведывательных органов (в первую очередь разведывательного отдела американской экспедиционной армии в Европе) в интересах войны, в интересах той империалистической коалиции, к которой Соединенные Штаты открыто примкнули в 1917 г.

То обстоятельство, что Джонсон рисует события 1917 и 1918 гг. — последнего периода мировой войны — придает книге особый интерес. Следует отметить, что Джонсон не ограничивается описанием деятельности американских разведчиков. Он касается также работы союзных разведок и особенно много внимания уделяет методам германской разведки, с которой американцам и союзникам приходилось бороться. Характерно, что американцы усиленно шпионили не только за «неприятелем», но и за своими «союзниками».

Бывший начальник английской разведки Бэзил Томсон[1] в предисловии к французскому изданию книги Джонсона, с которого сделан настоящий перевод, заверяет читателей, что Джонсон в своем изложении не противоречит фактам действительной истории. Однако сам Джонсон говорит в одном месте своей книги: «Правду никогда нельзя будет раскрыть всю целиком. Это означало бы навлечь на нашу и многие другие страны целую бурю гнева, ненависти, подозрений и негодования».

Само собой разумеется, наш читатель должен критически подходить к очень многим фактам и заключениям Джонсона, тем более что автор не свободен от «журналистских ухищрений», как их называет Б. Томсон. Были или не были в действительности такие эпизоды, как клятва кровью, которую описывает автор на стр. 94, это надо оставить на его совести. Для советского читателя важно то, что в книге Джонсона много конкретного материала, позволяющего изучать методы и приемы империалистических разведчиков, шпионов и диверсантов. Такое изучение наряду с утроенной, удесятеренной бдительностью помогает распознавать и разоблачать врага, пытающегося под самыми разнообразными личинами вредить нашей великой

Из предисловия бывшего начальника британской разведки Бэзиля Томсона

Если я берусь написать предисловие к этой книге, то делаю это потому, что знал лично много коллег Джонсона и могу отдать себе отчет в той старательности, с какой они выполняли свою работу. Автор говорит правду, насколько он ее знает, но, как все историки войны, он вынужден брать за основу факты в том виде, в каком их истолковывали во время самой войны, и в некоторых случаях (например, в случае с телеграммой Циммермана в Мексику, послужившей поводом для вступления Соединенных Штатов Америки в войну, и в других менее важных случаях) с его тезисами не всегда можно согласиться. Пожалуй, можно было бы также избежать романтического стиля изложения событий, но трудно требовать от американца, чтобы он не прибегал к такому стилю, когда он пишет о преступлениях и шпионаже. Тема достаточно интересна сама по себе, без «журналистских ухищрений», которые могут внушить сомнение в точности повествования.

Когда он дает понять, что большинство искусных маневров союзных разведок было осуществлено благодаря необыкновенной интуиции американцев, мы можем только улыбнуться. Американцы были не искушены в шпионаже, и еще до их прибытия в Европу французы, бельгийцы, англичане и русские разработали целые системы, которые они охотно предоставили в распоряжение американцев в качестве отправного пункта для их собственной разведывательной службы. Но американцы вправе гордиться тем, как они применили на практике свои новые знания. Впрочем, они имели перед нами огромное преимущество. В мирное время их военная разведка имела очень мало денег, однако даже еще до того, как американские войска высадились во Франции, американская «кавалерия св. Георгия» стала неисчерпаема. Американцы могли работать, руководствуясь следующим принципом: молчание — золото, но посредством золота можно нарушить молчание и открыть все двери. Американское правительство проявляло такую расточительность, что американская разведка могла себе позволить то, чего не позволяла себе ни одна разведка, а именно — оплачивать сведения о собственных союзниках так же хорошо, как сведения о противнике.

Американская армия имела в собственных рядах секретных агентов, которым было поручено наблюдение за своими солдатами. В полках американской армии находилось около пятидесяти тысяч «безмолвных наблюдателей», о существовании которых не знал никто из офицеров, за исключением того офицера, который обязан был передавать их информацию военной разведке. Эти безмолвные наблюдатели, рассеянные среди своих товарищей в количестве, определявшемся соотношением 1: 60, подслушивали разговоры,

добивались откровенных признаний у сомнительных людей и докладывали о них своему начальнику. Действие было немедленным: солдат, верность которого внушала сомнение, вдруг без всякой причины оказывался переведенным в рабочий батальон или возвращен в США. В состав американской армии входили солдаты более чем двадцати различных национальностей, говорившие каждый на своем языке; в американской армии было даже значительное число солдат германского и австрийского происхождения. Последним было до некоторой степени, извинительно слабое патриотическое рвение. Они были взяты на службу в силу обязательной воинской повинности, и очень многие из них не понимали, почему они должны сражаться против своих прежних соотечественников. Вообще очень многие американские солдаты не знали, за что они сражаются. Когда немцы спросили первых американских пленных, зачем они прибыли воевать в Европу, один из них ответил:

— Чтобы освободить Эльзас-Лотарингию.

— А что такое Эльзас-Лотарингия? — поинтересовались немцы.

— Это, кажется, большое озеро где-то там...

Немцы, восхищенные таким ответом, поспешили опубликовать его в своих газетах, к величайшему огорчению американских военных кругов. Американское высшее командование поняло, что оно пренебрегло воспитанием солдат, и энергично взялось за дело, чтобы восполнить этот пробел. Во всех полках стали распространять брошюры, стали посылать в полки лекторов для бесед с солдатами; тот факт, что как раз в это время после одного из германских набегов на американские окопы три американца были убиты, и у одного из них оказалось перерезанным горло, сильно помог американским пропагандистам. Я хочу здесь подчеркнуть, что мнение Джонсона о пропаганде во время войны вполне совпадает с моим собственным опытом, а именно: пропаганда, чтобы она достигла цели, всегда должна опираться на действительные факты, а такие выдумки, как, например, немецкая «фабрика трупов», где якобы человеческие трупы перерабатывались в взрывчатые вещества, всегда обращаются против своих же авторов. Немцы давали нам достаточно действительных фактов, которые мы могли использовать против них в своей пропаганде, причем фактов более потрясающих, чем все выдумки указанного выше характера.

Я должен сознаться, что в книге Джонсона меня изумляет одна вещь, а именно — переоценка автором германской секретной службы. Джонсон совершенно правильно отмечает, что была не одна, а несколько германских разведок, и, по-видимому, полагает, что все эти разведки работали согласованно. Между тем наш опыт и в Англии и во Франции свидетельствует о том, что, наоборот, все эти разведки сильно соперничали одна с другою, и

поэтому их было сравнительно легко обмануть.

Особенно велико было соперничество между морской и военной разведками, старавшимися превзойти друг друга.

Подобное соперничество было использовано в деле шпиона Мюллера, который был расстрелян в лондонском Тауэре, но, тем не менее, продолжал посылать донесения своим начальникам в Антверпен (его почерк был в совершенстве подделан); немцы так высоко ценили его донесения, что заплатили за них 1 200 фунтов. Эти донесения стоили бы значительно дороже, если бы они были настоящими. Немцам понадобилось три месяца, чтобы заметить обман, и то только потому, что жившая в Бельгии сестра погибшего шпиона уведомила их о том, что ее брат был расстрелян три месяца тому назад.

По этой и многим другим причинам я менее автора настоящей книги убежден в опасности, которую представляли для союзников Николаи и его агенты. Это подтверждает и Гинденбург. В своих мемуарах он пишет: «Наш шпионаж дал лишь слабые результаты. В этой области в борьбе против наших врагов ничего не могло поделать даже немецкое золото».

Дело заключалось в том, что немцам, несмотря на их неутомимую деятельность, не хватало быстроты восприятия. Их метод состоял в том, что они наводняли неприятельскую страну шпионами самого низкого качества, соглашавшимися работать за жалкое вознаграждение. В Англии у них было только два шпиона, работавших по доброй воле, но им обоим не повезло: они попались и были расстреляны. Донесения, посылавшиеся другими, почти ничего не давали в военном отношении. Тем не менее, немцы продолжали посылать плохих шпионов, коммивояжеров нейтральных национальностей, которым можно было без всякой опасности позволить войти в секретный арсенал, ибо они неспособны были членораздельно описать то, что видели.

Если бы немцы купили какого-нибудь офицера, занимавшего важный пост, они получили бы гораздо более важные сведения за половину тех денег, которые попусту растрачивались ими на никуда негодных шпионов.

Кроме того, когда они имели очевидное доказательство того, что их самый секретный код расшифрован союзниками, они отказывались верить, что код, придуманный немецким специалистом, мог быть расшифрован не немцем. Поэтому они сочли нужным искать предателя среди своих и не меняли кода. Презрение, которое они питали к умственным способностям своих врагов, было причиной их гибели.

Настоящая книга рассказывает о множестве поразительных фактов, свидетелем которых был автор; в этих случаях можно не сомневаться в их

достоверности. Доказательством может служить следующее: большинство пишущих о секретной службе обычно старательно скрывают собственные имена, географические названия, подлинные даты и цифры; между тем, если читатель предлагаемой книги возьмет на себя труд проверить любую приводимую автором подробность, он убедится, что заявления автора всегда точно соответствуют истине.

Глава первая

Американская разведка во время мировой войны

У американцев тоже была своя «секретная служба»

Еще и теперь некоторые думают, что у американцев не было в Европе своей «секретной службы», но они ошибаются, или делают вид, будто ошибаются, что иногда является в армии признаком хорошего тона. У американцев были своя разведка и своя контрразведка, свои агенты и свои контрагенты, и теперь можно рассказать по этому поводу весьма любопытные вещи. Все это входило или, вернее, составляло разведывательный отдел штаба, но имелись также группы H, C и D. Все они были активны и выполняли разведывательные задания. Фактически во время мировой войны служба шпионажа была лишь одной из отраслей разведывательного отдела штаба, который являлся современной организацией, оставившей далеко позади время шпионов в синих очках с фальшивыми усами.

Военная разведка достигла в наши дни такого совершенства, что один офицер, прошедший школу мировой войны, недавно сказал в виде шутки, что в будущей войне, если она когда-нибудь разразится, мы будем знать о противнике больше, чем он будет знать о себе сам.

В современной войне недостаточно знать численность и расположение неприятельских армии и флота; это только одно из четырех данных, которые должен принимать в расчет главнокомандующий сухопутными или морскими силами; политическое и экономическое положение и моральное состояние противника являются остальными тремя данными. Ибо современная война является не только сражением между людьми или броненосцами, но и между системами управления, между экономическими организациями, между умственным и душевным состоянием борющихся сторон. Разведывательная служба, доставляющая такие сведения, которые лежат в основе решений и политики, ведущей к победе, выполняет функции тройкого характера:

- 1) *собираение сведений, касающихся перечисленных четырех факторов;*
- 2) *обработка этих сведений;*
- 3) *распространение этих сведений.*

Для выполнения своей задачи американская разведка работала совместно с министерствами внутренних дел, военным, морским и юстиции.

Оказалась ли она на высоте задачи? С точностью ли разгадала союзная разведка, как работала огромная военная машина, называемая Германской империей? В общем, на этот вопрос можно ответить утвердительно. Как будет видно из дальнейшего изложения, союзная разведка иногда терпела неудачи, но чаще всего ей удавалось разгадывать самые затаенные мысли своего искусного противника. Без разведывательного отдела ни один большой начальник, генерал или адмирал, не мог бы дать сражения, не подвергаясь величайшему риску. Мировая война дает поразительные примеры неспособности германской разведки. Германская разведка слыла одной из лучших, а между тем вступление Германии в войну сопровождалось промахами, которым нет названия, и это продолжалось до самого поражения Германии. Германский генеральный штаб готовился к очень короткой войне и к быстрой победе. А между тем, его разведка не сумела предсказать, сколько понадобится русским времени для мобилизации, и когда русские появились в Восточной Пруссии задолго до того, как их там ждали, генеральному штабу, застигнутому врасплох, пришлось, чтобы остановить вторгнувшиеся войска, перебросить два корпуса из знаменитой армии фон Клука, шедшей на Париж. Если бы эти корпуса остались армии фон Клука, Париж, вероятно, пал бы.[2]

Ловля германских шпионов

В 1914 г. главные германские шпионы в Англии, числом 21, были совершенно обезврежены благодаря собственной глупости. Они применяли такие простые методы для отправки своих донесений, что были все захвачены английской «Интеллидженс Сервис»[3] в тот день, когда Великобритания вступила в войну. Поэтому немцы ничего не знали о переброске первых британских частей во Францию.

Их агенты ошиблись также в своем мнении об Англии, так как они полагали, что Англия не сможет выдержать долгой войны и ее флот окажется не в состоянии предпринять экономическую блокаду.

Германская разведка сделала новую ошибку, не поняв, что с помощью тяжелых пушек «Шкода» было бы так же легко разбить линию французских крепостей, как и прорвать бельгийский фронт. Если бы это было понято немцами, то они взбежали бы вторжения в нейтральную страну, т. е. действия, которое явилось поводом для вступления Великобритании в войну и возмутило весь мир. Когда немцы пустили в ход в Бельгии свои тяжелые орудия, они обнаружили этим свою мощь и заставили насторожиться французов.

Однако немецкие пушки не могли застать французов врасплох. Еще за несколько лет до войны агенты французской контрразведки сообщили в Париж о существовании этих огромных пушек. Но на это сообщение не обратили большого внимания и не приняли никаких мер.

Только благодаря своей разведке британский флот узнал о германских планах перед Ютландским боем. За несколько дней до выхода германского флота в море англичане знали от своей секретной службы о каких-то приготовлениях. Затем 30 мая 1916 г. в 5 часов пополудни германское адмиралтейство послало по радио кодом приказание всем частям флота приступить к выполнению условленного плана, Английские радиостанции перехватили это сообщение и, хотя и не могли его расшифровать, но тотчас же догадались, что оно означает. Пятнадцатью минутами позже британский Большой флот вышел в море, готовый ко всяким случайностям.

Немцы совершили ошибку, передав приказ такой важности по радио, но использование радио при подобных же обстоятельствах в другой раз позволило им обмануть противника. У входа в Жадский (Jede) залив они поставили сторожевое судно с мощной радиостанцией. Пользуясь кодом германского адмиральского корабля, это судно послало ложное сообщение всем другим кораблям, радиостанции которых должны были в это время молчать. Англичане перехватили это сообщение и определили район, откуда оно было послано. Исходя из этого, они заключили, что раз адмиральский корабль находится в Жадском заливе, то эскадра еще не снялась с якоря. Поэтому пока англичане не столкнулись с немцами, они думали, что их противник, с минуты на минуту готовый сняться с якоря, все еще стоит на рейде; немцы же не знали, что англичане проведали о предстоящем выходе их флота. Так, обе разведки играли в жмурки друг с другом; когда мы вступили в войну, и нам пришлось выучиться этой игре.

В апреле 1917 года американская военная разведка была еще пустяком. В Вашингтоне она состояла из двух офицеров и одного писаря; кроме того, некоторые военные атташе работали по собственной инициативе и оплачивали большинство расходов из собственного кармана. Правительство, которое уберегло нас от войны, ассигновало в этом году на разведку сумму в 11 тысяч долларов. Армия вступила в ураган великой войны вслепую.

Офицером, который в мирное время приложил больше всего усилий для осведомления американской армии, был генерал-майор Ральф Х. Ван Деман, первый американский офицер современной разведки. Некоторое время он оставался в Соединенных Штатах для борьбы с германским шпионажем, а затем отправился во Францию. Тогда руководство военной разведкой в Вашингтоне взял на себя бригадный генерал Мальборо-Черчилль.

Американский разведывательный отдел во Франции начал по-настоящему

работать, когда глава нашей военной миссии в Париже полковник Джеймс А. Логан отправился во французское 2-е Бюро и сказал: «Давайте работать вместе». История не рассказывает нам о том, что его тут же расцеловали в обе щеки, но, вероятно, так оно и было, ибо это произошло 6 апреля 1917 г. — на другой день после того, как конгресс, отказавшись согласиться на то, чтобы американские суда, во избежание потопления, ходили по океану, выкрашенные в красный и белый цвета, объявил Германии войну.

Первые шаги

После объявления войны Германии генерал Першинг отправился 27 мая во Францию, увозя с собою трех офицеров разведки, составлявших всю разведывательную службу.

Через шестнадцать месяцев в одной лишь Франции находилось 287 офицеров разведки, помимо прикомандированных к штабам, помимо тысяч офицеров и солдат, прикомандированных к частям. Генерал Першинг изучил английскую и французскую разведывательные службы и решил принять английские методы, ибо англичанам, так же как и нам, приходилось работать в чужой стране. Во главе разведки он поставил генерала Нолана, который сопровождал его на Филиппины и под благожелательной улыбкой скрывал железную волю и большой ум.

В июне 1917 г. генерал Нолан и его сотрудники объехали Западный фронт, основательно знакомясь с чрезвычайно интересной наукой, которую они могли изучить в Америке только в самом элементарном виде. Штаб французского главнокомандующего их очень многому научил. Затем начальник английской разведки во Франции бригадный генерал Джон Чертерис пригласил их посмотреть, как механизм разведки будет работать при наступлении 1917 г. во Фландрии. Для американцев это было время лабораторного изучения.

Во время большого сражения во Фландрии они могли видеть всю систему в действии: как допрашивали пленных, как тщательно изучали захваченные бумаги и карты, как перехватывали и расшифровывали радио, как изучали фотоснимки, сделанные с самолетов, с какой тщательностью проверяли донесения шпионов из Бельгии о подкреплениях в тылу германского фронта и т. д. В основу американской секретной службы во Франции были положены английские методы — правила, принятые в английской армии, с некоторыми американскими усовершенствованиями.

В Шомоне на Верхней Марне обосновалась американская главная квартира, и в казармах, превращенных в американские канцелярии, начала развиваться таинственная организация, носившая название разведывательного отдела штаба (G. 2).

На тяжелых дубовых дверях, выкрашенных в черный цвет, появились маленькие таблички с кабалистическими знаками на них, вроде: «G. 2-A» (разведывательный отдел армии) или просто «S.S.» (морская разведка). Там в продолжение восьми часов днем и иногда четырех часов ночью работала группа способных и серьезных офицеров. Все они были тщательно отобраны и рекомендованы лично генералу Нолану. Большинство составляли бывшие учителя, лингвисты, путешественники, географы, сыщики, журналисты, юристы, специалисты по шифрам и радио, печатники и наборщики. В разведывательном отделе штаба находилась работа для всех.

Все эти люди собрались для расследования всего того, что было в человеческих силах узнать о военном, экономическом и политическом положении Германии, о солдатах на фронте и о домашних хозяйках в тылу, об эффекте союзной блокады и о событиях в рейхстаге. Они пользовались всеми средствами, которые им давала наука, и изобретали новые. Они научились дрессировать голубей и пускать детские воздушные шары, убеждать уставших от суррогатной пищи немцев дезертировать; они научились добиваться того, чтобы некоторые лица безобидной внешности могли видеть и слышать то, что немцы не позволяли видеть и слышать никому; они организовали работу многочисленных типографий и, пользуясь разными средствами, переходя от добродушия к угрозам, узнавали от германских пленных самые полезные сведения.

Дело развивалось. Через две недели после приезда генерала Першинга с тремя офицерами разведки их число достигло уже пяти: Нолан, полковник Конджер, полковник Роджер Г. Александер, полковник Вильям О. Рид и капитан С. Т. Хьюббард; пятью месяцами позже их было уже 28, а через девять месяцев — 81. Вскоре в древнем римском городе Лангре была основана разведывательная школа, где обучались сотни новых людей.

Разведывательная служба работала, имея в виду сражение при Сен-Мийель, еще за год до того, как оно состоялось.

Эти приготовления хранились в строжайшей тайне, но уже тогда майор Керр Т. Риггс, под руководством полковника, Конджера, начал изучать расположение немцев в этом знаменитом выступе, весь лабиринт их траншей, все позиции батарей. Он даже знал о знаменитых ваннах для офицеров выше Монтсека. Эта работа была начата даже еще до прибытия наших войск на фронт. Позднее южный скат выступа, носивший данное ему для маскировки цензурой название «участка к северо-западу от Туля», был превращен в лабораторию разведывательного отдела. Там работали люди, там они знакомились со всеми немецкими ухищрениями, с каждым днем узнавали все больше и больше. Офицеры разведки имели мало досуга.

Секретный щит в главной квартире

Они без отдыха работали, чтобы скрыть стенную карту боевого расписания, считавшуюся самой секретной картой во Франции. Она была спрятана под щитом, вделанным в стену главной квартиры и охранявшимся днем и ночью секретным агентом, который спал тут же с автоматическим пистолетом в руке. Это была единственная карта во Франции, непосредственно показывавшая расположение и состояние каждой германской и каждой союзной дивизии на Западном фронте.

Если взглянуть теперь на репродукцию этой карты, помеченной «секретно», то поражает, с какой тщательностью и старанием ее поддерживали в соответствии с положением на каждый день. В самом деле, она отражает расположение на 11 ноября 1918 г. к 11 час. 398 различных германских и союзных дивизий и других частей — по обе стороны Западного фронта протяжением от Голландии до Швейцарии и даже больше. Она показывает 26 германских дивизий, расформированных в течение четырех месяцев для пополнения изъянов, причиненных потерями в эти четыре месяца. Она показывает 213 союзных дивизий, численно равных 243 германским дивизиям, но имеющим против себя только 185 дивизий, из которых только две были сформированы из свежих резервов, против 32 свежих союзных дивизий, численно равных, по меньшей мере, 35 германским дивизиям. Эта секретная карта в первый день перемирия давала возможность взглянуть на победу с птичьего полета.

Разведывательный отдел штаба имел многочисленные задачи, но важнейшей из них была забота о том, чтобы этот обзор с птичьего полета был всегда ясным, точным, полным и отражал каждый данный момент.

Если мы знали, где находились немцы, и в каком состоянии, причем знали хорошо, то мы могли их разбить. Если же нам это было неизвестно, то все наши наступления становились рискованными. Самые ценные сведения о немцах чаще всего поступали к нам от самих же немцев.

Германские пленные, их бумаги, их карты, их газеты, их письма являлись для разведки лучшим источником информации, лучшим и более надежным, чем шпионы и агенты, лучшим даже, чем перехваченные радиотелеграммы, хотя последний метод давал иногда очень хорошие результаты.

Верным способом получить о немцах сведения был допрос самих немцев.

Летом 1918 г., когда немцы предприняли последнее отчаянное усилие, чтобы одержать победу до решительного вмешательства американцев, роль пленных в работе разведывательного отдела иллюстрируется следующим фактом.

В апреле все союзные разведки пытались узнать, куда немцы намерены направить предстоящее свое наступление. Полагая, что оно будет направлено на Амьен, маршал Фош сосредоточил французские резервы в районе этого города.

Но 23 апреля полковник Стенли Д. Эмбик из штаба генерала Блисса составил для заседания союзного верховного военного совета в Париже докладную записку, не разделявшую мнения маршала Фоша. Взвесив все стратегические факторы, полковник Эмбик сделал вывод, что немцы не станут наступать в направлении Амьена, а двинутся на Париж на фронте Шмен-де-Дам между Суассоном и Реймсом, т. е. на большом расстоянии от Амьена. Генерал Блисс и вся американская часть военного совета были согласны с мнением полковника Эмбика, который представил свою докладную записку маршалу Фошу в мае. Англичане тоже сделали свой прогноз. 13 мая их разведка заявила, что наступление будет направлено не против французов, а против англичан, причем далеко от Амьена, между Аррасом и Альбером. Таким образом, 14 мая имелось три различных предположения.

В этот день состоялось совещание специалистов американского разведывательного отдела. Капитан Хьюббард объявил, что он не согласен ни с мнением Фоша, ни с мнением Хейга. По его мнению, предстоящее германское наступление состоится на участке Шмен-де-Дам между 20 и 30 мая.

15 мая американцы предупредили союзников о своих предположениях. Англичане проявили некоторое беспокойство, но французы почти до последней минуты настаивали на том, что угрожаемым пунктом является не Шмен-де-Дам, а Амьен, где находились французские резервы.

До 25 мая разведывательный отдел 4-й французской армии, расположенной у Шмен-де-Дам, заявлял: «По нашему мнению, нет указаний на то, что противник сделал приготовления, которые позволят ему вскоре начать наступление». Рано утром того же дня были взяты в плен два немца — офицер и рядовой. Их допросили порознь. Офицер заявил, что наступления не будет, а солдат сообщил, что готовится большое наступление. Кому верить? Офицер был уличен во лжи и подвергнут «особому допросу». Он изменил тон и подтвердил сообщение солдата. На рассвете французские части могли видеть, как позади фронта передвигаются крупные германские войсковые соединения.

Тайная история одного сражения

Французы и англичане, отдохавшие на этом «спокойном участке», получили приказ занять боевое положение. Но было уже поздно. Когда, после ужасного артиллерийского огня, немцы в 4 часа следующего утра начали

наступление, им была противопоставлена недостаточная оборона; меньше чем в неделю немцы перешли рр. Эн, Вель и Урк и дошли до Марны и Шато-Тьерри, покрывших славой американскую историю. В тот же день французская разведка получила от агента, находившегося при германской главной квартире, следующее донесение: «27 мая немцы начнут наступление на Шмен-де-Дам». Это донесение имело десятидневную давность. Секретной службе понадобилось слишком много времени, чтобы переправить его через Швейцарию.

Работа французской разведки оказалась также неудовлетворительной перед большим германским наступлением в Пикардии весной 1918 г. — наступлением, которое почти решило судьбу войны. 21 марта, когда началось германское наступление, которому суждено было почти раздавить англичан, генерал Петэн сказал генералу Першингу, что эта подготовка к наступлению мнимая, и настоящее наступление, по его мнению, состоится против французов в Шампани.

Последнее германское большое наступление «Friedenssturm», которое, по мысли наступавшей стороны, должно было положить конец войне, началось 15 июля; на этот раз французская разведка оказалась на высоте задачи. Наблюдательные посты вдоль всего фронта от Шато-Тьерри до Шампани нащупали скопления германских орудий и боеприпасов. 3-я американская дивизия на Марне видела даже, как немцы приготавливали понтоны для переправы через реку. В начале июля полковник Конджер показал американским корреспондентам сложную таблицу, отражавшую расположение германских утомленных дивизий на отдыхе, их действия и состояние, и предсказал, что следующее наступление произойдет через две недели. Наступления ждали с беспокойством; часть пленных передавала неясные слухи о предстоящем наступлении; французы и англичане находились в состоянии тревоги, начиная с 4 июля.

14 июля французский патруль проник в германские линии в Шампани и захватил нескольких пленных. На них была совершенно новая форма, тяжелое снаряжение и в провиантских мешках удвоенный паек. Они признались, что на следующий день подготовлялось сражение, в котором они должны были участвовать. Эта новость с быстротой молнии распространилась по фронту, и из пушек союзников был тотчас же открыт огонь. Когда немцы двинулись в наступление, они были отброшены с такой силой, как никогда в течение всего 1918 года. Впрочем, это было их последнее наступление.

Невозможно забыть ликования, господствовавшего в следующие дни в союзных разведывательных отделах, где разбирались письма и заметки, найденные у германских пленных. Каждое из этих писем было длинной

жалобой, в которой сквозили малодушие, усталость и отчаяние. «Они потеряли мужество», — решили офицеры разведки. 24 июля маршал Фош пригласил Хейга, Петэна и Першинга на совещание для подготовки союзного наступления, которое должно было быть началом конца.

Это решение союзников никогда бы не осуществилось; если бы руководители германской разведывательной службы послушались своих подчиненных; последние сообщали, что Фош готовит контрнаступление, которое 18 июля застигло немцев врасплох и изменило весь ход событий. По словам бывшего офицера германской разведки майора Курта Ауфнера, 17 июля он сам и два других офицера предупредили своих начальников в германской главной квартире о неизбежности наступления и даже точно сообщили, какими союзными дивизиями воспользуется Фош, включая 1-ю, 2-ю, 4-ю и 26-ю американские дивизии. Их донесения, сообщавшие о событиях, которым германское командование не хотело верить, были брошены в корзину. Если бы эти донесения были приняты во внимание, большой удар союзников, нанесенный 18 июля, не был бы неожиданностью и, может быть, потерпел бы неудачу. В последнем случае Фош, Хейг, Петэн и Першинг, может быть, не решились бы 24 июля продолжать наступление. А если бы они не продолжали наступления, война могла бы еще не окончиться 11 ноября.

В течение последних месяцев войны немцев, несомненно, больше всего заботил вопрос о личном составе. Во время весеннего наступления они понесли огромные потери, причем больше всего пострадали их лучшие части, так называемые *Stosstruppen* (ударные войска). Союзники получили подкрепление в виде двух миллионов совершенно свежих американцев. Сколько времени еще могли продержаться немцы, и когда им пришлось бы преждевременно пожертвовать юношами, составлявшими их последний резерв? Это хотели знать все союзные военачальники и все разведки.

Американцы дали сражение на Маасе в Аргоннах — свое самое большое сражение. Продвинувшись далеко вперед, они остановились, но 4 октября возобновили наступление. Первая дивизия ударила по одной из лучших ударных дивизий старой германской армии — по первой гвардейской дивизии. Пленные были тотчас же приведены к опытным офицерам, которым был поручен допрос. Ослабевшие и деморализованные немцы не заставили себя долго просить; они сразу заговорили. По их словам, к ним посылали слишком молодых новобранцев; как только начиналось сражение, эти новобранцы обращались в бегство. Могло ли быть лучшее доказательство поражения Германии?

Вообще германские пленные говорили довольно охотно, как, впрочем, и пленные почти всех армий, включая американскую. Правда, два неизвестных героя из 1-й дивизии, которые были захвачены немцами накануне

наступления при Кантиньи, ничего не сказали, дав возможность начать наступление внезапно и добиться успеха. Но многие пленные не помнили совета, который полковник Вальтер Х. Суиней приказал напечатать на всех картах, раздаваемых солдатам: «Если вы взяты в плен, постарайтесь как можно больше забыть».

Пленные германские солдаты, измученные и голодные, были легкой добычей для разведывательного отдела. Надо было быть железными людьми, чтобы, выйдя из ада сражения, не отвечать ни на какие вопросы, когда обещают папиросу, пищу, сон. Большинство прусских офицеров старого поколения отказывалось давать показания. Остальные сдавались и рассказывали все, что знали, часто не отдавая себе отчета в серьезности значения своих слов. Существовали всевозможные способы заставить их заговорить.

У одного из пленных, имевшего вид человека, умеющего ценить земные радости, добродушно спросили на превосходном немецком языке, нравится ли ему мюнхенское пиво. Он тотчас же ответил:

— О да, господин лейтенант, еще бы!

И после этого дело пошло.

На людей более суровых прекрасно действовала небольшая доза дисциплины.

Знакомая команда: «Achtung!» (внимание!), которую выкрикивали так, как это имели обыкновение делать немецкие сержанты, часто оказывала свое действие.

Пленные — это была настоящая ахиллесова пята немцев, ибо в германской армии было три элемента, не питавших никакой любви к Германии, а именно: эльзасцы, поляки и датчане. Были еще элементы, не любившие Пруссию, — саксонцы и южные немцы. Некоторые офицеры разведки всегда начинали с того, что обходили ряды пленных, опрашивая каждого, не поляк ли он. Все поляки немедленно подвергались допросу, ибо они говорили охотнее, чем немцы. Французы умели разговаривать с эльзасцами, и многие из них дезертировали к французам. Они дезертировали также к американцам, и за несколько дней до наступления на Сен-Мийель германский командующий генерал Фукс приказал отвести 77-ю запасную дивизию в тыл, так как из нее дезертировало столько солдат, что он считал эту дивизию ненадежной.

Беседа немцев с разведывательным отделом штаба

Войска, возвращавшиеся с Восточного фронта, говорили очень охотно. Они причинили немцам больше зла, чем принесли пользы. Они подверглась влиянию большевизма. Значительное число солдат не хотело больше

сражаться, тотчас же сдавалось в плен и рассказывало обо всем, что знало. Многие солдаты были сторонниками революции в Германии.

Но случилось и так, что люди, бывшие врагами революции, — старые пруссаки, — невольно давали очень полезные сведения.

На третий и четвертый день сражения на Маасе в Аргоннах, 28 и 29 сентября, генерала Першинга больше всего интересовал вопрос, когда немцы смогут подтянуть свои резервы, чтобы остановить наше наступление. Мы застигли их врасплох, но им все-таки удалось достаточно продержаться, чтобы начать подтягивать свои резервы. Эти резервы приближались. Сколько времени мы могли бы еще продолжать свое усилие? Когда нам следовало остановиться, чтобы реорганизовать свои силы и подготовить второй удар?

Объезжая линию фронта, генерал Нолан прибыл на участок 35-й американской дивизии; он заметил, что она больше не продвигается вперед. Немцы начали контрнаступление. Была захвачена небольшая группа пленных. Их новая форма и цветущий вид поразили начальника разведывательной службы.

— Ну, далеко-то вы не пойдете! — сказал он. — Мы вас отбросили повсюду на расстояние девяти или десяти километров.

Возмущенные немцы не удержались и ответили:

— Долго это не будет продолжаться. Мы из 52-й дивизии и целый месяц отдыхали. Нас послали, чтобы остановить американцев; только мы и можем это сделать. Вы взяли в плен несколько человек, но осталось много других, которых вы не взяли. И затем скоро придут новые войска. Вы не сможете больше продвигаться вперед.

Генерал Нолан отправился к генералу Першингу.

— Сожалею о том, что я приношу вам дурное известие, но германские резервы находятся в пути. Одна из лучших дивизий, 52-я, уже прибыла и остановила наступление 35-й американской дивизии. Солдаты отдохнули, поправились и полны энергии, между тем как солдаты 35-й дивизии уже утомлены. Нам трудно будет держаться, а немцы ждут еще подкреплений.

Над нашим первым наступлением нависла большая угроза. Без помощи подкреплений фронт нашей 35-й дивизии был бы прорван 52-й дивизией.

Пленные из 52-й дивизии, состоявшей исключительно из отборных солдат, не имели ни малейшего намерения дать нам полезные сведения. Но с ними обошлись чрезвычайно ловко, следуя принятым нами правилам: всегда опрашивать пленного на его родном языке, без свидетелей, не делая никаких

письменных заметок и... натошак.

По приказу генерала Першинга пленных по прибытии в лагерь немедленно кормили и давали пачку табаку. Приготовление пищи для пленных было поручено двум немецким поварам. Но, вопреки этому приказу, прибывавших пленных не всегда кормили сразу. Сначала офицеры разведки отбирали тех, кто казался им посмышленнее и в то же время имел вид человека слабохарактерного. Пока другие ели, этих допрашивали.

Быстрый способ произвести на пленного впечатление заключался в следующем. Его спрашивали:

— Как поживает ваш полковник Шмальц? (или называли другое имя в зависимости от полка, из которого был солдат).

Тогда пленный думал: «Этот человек о нас много знает. Почему же не отвечать на его вопросы?»

Очень хорошим средством завоевать доверие было также предложение послать через Швейцарию письмо семье пленного, причем подобные обещания всегда выполнялись.

Немцы пользовались другими средствами, чтобы заставить заговорить американцев. По мнению одного офицера германской разведки, наиболее надежным средством было собрать нескольких американцев, принадлежащих к различным родам войск, и затеять спор о том, чье оснащение лучше. «Тогда вы узнаете все, что вы хотели бы знать».

Пленные невольно давали сведения, разговаривая между собою. Когда они прибывали из боя, их бегло опрашивали о положении в их частях. Затем после тщательного допроса с целью выявления малейших сведений о Германии и ее армии, их распределяли по концентрационным лагерям. Но даже там они не ускользали: от разведывательного отдела. Одетые в такую же грязную и оборванную германскую форму, как пленные, офицеры разведки, говорившие по-немецки, смешивались с толпой пленных и слушали разговоры.

Истинная история одного американского шпиона

Эти «враждебные уши» не всегда принадлежали американцам. Иногда американской разведке помогали немцы.

Один профессор германского университета, об имени которого следует умолчать, работал по заданию капитана Санфорда Гриффита. Переодетый офицером, он проник в офицерскую тюрьму и собрал там важные сведения. В

награду за сотрудничество подобного характера разведывательный отдел направил после войны двух немцев в Америку и помог им отделаться от обвинений, так как даже республиканская Германия была для них опасна.

Как-то один пленный германский офицер, усаживаясь на стул перед началом допроса, сказал:

— Значит, вы — капитан Гриффит? Мы вас знаем. Мы превосходно осведомлены обо всех ваших действиях.

Другого германского офицера, пытавшегося лгать, следующим образом заставили говорить правду. Начальник разведки 1-й армии полковник Вилли Хоуэлл сказал пленным офицерам, что их не заставляют отвечать на вопросы, но если они на них отвечают, то должны говорить правду.

Этот германский офицер нарочно давал сведения, которые тотчас же были признаны ложными. На следующий день полковник Хоуэлл инсценировал церемонию разжалования; он сорвал погоны с офицера, который солгал, несмотря на то, что к нему отнеслись хорошо. В разгаре церемонии обвиняемый не выдержал... и заговорил.

Один немецкий подполковник, захваченный во время сражения на Маасе в Аргоннах, дал в результате мягкого обращения очень важные сведения о положении в германской армии. Этот немецкий подполковник был тогда такой же достопримечательностью, как первый австрийский пленный на Западном фронте, с которого полковник Хоуэлл приказал написать портрет в красках, чтобы в будущем солдаты могли отличать австрийца от немца.

Разведывательный отдел изучал все, не пренебрегая ничем, даже одеждой и снаряжением убитых и раненых на поле сражения. Каждую ночь храбрая боевая группа разведки искала на поле сражения сведений, часто покрытых пятнами нашей или немецкой крови.

Каким образом офицер разведки мог собрать, подобно сыщику, все эти незначительные мелочи и сделать из них вывод о важных фактах? Мы сейчас это покажем, приведя краткую сводку из донесений разведки 1-й американской армии как раз перед большим наступлением в районе Мааса в Аргоннах.

Краткая сводка из донесений разведки 1-й армии

20 сентября

1-я гвардейская дивизия. На расстоянии 1 км к западу от Авокура найдено тело офицера, убитого при первом неприятельском наступлении 18-19

сентября. По-видимому, этот офицер недавно прибыл из Потсдамского запасного батальона и принадлежит к 1-му пехотному полку 1-й гвардейской дивизии. Однако без других доказательств нельзя твердо установить наличие этой дивизии. Эта дивизия была отведена от Лана (Лаона) 4 сентября. Местность, где было найдено тело, приблизительно соответствует предполагаемой границе между 37-й и 53-й запасными дивизиями, но, вероятно, в настоящее время входит в расположение 37-й дивизии.

22 сентября

117-я дивизия. Пленный из 157-го полка, взятый на расстоянии 500 м к востоку от Авокура, заявил, что его полк 3 ночи тому назад сменил 150-й полк 37-й дивизии. 117-я дивизия, по-видимому, сменила 37-ю.

1-я гвардейская дивизия. Тот же пленный заявил, что к западу от его полка на линии фронта находится гвардейский пехотный полк. Этим подтверждается наличие на участке Варенн 1-й гвардейской дивизии, на что указывал обнаруженный труп офицера из 1-го пехотного полка.

23 сентября

На расстоянии 1 км к востоку от Фур-де-Парм была найдена фуражка с кокардой Вюртемберга. Поскольку 2-я дивизия ландвера прибыла из Вюртемберга, по-видимому, она еще находится на линии фронта на своем нормальном участке.

25 сентября

1-я гвардейская дивизия. Дезертир из 4-го гвардейского пехотного полка явился на наши линии около Эр к югу от Варенн. Он подтверждает наличие на участке фронта 1-й гвардейской дивизии и заявляет, что 16 сентября она сменила саксонские войска, сформированные в полки 200-х: номеров (53-я запасная дивизия). По его словам, расположение войск с запада на восток следующее: 2-й пехотный, полк, 4-й пехотный полк, 1-й пехотный полк.

Нам было крайне полезно знать боевое расписание немцев, чтобы получить представление о числе и расположении различных дивизий. Это показывало нам, как распределены неприятельские силы, и мы могли сделать вывод о том, что противник может попытаться предпринять и на что он способен. Предсказание неизбежного разгрома Германии было сделано лишь во второй половине 1918 г., причем скорее секретной службой, чем на основании показаний пленных. Было ясно, что трещина, замеченная в июле в моральном состоянии германской армии, расширилась сильно, но еще недостаточно для полного развала армии. На этот раз донесения нашей секретной службы, шедшие через Швейцарию и Голландию, были ближе к

истине. Но проходило очень много времени, пока они достигали Шомона; например, некоторые очень правильные предсказания, касавшиеся германской революции, прибыли после того, как — совершилось событие, которое они предвидели.

Бумаги всякого рода давали материал разведывательному отряду, и пленных обыскивали, собирая всяческие документы: письма, записные книжки, карты, записки и т. д., содержавшие более или менее важные сведения.

Еще до наступления на Сен-Мийель у немцев обнаруживались признаки разложения, и важно было знать, долго ли они еще смогут выдерживать повторные удары союзников. Офицеры разведки обыскали выступ Сен-Мийель сверху донизу, как делает сыщик, вывертывая все карманы при обыске жулика; они нашли подписанный Людендорфом очень важный секретный приказ, датированный 4 сентября (т. е. неделей раньше), в котором имелся следующий параграф: «Это есть главная линия обороны, и мы должны держаться позади этой линии. Необходимо хорошо целиться, не растрачивать попусту снарядов и решительно готовиться к бою лицом к лицу». Приказ Людендорфа раскрывал две важные вещи: оборонительную тактику немцев при будущих союзных наступлениях, «эластическую систему», и довольно серьезный недостаток в снарядах. Были найдены еще другие приказы и бумаги, подчеркивавшие необходимость беречь снаряды и дать отдых утомленным войскам, что являлось несомненным признаком начала развала огромной германской машины.

Другие бумаги, найденные в Сен-Мийель, раскрыли историю поражения, нанесенного немцам англичанами у Амьена. Гинденбург и Людендорф отослали офицеров генерального штаба для расследования причин поражения. Их донесения о слабости немцев были размножены и распространены по фронту, включая и выступ Сен-Мийель.

Один документ очень помог союзникам: это была отпечатанная в Германии карта с нанесенными на нее всеми укреплениями и оборонительными сооружениями вокруг выступа Сен-Мийель. Этот документ тоже был строго секретным, и его запрещалось брать с собою в траншеи или на фронт, где он мог попасть в руки неприятеля.

В первый день нашего наступления на Маасе в Аргоннах промах одного американского офицера оказал нам большую услугу. Этому офицеру оказали, что первые «полезные пленные», которые придут в его штаб, должны быть на первом же свободном автомобиле отправлены в ставку генерала Першинга. В качестве «полезных» он отобрал всех офицеров, а германские офицеры почти никогда ничего не говорили. Отобранные им офицеры не составляли исключения из общего правила, и когда офицеры разведки не смогли ничего добиться от пленных, один из офицеров предложил обыскать

немцев.

В результате обыска была найдена записка одного из высших германских командиров, раскрывшая, что знаменитая 5-я гвардейская дивизия была расположена в ближайшем тылу, и указывавшая, какую она должна занять позицию в случае американского наступления, т. е. в это же самое утро.

Важные письма

В руководстве по разведке имеется следующая фраза: «Переписка между находящимися на фронте солдатами и их семьями и соотечественниками является одним из важнейших источников информации и относительно армии и относительно самой страны». Вследствие этого письма искали всюду, где их только можно было найти, в том числе и в карманах американских солдат, собиравших разные вещицы на память. Письма тщательно изучались. Несмотря на цензуру, они рассказывали иногда о передвижениях войск, говорили об эффективности нашей артиллерии, сообщали о потерях противника, рассказывали о том, как кормили солдат, и каково было их настроение. Письма из тыла постоянно намекали на недостаток продовольствия и давали нам иногда полезные сведения, указывая на общих знакомых, служащих в других полках. Иногда в письмах описывались даже результаты воздушных нападений на германские города. Для получения полной и точной картины сличались письма солдат одной роты или одного полка. Изредка какой-нибудь будущий Шерлок Холмс добивался поразительных результатов, заставивших одного шутника из разведывательного отдела опубликовать следующий документ под названием: «Толкование документов».

Невеста пишет из Берлина немецкому солдату: «Три месяца, как я не видела ни одного фильма».

Выводы:

- 1. Киноактеры работают во Франции в качестве шпионов.*
- 2. В Берлине не хватает электрической энергии, чтобы освещать кинематографы так же хорошо, как пивные.*
- 3. Проекционные аппараты используются в прожекторных частях на фронте.*

Солдат пишет своей невесте: «Как мне не хватает твоей улыбки!»

Выводы:

- 1. Германская армия предпочла бы сидеть дома, а не в окопах.*

2. Ни одна красивая женщина не имеет права приближаться к фронту.

С исторической точки зрения, наиболее важным германским документом, захваченным американцами, был доклад генерала Фукса Гинденбургу и Людендорфу о том, как американцы оттеснили его армейскую группу С во время сражения при Сен-Мийеле. Американский разведывательный отдел приказал напечатать этот доклад на английском языке и разослать американским генералам и штабным офицерам.

Разведывательный отдел узнавал тайны не только из клочков бумаги, но иногда даже по воздуху. Одним из величайших успехов было перехватывание и расшифровывание германских радиogramм. И марта 1918 г. немцы начали пользоваться новым шифром, совершенно неизвестным союзникам. Применение нового шифра было оценено как признак готовившегося большого весеннего наступления, и французы, англичане и американцы засадили своих лучших специалистов за работу для отыскания ключа к этому шифру.

13 марта наша подслушивающая станция услышала сообщение, переданное новым шифром одним немецким радиотелеграфным постом другому. Затем к своему изумлению мы поймали следующий ответ клером (в незашифрованном виде): «Мы еще не получили новых шифровальных книг. Просим повторить сообщение старым кодом». Передаточная станция исполнила просьбу. Нашим специалистам удалось, сличив оба сообщения, установить элементы нового шифра. Мы послали то, что нам удалось установить, французам и англичанам. Через три дня союзники читали новый шифр почти так же хорошо, как немцы. Когда, в конце концов, 21 марта началось большое наступление, германские сообщения расшифровывались от начала до конца.

Коды и их расшифровывание развились во время мировой войны до такой степени, что использование радио в будущей войне становится затруднительным. Союзники достигли такого совершенства в расшифровывании перехваченных сообщений, что наша главная квартира обычно знала расположение почти двух третей германских дивизий. Французы никому не говорили об источнике своей информации. Чем тщательнее они хранили тайну, тем было лучше. В особенности отличилось в этой работе британское адмиралтейство, в частности, когда надо было раскрыть намерения германского флота и германских подводных лодок.

В 40-й комнате перехваченные сообщения расшифровывались с поразительной быстротой. Дело в том, что русские водолазы в начале войны достали со дна моря германский код с потопленного броненосца «Магдебург»; впоследствии часто удавалось извлекать коды с потопленных подводных лодок. Однажды из обломков цеппелина разведывательным

отделом был извлечен код, послуживший затем причиной гибели многочисленных немецких подводных лодок.

В октябре 1917 г. потерпел неудачу последний большой налет германских цеппелинов; большей части экипажей пришлось приземлиться. Один из цеппелинов приземлился в Бурбон-ле-Бэн в американском учебном лагере в тылу Лотарингского фронта; люди были схвачены прежде, чем они успели уничтожить содержимое гондолы. Разведывательный отдел не преминул воспользоваться таким удобным случаем. Почти одновременно один американский секретный агент нашел книжку, содержащую радиокод, которым немцы пользовались для передачи приказаний своим подводным лодкам; по разорванным лоскуткам капитан Хьюббард восстановил карту, указывавшую зоны, предназначенные для каждой немецкой подводной лодки в Северном море. Страшный враг был в наших руках.

Как разведывательный отдел топил подводные лодки

Полковник Р. Х. Вильямс послал из Шомона капитана Хьюббарда с его драгоценной добычей в Лондон, причем большую часть пути его охранял начальник английской разведки бригадный генерал Мак-Дональд. Адмирала Симса как раз не было в Лондоне, но его адъютант, который был в это время болен, встал с постели и отвез драгоценный документ в 40-ю комнату. Для германских подводных лодок началась ужасная неделя. Повинуясь приказаниям, которые они получали по своему же собственному коду, но исходившим от союзников, они всплыли в гуще неприятельских эскадренных миноносцев. Если они не гибли, то подвергались преследованиям и были лишены возможности топить коммерческие суда. Еще до того как немцы обнаружили истину и изменили код, Ллойд Джордж заявил, что с самого начала подводной войны никогда так мало английских судов не было потоплено минами. Он мог бы еще прибавить, что никогда не было потоплено так много германских подводных лодок.

Опять-таки благодаря 40-й комнате перед сражением у Доггер-Банк адмиралтейству удалось послать адмиралам Джеллико и Битти сообщение, начинавшееся так: «4 германских броненосца, 6 легких броненосцев и 22 контрминоносца выйдут сегодня вечером в море для разведывательной экспедиции в направлении Доггер-Банк. Вернутся, вероятно, завтра вечером». Затем следовал приказ атаковать германский флот.

Долгое время было неизвестно, что одной из причин, по которым русские проиграли сражение на Мазурских озерах и многие другие сражения до 1915 г., было перехватывание немцами в течение первых месяцев войны русских радиотелеграфных сообщений. Таким образом, немцы более или менее точно знали, куда придется каждый удар противника, и им были

известны задачи каждой его дивизии, словно они присутствовали на всех русских военных советах. Французский офицер генерального штаба, прикомандированный к царской армии, положил много труда, чтобы убедить русское командование в необходимости очень часто менять шифры в условиях современной войны.

Когда Америка вступила в войну, она была почти так же мало сведуща в этих вопросах, как русские в 1914 г. Полковник Паркер Хитт и майор Фрэнк Мурман были единственными офицерами-специалистами в этой отрасли. Под руководством генерала Черчилля полковник Джордж Фабиан сформировал в Соединенных Штатах специальную роту радистов для подготовки кадров наших подслушивающих станций во Франции. Понадобилось семь месяцев для составления первого американского кода, и он был скоро отменен, так как, если бы он попал в руки немцев, опасность была бы слишком велика.

Позже немцам удалось завладеть одним из американских кодов. Вопреки строгому приказанию, один командир полка рискнул отправиться на передовые линии с экземпляром этой книги в кармане. Немцы выбрали именно этот день для организации налета на траншеи и захватили командира полка вместе с книгой. К счастью, кто-то знал, что эта книга была у майора в кармане. Тотчас же позвонили по телефону в главную квартиру, и все американские дивизии получили приказ немедленно переменить код.

Один и тот же код находился в действии не больше трех недель. Кончалось тем, что противник всегда его расшифровывал. Мы непрерывно проверяли путем передачи ложных сведений, не расшифрован ли наш код. Хорошим средством проверки была передача по радио приказа о наступлении на таком участке фронта, с которого мы уже увели все войска. Если немцы тотчас же открывали по этому участку заградительный огонь, нам оставалось только переменить код.

Благодаря одному американскому специалисту, расшифровавшему германские радио, союзники одновременно с немцами узнали о предстоявшей эвакуации Румынии генералом Макензенем. В этом сообщении, переданном по радио, настоятельно рекомендовалось немедленно вывести германскую оккупационную армию из Румынии и направить ее в Верхнюю Силезию через Венгрию. Таким образом, было обнаружено ненадежное положение этой армии. Немедленно уведомленное румынское правительство возобновило военные действия против Германии.

Германские посты подслушивания вначале успешно действовали против американцев, позволявших себе слишком свободно разговаривать. Во время сражения на Маасе в Аргоннах американцы перехватили германское донесение, которое довольно точно передавало боевое расписание союзников и указывало, что для определения, на основании сообщений по радио,

местонахождения одной из американских дивизий понадобилась целая неделя; этот срок германское донесение считало слишком долгим.

Генерал кончает ужин

Когда война уже близилась к концу, бригадный генерал Дж. С. Ри, командовавший в то время 2-й дивизией, расквартировал свой штаб на ферме, недавно эвакуированной германским командованием. Оставляя ферму, немецкий генерал обещал владельцу не подвергать ферму артиллерийскому обстрелу. Генерал Ри сел за стол, чтобы поужинать с семьей фермера. Почти тотчас же послышался свист снарядов, задрожали стены. Ужин пришлось кончать в подвале. Вдруг появился сержант, в ведении которого находилось радио. Он был бледен и взволнован.

— Генерал, — сказал он, — во время моего отсутствия капрал, мой помощник, послал клерком сообщение, в котором было точно указано, где проходила ночью линия фронта, и была названа ферма, где расположился ваш командный пункт.

— Немедленно передайте следующее новое сообщение, — сказал генерал сержанту, — и тоже клерком.

И он продиктовал поправку в указании линии фронта и сообщил, что штаб генерала Ри переехал в другую ферму, находящуюся на расстоянии 200 м от первой. Вскоре неприятельские снаряды изменили свое направление, началась бомбардировка другой фермы к величайшему неудовольствию прибывших туда офицеров, не предупрежденных об этой хитрости.

Благодаря перехваченному радио был пойман один из крупных шпионов в Соединенных Штатах. По радио передавалось сообщение германского посольства в Мексике, указывавшее некоему Пабло Ваберскому, который должен был перейти границу Техаса, какие военные заводы надо было взорвать в Америке. Впоследствии у Пабло было много досуга для размышлений о легкомыслии дипломатов, на жаловании у которых он состоял.

Разведывательный отдел перехватывал не только радиотелеграфные сообщения, но и сообщения по радиотелефону.

Он подслушивал разговоры по телефону одной германской траншеи с другой и быстро распознавал голоса тех, кто эти разговоры вел. Новый голос означал смену одной части другою. Когда одна из лучших германских дивизий — 10-я — прибыла на линию фронта перед сражением у Сен-Мийеля, наши подслушиватели тотчас же заметили новые голоса, и разведывательный отдел получил дополнительное доказательство

относительно намерений противника.

Все бесполезные разговоры по телефону в траншеях были строго запрещены, особенно всякое упоминание передвижений войск, смен одной части другою, планов, частей, имен, словом, всего того, что могло послужить к осведомлению противника.

На всякий случай говорить надо было всегда шифром, и каждый офицер имел свою кличку, которая должна была ввести противника в заблуждение.

Противник тоже занимался подслушиванием, как на собственном печальном опыте узнали однажды два телефониста из 26-й дивизии. В сырую ночь на участке Туля они слишком увлеклись разговором, как вдруг один из них услышал на линии странный шум.

— Что там такое? — спросил он, вспомнив, наконец, приказ о секретности переговоров. — Кто на линии?

— Кто на линии? — ответил иронический голос. — Два хитрых немца, очень вам благодарных за те сведения, которые вы им любезно дали.

Мы могли также определять местонахождение германской артиллерии. Звукометрические команды днем и ночью, особенно ночью, с максимальной точностью определяли местонахождение батарей. Земное или воздушное наблюдение позволяло проверять результаты их работы. По всему фронту специально обученные наблюдатели проводили целые дни, спрятавшись на вершине дерева, прижав к глазам бинокль, подстерегая и отмечая малейшее движение на неприятельских линиях. Каждое утро они искали новых окопов, вырытых за ночь. Ничто не ускользало от их взора, так как малейшее изменение на неприятельском фронте могло указать на планы противника.

Задача их далеко не всегда была легка, так как их преследовала артиллерия и пулеметы. Один наблюдатель из 77-й дивизии нашел однажды превосходный наблюдательный пункт — вершину большого дерева, — но его обнаружили немцы, и ему пришлось быстро слезть; будучи человеком упорным, он опять полез на дерево, как только огонь прекратился, и скоро был опять вынужден слезть.

Такая игра продолжалась целый день. В сумерках он послал своему начальнику следующую записку: «Если вы хотите, чтобы я продолжал наблюдение, пришлите мне новые брюки, потому что я совершенно разорвал свои, будучи вынужден целый день скользить по стволу дерева».

В течение двух последних лет войны наиболее зоркие глаза армии часто находились в воздухе. Летчики, видевшие и спускавшиеся на землю, чтобы

рассказать о виденном или даже доставить фотоснимки, оказали огромные услуги. Для непрерывного наблюдения наблюдатели пользовались также аэростатами. Разведывательный отдел достиг большого искусства по части расшифровывания фотографических снимков, сделанных с самолетов. Тень определенного характера означала склад боевых припасов, другая — позицию батареи. Очень легко было распознать траншеи и проволочные заграждения.

На участке Мааса в Аргоннах, в ясную погоду, случавшуюся редко, наши летчики не теряли времени. Именно они указали нам момент, когда немцы начали отступать на восток от Мааса, позволив нашей артиллерии преследовать их по дорогам и деревням. О том, что австрийские дивизии покинули немцев, тоже сообщила нам одна ночная эскадрилья.

Немецкие газеты давали разведывательному отделу ценные сведения о настроениях и условиях жизни в Германии.

После больших усилий удалось добиться регулярного получения разведывательным отделом в Понтарлье всех немецких газет через Швейцарию. Мы получали газеты на следующий день после их выхода. Как правило, газеты публиковали только то, что им разрешало правительство, и это сразу же позволяло нам получить представление о политике правительства. Бюро печати германской армии часто посылало германским газетам секретные бюллетени, указывавшие, какого тона следует придерживаться в отношении текущих событий; эти бюллетени всегда попадали в наши руки.

Во время последней кампании 1918 г. офицеры разведывательного отдела в Понтарлье в Шомоне с особенным интересом читали германские газеты, так как они содержали ценные указания относительно поражения германской армии. Во время переговоров о перемирии комментарии германской печати немедленно сообщались по телеграфу полковнику Хаузу в Париж и президенту Вильсону в Вашингтон. Они отражали настроение не только прессы, но и правительства.

Иногда немецкие газеты, — обычно газеты, выходившие в маленьких городах, где цензура была менее бдительна, — помещали военные сведения. Приблизительно в то же время, когда нами был раскрыт новый немецкий радиокод, перед весенним наступлением 1918 г., англичане и французы хотели узнать, где находятся ударные германские дивизии, потому что тем самым были бы обнаружены планы немцев. Среди этих дивизий первое место занимали пять гвардейских дивизий. Местонахождение четырех удалось установить, пятая же была неуловима. И вот разведывательный отдел, просматривая газеты, выходившие по всей Германии, наткнулся на заметку в одной из маленьких провинциальных газет, описывавшую какой-то праздник

и, между прочим, указавшую: «В празднике принял участие гвардейский оркестр».

Решенная задача

По всей вероятности, цензура думала, что она исполнила свой долг, не указав номера дивизии. Этой предосторожности было бы достаточно, если бы разведывательный отдел не имел других источников информации. Но осведомительная работа часто напоминает игру в пасьянс. Надо собрать все частицы, чтобы получить ясную картину. Показания какого-нибудь пленного, отправка какого-нибудь письма, приказ германской цензуры, перехваченное сообщение по радио — и вдруг один из недостающих элементов картины выясняется; это может быть всего лишь позиция отдельной батареи или же целый план сражения.

Германские газеты и донесения одного американского агента в Германии указали нам, что существует храбрость такого сорта, от которой лучше воздержаться. Они рассказали о судьбе одного американского майора, который среди бела дня попытался вместе с шестью французскими самолетами бомбардировать Кобленц. Мы узнали только о том, что он не вернулся. Подробности этого приключения стали известны позже. Застигнутые бурей, неопытные летчики были вынуждены приземлиться в Германии близ Кобленца; два американца сдались шестнадцатилетнему мальчику.

Германская пропаганда использовала этот случай, чтобы успокоить страх населения перед большими рейдами американских бомбардировщиков. Газеты приводили слова, сказанные якобы одним из пленных летчиков: «Десять или двадцать тысяч самолетов, обещанные год тому назад президентом Вильсоном, так и не были предоставлены». Газеты приводили также мнение начальника германской ПВО, заметившего: «Если шести американским самолетам не удалось достигнуть Кобленца, то нам нечего особенно опасаться нападения массы в двадцать тысяч самолетов».

Американцы никогда не слышали о подобном плане, но немцы упоминали о нем не без основания.

Один из лучших примеров работы американской разведки был дан полковником Конджером перед захватом 2-й дивизией деревни Во близ Шато-Тьерри. В течение месяца эта деревня находилась под наблюдением посредством подзорных труб; эту деревню фотографировали с самолетов, в нее посылались разведывательные патрули, подробно опрашивались французские беженцы, жившие в ней раньше, в частности, один каменщик, знавший в Во все глубокие подвалы. Полковник Конджер был осведомлен так хорошо, словно Во была его родной деревней. Каждый офицер, сержант и

капрал имел карту деревни, точно указывавшую район, куда он должен был повести свою роту, свой взвод или эскадрон. На эту карту был нанесен каждый дом и каждый подвал. Капитан Хэнфорд Мак-Нидер без малейшего колебания направился к своему новому командному пункту. Был отдан приказ закрыть выходы водопровода, образовывавшего тоннель под главной улицей. Конечно, там были обнаружены немцы, считавшие себя в безопасности.

Благодаря превосходной подготовке разведывательного отдела, занятие Во совершилось чрезвычайно легко и быстро.

Армия всегда нуждается в картах, и задачей разведывательного отдела было снабжение армии картами. Разведка была занята печатанием этих карт, и между 1 июля и 11 ноября 1918 г. из-под печатных станков вышло более 5 миллионов карт. Карты должны были быть точными и, главное, очень подробными. Карты были самого разнообразного характера, разных размеров, местные и общие. Одна 2-я армия генерала Бэлларда ежедневно печатала 33 различных карты, выпускавшихся в количестве от 50 до 4 000 экземпляров. Большая часть этой работы исполнялась типографской командой 29-го инженерного полка в Лангре, помогавшего разведке и следившего за тем, чтобы карт не крали.

Разведывательный отдел не мог печатать всех наблюдений, которые он получал. Он издавал четыре небольших ежедневных бюллетеня. Первый — «Секретная сводка разведки» — предназначался только для офицеров штабов и содержал наиболее важные сведения о немцах. Затем шел «Краткий обзор информации», распределявшийся среди всех дивизий и посвященный исключительно Западному фронту. Он содержал переводы документов, захваченных у немцев, и всевозможную информацию. Обзор мировой прессы, германской и союзной, посылался только в главную квартиру; наконец, имелся еще «Краткий обзор воздушной разведки», резюмировавший работу наших летчиков.

Разведывательный отдел стремился не только собирать сведения о немцах, он был еще занят дезинформационной работой, касавшейся наших собственных сил. Задачей контрразведки была борьба с германскими шпионами и агентами, а разведывательный отдел пользовался прессой, цензурой и пропагандой, чтобы каждый раз, когда он мог, направлять немцев по ложному пути.

— Почему вы доверяете своим журналистам? — опросил однажды генерал Петэн одного офицера американского штаба.

— Мы их используем, но мы им не доверяем, — ответил тот.

Французские, английские и итальянские корреспонденты имели своих «руководителей-офицеров», которые следили за каждым их шагом, слушали их разговоры с генералами и солдатами и подвергали безжалостной цензуре составленные ими телеграммы. Американские корреспонденты в количестве 31 человека, прикомандированные к американской экспедиционной армии, подведомственные разведывательному отделу, бывали всюду, куда они могли проникнуть, питались тем, что могли найти, задавали решительно всем вопросы и на американский манер спорили с цензорами.

Вначале не обходилось без столкновений между некоторыми офицерами штаба и журналистами, пока первые не начали понимать, что, как недавно заявил генерал Нолан, «мы не без серьезной причины предоставили такую свободу своим военным корреспондентам. Наш народ не мог бы долго продолжать войну, не будучи осведомлен о происходящих событиях. По этой причине генерал Першинг вполне одобрил политику, состоящую в том, чтобы давать как можно больше сведений в той мере, в какой они не повредят операциям».

Эта концепция была разработана после долгих споров. Она была подвергнута обсуждению в связи с возможностью будущей войны. Несколько лет тому назад этот вопрос был поставлен в порядок дня на собрании молодых офицеров, бывших цензоров американской экспедиционной армии и представителей прессы. Вопрос заключался в том, должен ли в современной войне главнокомандующий армией рассчитывать на поддержку общественного мнения своей страны. Автор книги о военной разведке полковник Суиней ответил на этот вопрос так: «В республике или при каком-нибудь ином строе, законом которого является свобода печати, не может быть сомнения, что будущность военного командира находится в руках цензуры и зависит от того, как этой цензурой руководят».

Такой ответ привел к следующему вопросу: «Зависит ли в таком случае будущность командира от его искусства или от той репутации, которую создает ему цензура?»

Полковник Суиней ответил: «От его искусства, если, однако, считать составной частью этого искусства то, как он руководит прессой».

Во время последней войны цензура создавала репутации, служа иногда только этой цели. Однако некоторые правила соблюдались до самого конца войны, например, правило превозносить достоинства главнокомандующего, не допускать никакой критики его действий и даже запрещать упоминание имен офицеров, находившихся в его непосредственном подчинении. Англичане прибегли к этой мере, чтобы не допустить интриг прессы при продвижении по службе, и мы ее целиком у них переняли. Вот почему еще и теперь сравнительно мало известны имена генералов, служивших под

командованием генерала Першинга.

Требования цензуры не один раз были причиной трений между цензорами и корреспондентами, боровшимися за свободу печати, но было бы заблуждением предполагать, что в военное время свобода печати может существовать. Кроме того, отсутствие свободы печати тревожило общественность гораздо меньше, чем ужасы войны. Американские корреспонденты в согласии с цензурой иногда умышленно обманывали своих американских читателей, чтобы одновременно ввести в заблуждение немцев.

За кулисами

Летом 1917 г., когда американские силы включали только одну дивизию, имевшую всего три четверти своего состава, французы, имея в виду моральный эффект, сделали попытку убедить генерала Першинга в том, что его войска надо послать немедленно на фронт. Генерал Петэн устроил дивизии смотр и произнес речь, в которой он объявил, что дивизия уже готова идти в окопы. Его речь была послана корреспондентами в газеты. Однако когда маршал Жоффри в свою очередь устроил дивизии смотр и был затем приглашен американцами к обеду, он заявил, что дивизия пойдет на фронт только тогда, когда ее командир сочтет ее для этого пригодной. Корреспонденты опять послали это заявление в газеты, нисколько не думая о своих прежних сообщениях. Через несколько месяцев генерал Першинг приказал отправить американские войска в окопы.

Приблизительно через год численность американских войск была достаточной для формирования первой американской армии и для организации, исключительно средствами американцев, наступления на Сен-Мийель; тем не менее, все газеты в Америке и в Европе помещали телеграммы корреспондентов, указывавшие в качестве района расположения первой американской армии участок Марна — Урк — Вель, находившийся на расстоянии доброго дня пути от Сен-Мийель. Когда через несколько дней корреспонденты выехали из этого района в Сен-Мийель, один из них остался в Мо, чтобы до последней минуты посылать телеграммы, между тем как остальные корреспонденты находились в Нанси до самого дня наступления.

Перед американским наступлением на Маасе в Аргоннах американцы только и делали, что говорили в телеграммах о Меце, стремясь привлечь внимание немцев к этому району; когда на Маасе в Аргоннах было начато наступление, неприятельские резервы были сосредоточены вокруг Меца.

Простейшее правило газетной цензуры сводилось приблизительно к следующему: позволять печатать все, что не может снабдить немцев полезными сведениями или подействовать неблагоприятно на дух американских или союзных войск. Целью почтовой цензуры была, главным

образом, борьба с контрразведкой и сигнализирование предательства в наших собственных рядах.

Цензурирование знаменитой газеты американской экспедиционной армии «Старс энд Страйпс» («Звезды и Полосы») было бы очень затруднено, если бы издателями не были сами цензоры. Газета была основана цензором майором Гюл Т. Вискниски, у которого зародилась эта мысль одновременно с полковником Кампанолом и полковником Фредериком Пальмером той печальной зимою 1917/18 г., когда у цензуры не хватало работы. Эта газета, служила целям пропаганды так же хорошо, как и целям информации, объясняя американским солдатам происходящие события и, главным образом, изображая в комическом духе все их невзгоды. Эта газета сыграла большую роль в поддержании духа солдат.

Официальные американские сообщения, так же как «Старс энд Страйпс», были смесью известий и пропаганды. Составлять их было поручено одному из офицеров разведывательного отдела. Их просматривал генерал Нолан и иногда, во время наступления на Маасе в Аргоннах, полковник Хоуэлл. Случалось, что их направляли генералу Першингу. Один раз после второго дня победоносного наступления на Сен-Мийель, генерал Першинг сам составил сообщение. Но и в этом случае он написал его так, чтобы обмануть немцев. Официальные сообщения содержали почти все сведения, которые могли напечатать главнейшие европейские газеты о нашем большом наступлении на Маасе в Аргоннах, и до некоторой степени указывали те пределы, которых американские корреспонденты должны были держаться в своих телеграммах. Официальное сообщение, выходящее в полдень, было обычно очень кратким; зато в 9 часов вечера американскому цензору в Париже передавались по телефону все сообщения из ставки главнокомандующего или из штаба 1-й американской армии в Суйи, чтобы он мог передать их французской прессе, протелеграфировать их военному министерству в Вашингтон и передать по телефону во все части, включая и главный штаб прессы на фронте, от которого по получении официального сообщения отредактированные телеграммы прибывали в Америку иногда раньше самого официального сообщения. За несколько дней до наступления на Сен-Мийель разведывательный отдел стал пользоваться для передачи американских сообщений радиостанцией на Эйфелевой башне, и таким образом они немедленно попадали к немцам.

Пропаганда разведывательного отдела становилась все более и более искусной и эффективной; в течение последних трех месяцев войны американцы играли весьма значительную роль в этой топкой игре, которую вел покойный лорд Нортклиф.[4] В этот период, пользуясь самолетами и маленькими аэростатами длиной в 9 футов и весом 4 фунта, американцы в миллионах экземпляров разбрасывали брошюры за линией германского

фронта. Французы имели специальные 75-мм снаряды, которые они наполняли листовками и разбрасывали на немецких линиях.

Многие из этих предназначенных для пропаганды листовок, которыми наравне с американцами пользовались англичане и французы, доставлялись из Америки, например, отрывки из речей президента Вильсона о мире и о демократическом правительстве в Германии. В листовках мы опровергали также слух, который немцы распространяли с целью борьбы с дезертирством, а именно, что мы якобы убиваем пленных. Американцы достигли превосходных результатов, распространив экземпляры приказа, подписанного генералом Першингом, устанавливавшего, что германские пленные должны получать ту же пищу, которую получали американские солдаты; затем следовало перечисление рациона. Многие изголодавшиеся немцы, дезертировавшие или сдававшиеся в плен, вытаскивали из кармана этот листок и показывали его в качестве «талона на получение пищи».

Гинденбург и Людендорф пытались бороться против нашей пропаганды строгими приказами о немедленной передаче таких листовок в руки властей. Лица, не состоявшие на военной службе, подбиравшие эти листовки, приговаривались к штрафу в 25 долларов. Тем не менее, в мае мы разбросали 85 000 листовок, в июне 120 000 и в июле 300 000. О том действии, которое они производили, можно судить по приказу, составленному генералом фон Гутьером 29 августа 1918 г., экземпляр которого был захвачен американцами. Обращаясь к своим войскам, генерал писал: «Противник создал министерство с целью разрушения веры немцев, министерство, во главе которого он поставил самого большого жулика Антанты — лорда Нортклифа.

Метод Нортклифа состоит в распространении посредством самолетов все большего и большего количества листовок и брошюр; письма германских пленников подделываются самым бессовестным образом; листовки написаны так, словно их авторами являются немецкие поэты, писатели или государственные деятели и словно они напечатаны в Германии, тогда как в действительности они вышли прямо с печатных станков Нортклифа, работающих день и ночь.

К счастью, министр по разрушению германской веры Нортклиф забывает, что немцы — это не негры, не индусы и не безграмотные французы, англичане или американцы, неспособные раскрыть уловки противника.

Разъясните эти гнусные методы вашим более молодым и менее опытным товарищам, скажите им, чего ждет от них наш смертельный враг и что поставлено на карту. Подбирайте эти листовки и брошюры и передавайте их своим командирам, чтобы они пересылали их верховному командованию, которое сможет извлечь из них полезные сведения относительно намерений

наших врагов. Вы сможете таким образом своим начальникам и ускорите нашу победу».

В действительности разведывательный отдел в своих листовках всегда говорил только правду, считая, что это дает превосходные результаты. Сторонником такой политики был стратегический совет, в состав которого входили: посол в Бельгии Хью Гибсон, Уолтер Пэйдж из «Уорлд Уорк» и Уолтер Липпман из «Нью-Йорк Уорлд». Специальный отдел пропаганды фронта, возглавлявшийся капитаном Хибером Банкенхорном, пользовался только фактами и ничем больше. Так, президент Вильсон действительно произнес речь, напечатанную в наших листовках, тогда как германская цензура позволила немецким газетам напечатать только умышленно исковерканные выдержки из нее. Точно так же генерал Першинг действительно отдал приказ относительно питания пленных, которых в самом деле кормили так хорошо, как им было обещано. Конечно, это была пропаганда, стремившаяся подорвать дух немцев и уничтожить у них всякое желание драться, но это была честная борьба.

Искусные уловки

Существовал еще другой вид пропаганды, которую можно было бы назвать «высшей пропагандой». Большое искусство в этой области проявили французы. Дело заключалось в том, чтобы давать газетам не вполне точную версию событий, с таким расчетом, чтобы вызвать нужную реакцию общественного мнения. Когда наша первая дивизия вступила в боевую полосу в Пикардии, французы извлекли из этого превосходные результаты в смысле пропаганды; они сообщали, что одна из частей полка, входившего в состав дивизии, победоносно отразила немецкий батальон, и таким образом оправдала доверие, которое питали к американцам.

В действительности такой стычки не было. До сих пор никто еще не отдал себе вполне отчета, насколько пропаганда помогла сделать Шато-Тьерри популярным в Америке.

Метод, о котором избегают говорить в некоторых кругах после войны, но который, тем не менее, часто применялся американскими и союзными офицерами и генералами, состоял в том, чтобы толкать войска на величайшие усилия путем преувеличения или искажения фактов или взывания к чувствам. Так, иногда по какому-нибудь участку фронта распространяли слух об успехе на другом участке фронта, чтобы поощрить войска к наступлению и оправдать то усилие, которого от них требовали для достижения необходимой цели. Исходя из этой же установки, в качестве объекта всегда указывали значительно более отдаленную местность, чем та, которой должны были достичь войска; это делалось не только для того, чтобы

заставить войска выступить, но и для того, чтобы их подогнать. Первое вторжение немцев в американские траншеи доказало нам пользу пропаганды.

По данным французской осведомительной службы, немцы обещали большое вознаграждение первому германскому солдату, который захватит в плен американца. Соответствовали ли эти сведения истине или нет, неизвестно, но они сослужили большую службу нашей пропаганде в американских газетах в 1917 г. и вызвали негодование населения против немцев. Итак, ночью 2 ноября в окрестностях Арракура в Лотарингии сотня немцев бросилась добывать обещанную награду и захватила 12 бойцов 16-го пехотного полка 1-й дивизии, оставив на месте трех убитых и много раненых.

Эти двенадцать бойцов стали предметом большого интереса в высших кругах германской разведки, и каждый из офицеров, включая и кронпринца, расспрашивал их о военных проектах Америки, о ее планах и намерениях. Следуя ли получерным приказаниям или вследствие непонимания в 1917 г. многими американцами, почему их страна вмешалась в европейскую войну, так или иначе, эта двенадцать пленных проявили полную неосведомленность.

— Почему вы, американцы, сражаетесь против нас, немцев? — спрашивали их.

— Чтобы освободить Эльзас-Лотарингию, — отвечали американцы.

— А что такое Эльзас-Лотарингия?

— Это, кажется, большое озеро где-то там, — ответил один из солдат.

И все ответы были такого же рода.

Донесение об этой беседе, к которому были приложены фотографические снимки, попав в руки американского разведывательного отдела, привело его в ужас. Так продолжаться не могло. Надо было, чтобы армия знала, почему она воевала, ибо подобное неведение давало в руки германской пропаганды оружие, которым она позже пыталась воспользоваться, но тогда уже наши мероприятия дали свои результаты. Сражавшиеся солдаты были уже подготовлены.

Независимо от других высказываний, американским генералам указали на слишком большую миролюбивость их солдат также и германские донесения. Американцы недостаточно ненавидели немцев, не отдавали еще себе отчета в том, что война — это ад. Когда несколько позже 1-я американская дивизия очутилась на линии фронта, ей был прочитан приказ генерал-майора Р. Л. Улларда, напоминавший о том, что у одного из трех американских солдат,

убитых немцами во время одного из набегов, было перерезано горло. Только тогда американские солдаты стали точить свои кинжалы.

После прекращения военных действий роль разведывательного отдела штаба уменьшилась. Недавно один офицер разведывательной службы жаловался на то, что главным его занятием являются ответы на вопросы людей, пишущих о войне. Даже название G.2 является теперь лишь полуофициальным, ибо эта организация, возглавляемая полковником Стэнли Х. Фордом, носит теперь название отдела военной разведки. Но если вы хотите что-нибудь знать по любому вопросу о любой стране, вам почти всегда сможет дать такие сведения отдел военной разведки.

Однако отдел военной разведки очень мало или почти не занимается тем, что называют в обиходе «секретной службой». Эта служба прекратила свое существование с войной, и именно ее историю собираюсь я рассказать.

Глава вторая

Тайный поединок

Борьба между шпионами и контрразведкой в американской экспедиционной армии

В ночь на 27 мая 1918 г. германские наблюдатели, притаившиеся в разрушенной деревне Кантиньи, были так веселы, как только можно быть веселым на фронте. Против них вдали американские траншеи казались спокойными и мирными. Даже американская артиллерия почти умолкла.

В этот день Людендорф застиг врасплох нового союзного генералиссимуса Фоша, вдавил англо-французский фронт у Шмен-де-Дам и наступал на Париж. Вот хороший день!

Может быть, Германия победит, пока еще не успеет явиться слишком много проклятых американцев. На этот вечер 1-я американская дивизия, по-видимому, смирилась. Ночь пройдет спокойно.

«Stille Nacht, heilige Nacht»[5] — напевает старый фельдфебель, блаженно покуривая трубку, огонек которой он прикрывает ладонью. Вдруг он роняет трубку, нагибается вперед, нервы и мускулы у него напряжены, он готов поднять тревогу. В темноте, там, где тянется линия американских окопов, он заметил свет, услышал сначала выстрел, потом крик, и опять воцарилась тишина.

— Что это такое? — быстро приближаясь, спрашивает один из его товарищей. Они снова пристально вглядываются в темноту, но ничего не видят и не слышат. Проходят минуты, потом часы. Сквозь туман брезжит рассвет.

Напряжение проходит. Вероятно, это был часовой, которому что-нибудь померещилось, но ничего серьезного не случилось. Смеясь, они зажигают опять трубки в тени своих касок. Уже без шестнадцати минут шесть. Скоро спокойная ночь кончится. Но они так и не увидели наступавшего дня. Неожиданно позади американских линий, мрачный и угрожающий, как сам рок, начался ужасный грохот сотен пушек, выпускавших свои снаряды, которые смели Кантиньи и сеяли смерть и страх. После заградительного огня 3 тысячи американских солдат 28-го пехотного полка бросились впервые на штурм. Их поток наводнил Кантиньи, ударами штыков они убивали немцев, не желавших сдаваться. Первое настоящее наступление американцев во время великой войны кончилось полной победой.

Тайные поля сражений

Этой победой американцы были обязаны другой победе, одержанной во тьме, без ведома кого бы то ни было; это был эпизод в борьбе между шпионами и контрразведкой.

Иногда победы, одержанные на таких полях сражений, имели большее значение, чем победы, одержанные явно.

Молчание, следовавшее после выстрелов, по сей день скрывает то, что произошло в американских окопах той ночью под Кантиньи. Немногим известно, что в эту ночь темный силуэт человека в американской форме, прижимающего что-то к груди под гимнастеркой, украдкой пробрался по узкому ходу в окопах в маленькую сапу, выходящую на «ничью землю». Немногие знают, что еще два силуэта людей в такой же форме следовали за ним; увидя, что он выходит из сапы и бегом устремляется к немецким окопам, они без колебаний перепрыгнули через парапет.

— Держи его! — глухо крикнул один из преследователей. — Держи!

Затем через мгновение:

— Стреляй!

В темноте прозвучали выстрелы. Бегущий остановился у проволочных заграждений, вскрикнул и упал. Преследователи бросились к нему.

— Готов, — прошептал один из них, — пуля в спине.

Другой схватил то, что таинственный «американец» прятал под гимнастеркой.

— Книга траншейного шифра, — сказал он.

Так немцы ничего не узнали о наших намерениях и не получили предупреждения, которое попытался добыть для них в ночь перед наступлением немецкий унтер-офицер, одетый в американскую форму. Так была спасена жизнь сотен американцев, и штурм Кантињи был внезапным, быстрым и победоносным. Тайная война иногда велась на ножах.

В этом мрачном столкновении тайной армии вели борьбу иногда во всех частях света. Тайная война была не менее всеобщей и сложной, чем война явная; по всему миру непрерывно действовали ее агенты, без усталости собирая мелкие и крупные сведения, которые могли бы помочь найти ответ на вечный вопрос: «что подготавливает противник?»

Секретная служба союзников, менее прославленная, чем немецкая, была, тем не менее, так же хорошо организована и так же эффективна. Французы готовились к войне более 40 лет; хотя англичане развернули разведку только к моменту войны, они направили в нее замечательных людей, которые считали за честь участие в этой работе; бельгийцы проявили на этой работе все свое самопожертвование, русская разведка слыла чрезвычайно искусной, и, наконец, к этой работе присоединилось 50 тысяч вновь прибывших американцев. Однако значение разведывательной службы продолжало оставаться в таком же секрете, как и работа, которую она выполняла.

Кто в те времена или позже когда-нибудь слышал о том, что делала американская секретная служба в Европе?

Ее работа была разнообразна, иногда она была чрезвычайно важной, часто опасной, иногда захватывающей и почти всегда интересной и для американских патриотов и для людей, любящих таинственные приключения. Теперь пришло уже время рассказать подлинную историю разведывательного отдела (G. 2-B), или полицейской разведки (1. P.) — этого удивительного формирования — или историю «безмолвных наблюдателей» — этой армии внутри армии, о существовании которой никто не подозревал. Все это были люди, выслеживавшие противника и шпионов противника, боровшиеся против неприятельской разведки и занятые войной, в которой, как и в той другой, явной войне, ставкой были часто тысячи человеческих жизней; судьба сражений и наций зависела иногда от тайного шифрованного сообщения на шелковой бумаге.

Наша секретная служба в Европе

То немногое, что было опубликовано о нашей секретной службе в Европе, большей частью является плодом досужей фантазии. Правду никогда нельзя будет раскрыть всю целиком. Это значило бы навлечь на нашу и многие другие страны целую бурю гнева, ненависти, подозрений и негодования. Неудивительно, что значительное число документов секретной службы было

уничтожено и что все правительства, владеющие этими маленькими ящиками Пандоры, держат их тщательно запертыми. Тем не менее, можно рассказать некоторые эпизоды из практики нашей разведки, иногда неопытной, но всегда с энтузиазмом боровшейся против германской разведки.

Как только мы вступили в войну, немцы стали, проявлять гораздо больше ожесточения, чем они проявляли в то время, когда мы были нейтральны. Нам пришлось немедленно занять оборонительную позицию. Впрочем, в области секретной службы, по крайней мере, во время войны, легче противодействовать шпионам противника, чем успешно организовать шпионаж в лагере противника. Именно по этой причине мы достигли гораздо больших успехов в области контрразведки и по части ловли шпионов, чем в организации самого шпионажа. С самого начала мы получили зловещие доказательства трудности стоявшей перед нами задачи.

Немцы пытались уничтожить американскую экспедиционную армию даже еще до того, как она ступила на французскую землю. Два из трех транспортов 1-й дивизии подверглись нападению со стороны подводных лодок у французского берега. Эти нападения были отражены, и войска высадились, отчасти благодаря американской секретной службе. Перед тем как первый транспорт вышел в море, наша морская цензура, учрежденная с момента вступления Америки в войну и следившая за телеграммами, исходившими или адресованными в Америку, перехватила телеграмму, адресованную в Амстердам, в которой запрашивались цены на разные мукомольные машины в различных количествах; цифры точно соответствовали числу полков на кораблях и почти точно числу подразделений в каждом полку. Возникло подозрение, что адресат телеграммы является агентом германской секретной службы. Отправитель телеграммы, который был владельцем мелкой экспортной конторы в Бруклине, был уже раньше внесен союзниками в списки подозрительных. Он якобы действовал по поручению одной южноамериканской фирмы, которая не могла переписываться с Голландией из-за английской цензуры. Его рассказ показался таким странным, что весь остаток войны он просидел в тюрьме. Подводные лодки пытались потопить американские транспорты, а тайные германские агенты закладывали бомбы на борту готовых к отплытию американских пароходов, как они это делали раньше с союзными судами. Им это удалось около пятидесяти раз.

Несмотря на все принятые предосторожности, они прятали бомбы среди грузившегося в камеры угля, и на двух транспортах с американскими войсками в открытом море вспыхнул пожар. Они пытались также взорвать старый пароход «Де-Кальб», который в качестве транспорта дважды пересек Атлантический океан, несмотря на саботаж, организованный на его борту и

раскрытый лишь после войны.

Шпионы часто пользовались особыми бомбами, которые зажигали корабль в открытом море после медленной реакции серной кислоты на металлический корпус бомбы. Бомбы этого типа были опаснее бомб с часовым механизмом, выдававшим иногда их присутствие. Эти бомбы были маленькие, покрытые дегтем и терялись в кусках угля, среди которых они были разбросаны.

Едва первая дивизия успела высадиться в Сен-Назере, как французы предупредили американцев, не имевших еще контрразведки, что о прибытии американских войск известно германским агентам данного района и, насколько можно судить, поручено следить за американскими солдатами.

С этого момента мы поняли, что немецкие агенты причинят нам все то зло, которое будет в их силах, будут ли они воровать документы и планы или выпытывать сведения у наших не умудренных опытом солдат при помощи водки, женщин и даже всяких снадобий. Мы уже тогда знали, на что была способна германская секретная служба.

После прославленного немецкого шпиона Штибера, если не считать царскую полицию, Германия имела самую гнусную разведку в Европе. По признанию Бисмарка, именно эта разведка сделала возможной блестящую победу Мольтке в войне 1870 г., так как посредством световых сигналов она посылала из Парижа указания о передвижениях войск маршала Мак-Магона до самого поражения под Седаном.

Еще до того как Бисмарк подделал телеграмму из Эмса, он уже знал, что Штибер наводнил Францию секретной армией бесчисленных шпионов, которые с распростертыми объятиями готовы были встретить пруссаков Мольтке.

Бисмарк превратил в своего союзника порок: именно он организовал в Берлине гнусный «Зеленый дом», поощрявший самые низкие инстинкты немецких и иностранных дипломатов, политических деятелей и офицеров, от которых затем, пользуясь шантажом, Бисмарк добывал нужные ему сведения. Полеми его деятельности были людские слабости.

Наркотики в помощь шпионажу

Американцы вскоре обнаружили, что немцы принялись за летчиков, стараясь превратить их в рабов наркотиков.

Это был широкий заговор, разветвления которого распространились на многие американские аэродромы во Франции и центром которого был лагерь в Туре, бывший главным штабом службы снабжения боевыми припасами. К

кокаину немцы прибавили проституток. И наши молодые летчики, которым каждое мгновение грозила смерть, были для них легкой добычей.

Метод применялся самый простой. Развращенные женщины, иногда француженки, но большей частью иностранки, завлекали американцев по вечерам, когда они хотели отдохнуть душевно и физически после целых дней напряжения и борьбы. Женщины уводили американцев к себе и из сострадания к ним предлагали им выпить. Иногда в напитки были подмешаны наркотики, в других случаях наркотики появлялись на сцену позже.

Прежде чем многие летчики успевали отдать себе отчет в том, что с ними происходит, они становились рабами кокаина и никак не могли удовлетворить пожирившую их страсть, разрушавшую их физические и моральные силы.

Именно на это немцы и рассчитывали. Они снабжали этим подлым средством тайной войны группу самых беспринципных людей, имевшую в этой области большой опыт. Французская полиция, как только американская секретная служба обратилась к ней за сведениями, быстро обнаружила среди членов этой зловещей банды опасных преступников.

— Это очень серьезное дело, — сказали французы, — надо соблюдать большую осторожность.

Однажды группа весьма скверно замаскированных сыщиков расположилась в маленьком кафе, где должна была состояться встреча агента американской секретной службы с несколькими членами банды. Однако последние не пришли. Достаточно было одного взгляда на переодетых сыщиков, чтобы заставить членов банды насторожиться. После этого случая пришлось выждать момент, чтобы их захватить, но, в конце концов, эту банду удалось поймать.

Скандалное дело с «Черной книгой» является другим доказательством того, на что была способна германская секретная служба. Американской секретной службе в Швейцарии удалось помешать этому гнусному проекту благодаря помощи одного немца, известного по сей день под именем Зеро, трагическую историю которого я расскажу ниже. Это он, не получив ни копейки в награду, рассказал, как осенью 1918 г., на закате своего могущества, немцы, пользуясь шантажом, надеялись добиться некоторых преимуществ во время переговоров, предшествовавших перемирию.

До 1914 г. многочисленными немецкими агентами за границей, не только во Франции и России, но и в Англии, были женщины, занимавшие самое различное положение: проститутки, содержательницы публичных и игорных

домов, девушки из кафе, кельнерши, горничные в домах крупной буржуазии или аристократии. Кроме того, немцы пользовались услугами официантов в кафе и клубах. Большинство тайн, которые узнавали эти люди, касались частной жизни их хозяев: подробности устройства тайной квартиры такого-то, отчет о приемах, интимных вечерах и оргиях лорда X, о карточных долгах капитана Y и т. д. Это не были военные или дипломатические сведения, а просто сведения о личной жизни видных деятелей. И каждая из этих историй, каждый из этих скандалов, все эти гнусные сплетни, сообщенные германской секретной службе, записывались в «Черную книгу», значение которой можно себе представить по названию, которое ей дали англичане: «Книга сорока тысяч имен».

Союзные разведки слышали об этой книге, но не знали, какое употребление собирались сделать из нее немцы. Они знали, что кайзер запретил пускать ее в ход, но книга не была уничтожена. В своем секретном сейфе она ждала случая, чтобы появиться на свет и разлить яд, которым она была полна. К концу 1918 г. приведенная в отчаяние Германия вспомнила об этом опасном оружии.

Вооруженная этими сорока тысячами тайн, германская секретная служба решила начать в союзных странах кампанию, чтобы вынудить союзников принять германские условия: быстрый и легкий мир.

«Черная книга»

Германские агенты быстро создали особую организацию, которая должна была вызвать целый ряд скандальных историй вне Центральной Европы. Во главе этой организации стоял немецкий еврей, занимавшийся в Швейцарии адвокатурой и состоявший в родстве с артистом, очень известным в Соединенных Штатах. Были ли его помощники жалкими созданиями, готовыми идти на любые дела? Нисколько. За это грязное дело взялись немцы, обладавшие недюжинными способностями. Они прямо или косвенно вступали в связь с каким-нибудь влиятельным лицом союзной или даже нейтральной страны, грехи которого были записаны в «Черной книге».

— Германия хочет мира, — говорили они. — Вы имеете в своей стране политическое, военное, финансовое, литературное или еще какое-нибудь влияние. Воспользуйтесь этим влиянием, чтобы германские предложения были приняты, не то мы кое-что разоблачим, и вот, чтобы вас убедить, маленькая выдержка из записей, сделанных в «Черной книге».

Таким образом, мужчинам и женщинам, занимавшим видное положение, грозили позором, социальной гибелью или финансовым разорением, а иногда и тем и другим.

По счастливой случайности, союзной разведке, благодаря сведениям, доставленным американцами, удалось раскрыть это гнездо шантажистов и закрыть «Черную книгу». Она закрыта, но где она находится? Сколько людей дорого бы дали, чтобы это знать!

Подвиг такого же характера, как те, которые немецкая секретная служба собиралась совершить, пользуясь «Черной книгой», был совершен в Восточной Пруссии в провинции, принадлежащей теперь Польше. Долгое время польское население этих провинций страдало под германским игом и, подобно полякам в Австрии, не переставало надеяться на свободу. Однажды некий офицер гвардейского полка, красивый мужчина с приветливыми манерами, был вызван в разведку, а затем послан со «специальным заданием».

— Мэр одного из крупнейших городов этой провинции — поляк, — сказали в разведке офицеру. — Нам известно о его неблагонадежности, простирающейся до того, что он принимает участие в революционном заговоре, но мы не можем этого доказать, а он слишком популярен, чтобы сместить его с должности без доказательств. Вы должны добыть сведения, в которых мы нуждаемся.

Затем, понизив голос, ему добавили:

— У него очень красивая дочь. Чтобы получить эти сведения, вам, может быть, придется ее соблазнить и даже на ней жениться. Вы не должны ни перед чем останавливаться.

Офицер приступил к выполнению задания. Через несколько месяцев красивая дочь мэра одного из больших городов Восточной Пруссии умерла — она покончила жизнь самоубийством!

Варварские методы германской секретной службы никогда не проявлялись с такой ясностью, как в деле Эдит Кавелл.

Всем известно, что мисс Кавелл помогала бежать солдатам союзных армий. Но мало кто знает всю подоплеку этого знаменитого дела, подоплеку, которая не была даже выяснена во время недавних споров, вызванных появлением фильма. Это дело имело гораздо большее значение, и было более мрачным, чем обычно думают.

Эдит Кавелл была арестована 4 августа 1915 г., т. е. ровно через год после объявления войны, Эбергардтом и Пинковым — агентами германской секретной службы. Пинков до войны был шпионом в Париже. Но Иуда, предавший несчастную сестру милосердия, принадлежал к влиятельной бельгийской семье, и его отца знала вся страна. Сын-предатель связался с

немцами подобно некоторым фламандцам в Бельгии; он обнаружил кафе у голландской границы, куда для тайных встреч приходила мисс Кавелл. Его информация повлекла расследование, которое вел германский агент Энгель, бывший раньше жокеем, раскрывший многих лиц, связанных с мисс Кавелл, большинство которых занималось шпионажем против захватчиков. 31 июля Энгель захватил Анри Бока (которого называют иногда Брок) под кличкой «Фромаж» [«Сыр» — В.К.], занятого распространением 5 тысяч экземпляров знаменитой подпольной газеты «Свободная Бельгия». Были арестованы и другие лица; среди них находились графиня де Бельвилль и некая дама из Камбрэ. До тех пор немцы, питая сильные подозрения, не знали самого главного. И задетые за живое агенты во что бы то ни стало решили раскрыть все дело.

Все это кончилось самой крупной «победой», когда-либо одержанной немцами в тайной войне. Мисс Кавелл и ее сообщники были подвергнуты перекрестному допросу бывшим чиновником немецкой полиции Гольдшмидтом. Все их разговоры между собою улавливались микрофоном, и среди них в тюрьме находились германские агенты. Однако все арестованные отказались давать показания и сообщить имена своих товарищей — все, за исключением дамы из Камбрэ. Она дала показания. Затем 21 октября 1915 г. мисс Кавелл и Анри Бок были расстреляны. По донесению союзной разведки, вопреки слухам, которые распространяли немцы, мисс Кавелл приняла смерть мужественно. Пинков получил железный крест, а Энгель — деньги.

Но этим дело не кончилось. Немцы терпеливо следовали по пути, указанному дамой из Камбрэ. Впрочем, это не было так трудно, как можно было бы подумать, ибо большинство агентов французской разведки в Бельгии знали друг друга, что было серьезной ошибкой. Как только один из них начинал говорить, нетрудно было день и ночь следить за другими в ожидании приказа об их аресте.

Приказ этот был отдан с большим опозданием. Немцы ждали до февраля 1916 г. Только незадолго до своего большого наступления на Верден они разгромили французскую разведку в Бельгии. Они устроили самую большую облаву на шпионов, организованную за все время войны; было арестовано 800 французов и бельгийцев. 179 человек было приговорено к смерти, но, как кричали немцы по всей Бельгии, казнено было только 70 человек.

Французы, потеряв своих агентов в Бельгии, в течение долгих месяцев отчаянно сражались под Верденом, но они действовали несколько вслепую, если принять во внимание, что это было их величайшее сражение. Они ничего не знали о том, что происходило в тылу одною из важнейших участков Западного фронта, за исключением того, что им могли сообщить англичане, агенты, которых, не зная друг друга, работали в безопасности.

Судьба одного предателя

Предатель, на котором лежала ответственность за весь этот разгром, продолжал действовать. Но он возбудил подозрения своих соотечественников. Однажды ночью, когда он возвращался домой, двое мужчин спросили у него, который час, и, пока он смотрел на часы, убили его выстрелом из револьвера. Бельгийская полиция сообщила немцам о происшествии только в 11 часов следующего дня; за такое опоздание один офицер бельгийской полиции был посажен в тюрьму. Он старался дать преступникам возможность скрыться; но один из них, имени которого я не хочу называть, из каких-то странных побуждений, решил принять участие в похоронах жертвы. Он был опознан и арестован.

Существует предположение, что он был расстрелян, а его товарищ заключен в тюрьму. Вновь организовать французскую разведку в Бельгии удалось лишь перед самым концом войны. Эта несчастная маленькая страна была полем самых жесточайших сражений тайной войны. Надо полагать, что бельгийцы больше всех других народов занимались во время войны шпионажем, посылая союзникам сведения, противодействуя немецким планам, пересылая письма через Голландию. Иногда германские часовые, старые ландштурмисты, за несколько марок делали вид, будто ничего не замечают. Если бы они поступали иначе, то рисковали бы быть найденными утром мертвыми с ножом в спине. Однако не все бельгийцы занимались шпионажем в пользу союзников.

Один из методов, принятый немцами в Бельгии, состоял в стремлении заручиться помощью фламандцев, рассчитывавших найти у немцев поддержку против того, что они считали французским валлонским гнетом. Были фламандцы, пытавшиеся разложить бельгийскую армию; один бельгийский генерал в течение некоторого времени думал даже, что это им удалось. Тем не менее, в сентябре 1918 г. все бельгийцы — и фламандцы, и валлоны — объединились, чтобы ускорить победу. Немцы были еще раз побеждены в тайной войне.

В их поражении были частично виноваты методы, применявшиеся германскими агентами в Бельгии. Немцы проявляли слишком большую жестокость по отношению к лицам, подозревавшимся в шпионаже. Это достаточно показали случаи с Эдит Кавелл и героической Луизой де Беттиньи.

Вот в каких выражениях немцы сообщили одной вдове, матери молодого Леона Трюлена из Лилля, что ее шестнадцатилетний сын расстрелян как шпион: «Он сам заварил кашу, теперь ему пришлось ее расхлебывать». И когда юноша был поставлен к стенке перед взводом, который должен был его

расстрелять, солдатам дважды приказывали опускать винтовки, чтобы сделать фотографические снимки, по мнению немцев достаточно устрашающие, чтобы отбить у бельгийцев охоту заниматься шпионажем.

Как была организована «Императорская германская разведывательная служба»? Была ли она жестокой по существу? Были ли низкими все ее методы, были ли чудовищами все ее люди? Как она работала? Под чьим руководством? Через пятнадцать лет очень немногие, даже среди немцев, могли бы ответить на все эти вопросы. Союзники никогда не имели исчерпывающих сведений на этот счет.

И, несмотря на все находящиеся в распоряжении автора настоящей книги документы и заметки, он может осветить лишь некоторые стороны работы германской разведки.

Подлинная германская секретная служба в Европе, — не та, которая причинила некоторый вред Соединенным Штатам, — была разнообразна и многогранна; она выполняла тысячи всевозможных заданий, совершала самые коварные и гнусные дела. Она пользовалась услугами самых различных людей. Но у немцев не было, как думало большинство людей, единой организации — «Германской разведывательной службы», которая охватывала бы различные отрасли германской разведки.

Германия имела дипломатическую разведку, собиравшую сведения о международном положении, в частности, о взаимоотношениях между союзными державами, об их иностранной политике и намерениях. Эта разведка, находившаяся в ведении министерства иностранных дел, пользовалась услугами влиятельных и высокопоставленных лиц, как правило, нейтральных и по возможности союзных стран, а также немцев. Ее счета, обнаруживающие большую либеральность, как бы воспроизводят страницу из Готского Альманаха. Говорили, будто во главе этой разведки стоял кайзер, несомненно, поддерживавший непосредственные отношения с некоторыми из ее агентов; его помощником был Матиас Эрцбергер — этот блестящий лидер католической партии; который, сыграв большую роль во время переговоров о перемирии и заключения мирного договора, был убит в 1921 г. Один американский агент полагает, что преемником Эрцбергера был барон фон Шенк, и по этому поводу можно было бы рассказать интересную историю, если бы агент не предпочел остаться в неизвестности. Старая австро-венгерская монархия была чрезвычайно искусна в области дипломатического шпионажа, но она уступала Германии в отношении шпионажа военного.

Германская военная разведка особенно интересовалась американскими экспедиционными силами и была главным противником разведывательного отдела американского штаба. Она играла во время войны очень

значительную роль.

Она находилась в ведении генерального штаба, переведенного с Кёнигсплаца из Берлина в германскую главную квартиру в Спа в Бельгии. Германская военная разведка собирала всевозможные сведения военного характера о союзниках и американцах и делала все, что было в ее силах, чтобы вредить им в военном отношении. Большинство немецких агентов, которых встречали американцы, работали для военного отдела, находившегося под руководством генерала Людендорфа, хотя фактически начальником был полковник Вильгельм Николаи, возглавляющий в настоящее время частное сыскное агентство в Берлине.[6] Генерал Хейе, еще и теперь играющий некоторую роль в Германии, был тоже прикомандирован к военной разведке. Говорят, что в отделе военной разведки имелось около десяти высших инспекторов, настоящих артистов шпионажа; там имелись превосходно подготовленные офицеры, лингвисты, специалисты, умевшие изменять свою внешность, свой голос, походку настолько, что каждый из них, подобно Мэтру в Швейцарии, играл роль нескольких лиц. Затем шли тысячи шпионов и агентов всякого типа, хороших, плохих и посредственных.

Морская разведка, собиравшая сведения, необходимые для руководства германскими подводными лодками в их набегах, находилась в ведении другой организации, центр которой помещался на Лейпцигерплац в Берлине, и имела агентов в Соединенных Штатах.

В распоряжении министра внутренних дел, канцелярия которого помещалась на Миттельштрассе, была его личная секретная служба; в ее задачи входила борьба внутри Германии с моральным разложением и революцией, которая, в конце концов, совершилась.

Эта мощная организация, состоявшая из четырех отраслей, была и гибкой и в то же время сложной. Ни одна из отраслей почти ничего не знала о трех остальных, а то, что она знала, часто было ложным. По всей внятности, никто, даже начальник каждой из разведок не знал всего, касавшегося его собственной отрасли. И, конечно, никто не знал всех агентов, Имея сведения о постоянных попытках союзной разведки приобрести в Германии агентов в самых секретных сферах и об успехе таких попыток, зная также человеческие слабости, на которых они так часто играли, руководители германской разведки не доверяли никому. В работе одного из союзных специалистов по разведке, посвященной методам германской разведки во время войны, мы читаем: «В разведке для того организованы многочисленные отделы, чтобы затруднить лицам, к ним прикомандированным, возможность ознакомиться с секретами главного механизма. То, что начальники этих отделов собираются вместе чрезвычайно редко, а личные отношения между агентами различных отраслей запрещены,

преследует цель — не допустить возможности опасной болтливости. Вне всякого сомнения, тому же стремлению следует приписать то обстоятельство, что даже внутри какой-нибудь определенной отрасли связь между личным составом этого отдела крайне непрочная; необходимая переписка, включая и переписку, связанную с самой элементарной денежной отчетностью, сведена к минимуму и даже не регистрируется, а агенты, знающие слишком много тайн, в конце концов, устраняются. Один из применяемых для этой цели методов состоит в их проваливании и передаче неприятельской контрразведке».

Они не могут ничего сказать

Таким образом, один из девизов германской разведывательной службы, а именно: «то, чего они не знают, не может причинить им вреда», в случае надобности заменяли другим: «мертвые не могут ничего сказать». Конечно, некоторые перед смертью все-таки говорили, и если, как правило, они рассказывали о вещах, уже нам известных, то иногда нам случалось добыть такие важные разоблачения, что лицам, их сделавшим, в виде награды оставляли жизнь.

И агенты знали об этом иногда гораздо лучше, чем могли предположить те, которых они предавали. Именно благодаря арестованным немецким агентам и собственным агентам, наряду с несколькими храбрецами, работавшими среди немцев, союзной разведке удалось получить представление о тайной армии, с которой ей приходилось бороться. Эта армия состояла из двух частей: из небольшой части отборных людей и гораздо более многочисленной и разнородной части простых агентов.

Первая категория, по-видимому, образовывала определенную, постоянную, тщательно отобранную группу из среды чиновников и высших слоев общества; иногда даже такие агенты назначались по особому указанию кайзера. Вторая часть образовывала бесформенную массу, подверженную различным изменениям и состоявшую из самых разнообразных элементов и лиц. Некоторые агенты и даже шпионские центры, которые нам удавалось раскрыть, внезапно и совершенно бесследно исчезали; другие агенты вели беспокойную бродячую жизнь, и поэтому их было очень трудно поймать; третьи, казалось, обладали даром настолько менять свою внешность, что мы получали о них самые противоречивые донесения. Но из тех, кто, так или иначе, попадал в наши руки, лишь очень немногие могли дать нам точные и ценные сведения, причем всегда исключительно об очень ограниченном участке работы противника. Некоторые пускались в совершенно бесполезные подробности или рассказывали нам вымышленные истории, ложность которых била в глаза.

Трудность заключалась в том, что даже начальники не знали больше того, что им было необходимо для службы. Их было очень трудно захватить, и, даже будучи арестованными, они ничего или почти ничего не говорили. Крупные немецкие шпионы из отборной группы вообще были людьми, обладавшими большой силой воли, хотя и лишенными всякой щепетильности, вопреки заявлениям, сделанным полковником Николаи в его книге «Geheime Mächte» («Тайные силы», о том, что руководители секретной службы должны быть джентльменами, действующими согласно известным принципам, без которых все здание прогниет и рухнет; это тем более необходимо, что секретной работе присущи возможности, благоприятствующие злоупотреблениям.

Далее, касаясь массы агентов, полковник Николаи говорит: «Правда, все эти агенты в течение известного периода проходят подготовку и иногда обучаются чрезвычайно тщательно, но приобретенные ими знания всегда ограничиваются специальными задачами. Возможно, что чем больше стараются оставить их в неведении относительно многих вещей, тем чаще приходится обновлять их состав. Во всяком случае, несомненно, что вся эта масса людей и групп представляется нам как нечто, находящееся в состоянии постоянного видоизменения. Тот же принцип можно проводить, используя случайных осведомителей, подданных нейтральных и даже неприятельских стран, живущих постоянно или временно в Германии или в Австрии, которым разрешение на въезд или проезд через страну дается в обмен на предоставляемую ими информацию. Если эти случайные агенты даже обманут ожидания, не пришлют сведений или такие сведения придумают, в этом нет большой беды. Германская организация гораздо менее рассчитывает на сведения, исходящие из одного, даже надежного, источника или на единичную информацию, чем на терпеливое, методическое, почти научное изучение мелких подробностей, отобранных из всей огромной массы сведений, проходящих сквозь ее фильтры».

Такова была еще система Штибера. Но преемники Штибера, по мнению союзной секретной службы, еще превзошли его, ибо они распространили в иностранных государствах шпионскую сеть, скрытую под видом торговых фирм. Эти знаменитые фирмы, имевшие международные связи, тайно занимались шпионажем в пользу Германии. Названия некоторых из них, заподозренных союзниками в шпионаже, поразили американцев, хорошо знавших эти фирмы. Вполне уместно было предположить, что важные сведения по политическим и военным вопросам, а также об экономическом положении, собираемые этими фирмами в собственных интересах, тайно передавались германской разведке. Две весьма крупных международных фирмы, имевшие отделения по всей Европе, очень многими рассматривались просто как ширма для организации секретной службы, субсидированной германским правительством и действовавшей при благоприятных условиях.

Первая организация подобного рода была создана для собирания сведений торгового характера. В 1914 г. она имела сотни контор по всей Западной и Восточной Европе, и ее архивы содержали сотни тысяч дел, не только освещавших деятельность торговых и промышленных предприятий всего мира, но и финансовые, экономические и военные ресурсы каждой страны. В этом можно было убедиться, когда в 1915 г., вступив в войну, Италия произвела обыск в четырех агентствах этой фирмы — миланском, туринском, геновском и неаполитанском, и нашла там доклады об итальянских военных заводах, в том числе о важнейших снарядных заводах, а также об автомобильных фирмах «Фиат» и «Италия».

Вторая организация — Товарищество служащих гостиниц, главный центр которой находился в Германии, имела отделения по всему миру, в том числе и в Соединенных Штатах. В ее состав входило 20 тысяч членов, две трети которых были немцами. Успех ее объясняется тем, что она давала своим членам места, оплачивавшиеся, как и подозревали союзники, в двойном размере. Одно жалованье выдавалось как управляющему гостиницей, официанту, переводчику, швейцару, кассиру и т. д., а другое, не считая наградных, как шпиону и осведомителю. Таких шпионов и осведомителей во Франции было 1 500 человек, причем ими руководил служащий одного большого отеля. Они внимательно прислушивались и присматривались ко всему, происходившему в гостиницах, являвшихся средоточием всяческих новостей. Такой успех породил еще одну организацию. По мнению союзников, эти группы, которыми часто руководили немецкие офицеры запаса, были полуофициальными организациями, служившими важным источником для вербовки на германскую секретную службу.

Тайная армия имела свою службу комплектования, состоявшую из специальных агентов, отставных офицеров, женщин и, главным образом, унтер-офицеров.

Завербованные в тайную армию состояли, главным образом, из двух категорий: во-первых, завербовывались лица, по национальности принадлежавшие к союзным народам, но лишенные всякого патриотического чувства и всякой воли, находившиеся в концентрационных лагерях в Германии, Австрии, Голландии и Швейцарии; они уступали не только соблазну получить деньги, по и обещаниям, что их родственники или друзья, содержащиеся в том же лагере, будут поставлены в лучшие условия. Вторую категорию составляли военнопленные, содержащиеся в немецких лагерях.

Когда у немцев собралось около 3 550 военнопленных американцев (у нас к тому времени было 48 280 немцев), они попробовали их подкупить и завербовать среди них шпионов. С. С. Жато, выполнявший обязанности священника в Раштатском лагере для военнопленных, рассказывает, как

германские агенты обрабатывали пленных американцев.

Прежде всего, с целью пропаганды стали распространять газету, печатавшуюся на английском языке и содержащую исключительно ложные сведения. На германском официальном снимке изображен беседующий с американскими пленными «американский журналист», странная внешность которого сочеталась с типично немецкой прической.

Нашлись ли американцы, предавшие свою родину и поступившие на германскую секретную службу? Полковник Николаи это отрицает, по крайней мере, в отношении военной разведки. Но существовала еще дипломатическая, морская и внутренняя разведка. И некоторые офицеры американской секретной службы сильно подозревали одного американца, по происхождению немца, в том, что он работал против них, состоя на германской секретной службе в Испании.

Немецкий шпион — американец

Его имя было Отто Прейс; он служил на Филиппинах сначала в американской армии, а затем, переменяя фронт, в повстанческих частях. Когда началась война, он вступил в германскую армию и, по слухам, был убит при Танненберге, тем не менее, имеются весьма ясные указания на то, что он или кто-то, чрезвычайно на него похожий и весьма осведомленный об американской армии, работал у немцев в Испании. Эта нейтральная страна имела для союзников гораздо большее значение, чем казалось внешнему миру. Ее свинец в значительной мере помогал снабжать снарядами и патронами союзные пушки и винтовки, и немцы всеми средствами старались помешать вывозу свинца из Испании.

— Американцы были настолько уверены, что их тайным врагом является Отто Прейс, что однажды наш военный атташе в Испании майор Джон В. Ланг сказал нищему, постоянно стоявшему у дверей его канцелярии в Мадриде:

— Пойди, скажи Отто, чтобы он нашел тебе заместителя. Мы тебя уже слишком хорошо знаем.

Больше нищий не появлялся. Американцы, жившие в Испании, считали Отто «крупной птицей», предполагая, что высоко оплачиваемым американцем на германской службе в Испании был именно он. Но ни один американец, живший в Испании, не знал Прейса в лицо, и поэтому генерал Ван Деман, его знавший, готовился отправиться в Испанию, чтобы выяснить эту тайну, но было заключено перемирие, быть может, помешавшее разыгаться драме.

Есть основания предполагать, что еще два американца немецкого происхождения, личность которых можно считать установленной, служили у

немцев: один из них, некий Бунделл из Цюриха, и другой, именованный Гейнцелем, говорят, помогли немцам подготовить вторжение в Бельгию в 1914 г. Однако, нет несомненных доказательств их работы, в частности, против американцев. Мы также не знаем, не был ли просто предателем сержант, пытавшийся предупредить немцев у Кантињи.

Кажется странным, что немцы, жившие в США так долго, что могли сойти за чистокровных американцев, не наводнили американскую экспедиционную армию шпионами.

Причина этого, с одной стороны, заключается в наших успешных мероприятиях в области контрразведки в Соединенных Штатах и во Франции, и с другой — в поражении, которым окончилась для немцев тайная война вообще и особенно борьба с американцами.

В течение некоторого времени немцы проявляли гораздо большую агрессивность, чем мы. Они были изолированы почти от всего мира и для них было чрезвычайно важно иметь хорошую информацию. Их разведка работала уже долго, когда наша только возникла.

Сеть их разведки простиралась с востока на запад и с севера на юг, от Берлина до Бухареста, Львова, Варшавы, Вильно, Антверпена, Брюсселя, Страсбурга, не считая городов на швейцарской границе.

По всей этой сети была незамедлительно дана директива: «Собирать сведения об американцах». Эта директива была дана после того, как первая американская дивизия высадилась в Сен-Назере, после того как было объявлено об отправке из Соединенных Штатов во Францию большой армии, после того как комитет общественной информации уведомил немцев о целом ряде вещей, касавшемся наших планов, в частности о нашей большой авиационной программе, которая настолько напугала немцев, что они взялись поспешно за работу и, пока мы еще только разговаривали о тысячах самолетов, принялись их строить и не замедлили ввести в действие. Германский генеральный штаб, вынося свое решение о подводной войне не на жизнь, а на смерть, был убежден, что никогда американцы не смогут сформировать настоящую армию, обучить ее и своевременно отправить в Европу, чтобы не допустить поражения и голода на стороне союзников. Однако скоро выяснилось, что генеральный штаб ошибся в своем прогнозе, и германская секретная служба послала своим агентам крайне интересный вопросник. Приводим ниже часть этого вопросника, попавшую в руки американской разведки.

«По каким морским путям следуют американские транспорты, направляющиеся в Европу, и в каких французских портах до сих производилась высадка американских войск?»

«Какова численность частей, высадившихся в каждом из этих портов?»

«Каков состав этих частей? Боевые ли это части или технические батальоны?»

«В каких французских портах выгружается американское военное снаряжение?»

«Какие французские порты были специально расширены для американцев?»

«Какие французские порты непосредственно связаны с фронтом специальными дорогами?»

«Какими морскими силами пользуются американцы для охраны своих баз во Франции?»

«Какие имеются американские базы в Англии и в Ирландии?»

«Были ли высажены и обучаются ли американские войска в Португалии?»
(Возникает вопрос: как могла зародиться подобная идея?)

«Где эти войска размещены?»

Итак, мы видим, что дощечки с надписями, советовавшими высадившимся во Франции американским солдатам помалкивать, совсем не были так излишни, как думали американцы. Однако, несмотря на все предосторожности, немцы многое узнали. Их расчет количества американских войск, каждый месяц высаживавшихся во Франции, оказался довольно точным, хотя он был построен на основе донесений секретной службы, — донесений, которые можно было, впрочем, проверить по периодическим сообщениям начальника американского генерального штаба генерала Пейтона. Эти сообщения были серьезными нарушениями строгого закона о военной тайне, но результаты, которых они достигали, поддерживая дух союзных народов и подрывая дух немцев, компенсировали вред.

Впоследствии были получены новые доказательства того влияния, которое имела подобная осведомленность на просьбу Германии о заключении мира. Наиболее ясное доказательство дают нам мемуары Филиппа Шейдемана. Он рассказывает о заседании кабинета принца Макса Баденского, состоявшемся в середине октября 1918 г., на котором должно было быть решено, какой держаться тактики при переговорах о перемирии с президентом Вильсоном, чтобы узнать, имеются ли еще у Германии какие-нибудь шансы на победу. Министры пригласили на заседание полковника Хейе из разведки, и вот какой состоялся разговор:

Принц Макс: Сколько американцев высаживается каждый месяц во Франции?

Полк. Хейе: Около 250000.

Ген. Людендорф: В апреле, мае и июне высаживалось по 350 000. (Преувеличенное заявление; Людендорф утратил свое хладнокровие.)

Принц Макс: Какова будет численность американской армии к будущей весне?

Полк. Хейе: Американские 'Военачальники рассчитывают иметь к будущей весне 2 300 000 человек. (Было бы больше.)

Принц Макс: И будут ли они иметь соответствующее снаряжение?

Полк. Хейе: Если все у них будет идти таким темпом, как теперь, то, несомненно, будут. Американцы были всегда точны в своих оценках.

Ген. Людендорф: Прежде чем принять их условия, нам бы следовало оказать противнику: «Сражайтесь, чтобы их добиться».

Принц Макс: Но если они их добьются, сражаясь, они нам навяжут еще более тяжелые условия.

Ген. Людендорф: Худших не может быть.

Принц Макс: Еще как! Они могут захватить Германию, опустошить страну.

И министры решили сообщить президенту Вильсону, что условия, поставленные им для начала переговоров о перемирии, принимаются. Таким образом, мы можем считать себя счастливыми, что германская разведка при содействии пропаганды генерала Марча не питала никаких сомнений относительно успеха наших военных усилий.

Немцы проигрывают тайную войну

Немцы одержали в тайной войне против американцев единственную победу, достойную названия победы: они довольно точно знали, каков был рост американских экспедиционных сил. Однако, если принять во внимание, что с целью пропаганды Вашингтон (а иногда и Шомон) публиковал для сведения немцев и всего «прочего мира» те самые цифры, узнать которые стремилась германская разведка, то их успех надо признать не слишком большим. Несмотря на всю свою «славу», германская разведка проиграла тайную войну.

Это признают и полковник Николаи и Гинденбург, который говорит в своих мемуарах: «Наша служба шпионажа достигла лишь самых ничтожных результатов. В этой области даже немецкое золото потерпело неудачу в

борьбе против наших противников».

Между тем, «золото», которое тратили на разведку союзники, особенно в 1918 г., было большей частью золотом американским. Когда союзники говорили американцам, что им представляется какое-нибудь чрезвычайно интересное дело, но у них нет денег, они их почти всегда получали. Американцев, может быть, удивит, когда они узнают, что союзная разведка стала гораздо более активной и эффективной с тех пор, как мы вступили в войну. Не таково мнение полковника Николаи и многих других лиц.

Назначение маршала Фоша на должность главнокомандующего объединило союзников не только в явной войне на полях сражений, куда в качестве хозяина явился маршал Фош, но и в тайной войне, на силы которой он рассчитывал, принимая важные решения. При Фоше в Париже был организован специальный отдел, занимавшийся обработкой сведений, добытых о противнике. Этот отдел состоял из представителей всех союзных наций, которым их разведывательная служба ежедневно посылала военную, политическую и экономическую информацию. Данные сопоставлялись и рассылались заинтересованным органам. Таким образом, союзники установили межсоюзный список неприятельских шпионов и агентов, в котором каждое имя было тщательно проверено. Американский разведывательный отдел давал сведения не только американцам в Европе и в Соединенных Штатах, но также и союзникам.

Если наша организация помогла союзникам в их борьбе против шпионажа, то для создания такой организации нам была необходима их помощь. Идеи и опыт англичан и французов в значительной мере помогли нам создать американскую разведку, удовлетворяющую нуждам большой войны. Ее основателями в Соединенных Штатах были генерал Ван Деман, полковник Мэссон и полковник британской армии Денсей, приехавший из-за океана, чтобы помочь американцам.

Величайшей заслугой генерала Демана, этого военачальника, почти неизвестного общественности, хотя в американской армии его и называли «отцом американской военной разведки», было создание в 1917 и в начале 1918 г. главного оружия, победившего германскую секретную службу. За 30 лет Ван Деман приобрел такой опыт, который позволил ему сформировать вместе с полковником Александром Б. Коксом разведывательный штаб американской армии.

Генерал Ван Деман начал военную службу, когда ему еще не было 21 года, в качестве добровольца национальной гвардии в Огайо во время восстания в Цинцинатти в 1885 г. и возмущения горняков в Хокинг Валлей. Свою первую работу по военной разведке он проделал в возрасте 21 года, когда он организовал поступивший под его командование первый отряд национальной

гвардии в Огайо.

В 1889, 1890 и 1891 гг. он расширил свои знания в этой новой отрасли, выдержав экзамены по юридическим наукам и поступив затем на медицинский факультет. Но сердце его принадлежало армии, и в июне 1891 г. он выдержал экзамен на чин лейтенанта. В 1892 г. он получил шестимесячный отпуск, вернулся на медицинский факультет и сдал там экзамены. После пятилетней службы в различных управлениях армии он посвятил себя той отрасли, для которой был так превосходно подготовлен, а именно — разведке.

В 1896 г. он служил в картографическом отделе, а в июне 1897 г. был отозван в Вашингтон. Грозил война с Испанией, и он был послан «с секретным заданием за пределы Соединенных Штатов». В ноябре он вернулся в Вашингтон и стал готовиться к новому заданию. Когда вспыхнула война, он оказал многочисленные услуги; между прочим, спас жизнь тысячам людей, доставив сведения, заставившие президента Мак-Кинли отказаться от осады Гаваны американскими добровольцами летом, так как солдаты, не приспособленные к климату, мерли, как мухи.

В 1899 г. началась подлинная карьера Ван Демана в качестве офицера разведки в департаменте Визайас (Visayas) на Филиппинах, где он собирал сведения о восставших войсках и командирах, а затем проверял их в бою. В 1901 г. Ван Деман организовал на Филиппинах отдел военной информации, имевший свои подразделения на 400 военных постах и, таким образом, охвативший своей сетью все Филиппинские острова. Работая совместно с секретной полицейской службой, эта организация играла чрезвычайно любопытную роль, до сих пор еще неизвестную.

Без шума она повлекла неудачу двух крупных заговоров, целью которых было восстание на Филиппинах. Она раскрыла, что на Филиппинах тайно находилось несколько офицеров японского генерального штаба, чрезвычайно интересовавшихся операциями повстанцев. Американской секретной службе под руководством генерала Ван Демана удалось отправить этих офицеров обратно в Японию без дипломатического скандала. Она положила конец действиям японцев, не спровоцировав войну.

Вскоре после этого Ван Деман стал специалистом при генеральном штабе по вопросам, связанным с Дальним Востоком, Тихим океаном и Японией, Он был осведомлен лучше всякого другого офицера о деятельности японцев во всем мире, и особенно в Соединенных Штатах, на Филиппинах, на Гавайских островах и на Самоа. Его соображения имели некоторое отношение к кругосветному плаванию американской эскадры в 1908 г.

Работа заставляла его выезжать иногда из Соединенных Штатов. В 1915 г. он

был на Филиппинах в чине майора, как вдруг его отозвали в Вашингтон и поставили во главе разведывательной службы армии США, службы, имевшей единственного сотрудника. Тогда-то и началась долгая борьба Ван Демана за признание важности разведки; однако пока Америка не вступила в мировую войну, было почти невозможно заставить высших офицеров согласиться с тем, что генеральному штабу нужна разведывательная служба и хотя с самого начала войны отцу американской разведки было поручено расширить свою организацию, только к концу 1918 г. эта организация была введена в состав генерального штаба.

Передав тогда свои функции в Вашингтоне бригадному генералу Мальборо-Черчиллю, Ван Деман выехал во Францию; там он поступил в разведывательный отдел американских экспедиционных сил, возглавлявшийся тогда его основателем полковником Д. Ноланом. Полковник Ван Деман отличился во всех отраслях работы отдела; находился ли он в Швейцарии, в Голландии, в Париже, в Лондоне, или на различных участках французского и английского фронта, он везде изучал французскую и английскую системы разведки, непрерывно совершенствуя американскую организацию. Перемирие застало его на фронте в районе Мааса в Аргоннах, откуда он присоединился к американской делегации, посланной для ведения переговоров о мире в Париж. Он организовал секретную службу для защиты американских делегатов на мирной конференции, включая и президента Вильсона с его нотами и бумагами

Кто состоял на американской секретной службе?

Генерал Ван Деман и полковник Кокс, отчасти под влиянием своего английского сотрудника полковника Денсея, придали американской секретной службе характер, которого она никогда не теряла. Они говорили: «Разведка и контрразведка необходимы и всегда были необходимы в военное время. Шпион, который собирает сведения, позволяющие его армии взять город, так же верно служит своей родине, как солдат, идущий в атаку. В секретной службе при ее правильной организации нет ничего постыдного. Она таит в себе большие соблазны и опасности как морального, так и физического характера. Тем больше чести для тех, кто их может преодолеть».

Но в то время как на германской секретной службе избранная часть составляла меньшинство, на американской службе она составляла большинство. Подобно англичанам, американцы старались следовать закону: «Люди без моральных принципов и без силы воли являются плохими секретными агентами, к которым нельзя питать никакого доверия. Если можете, избегайте пользоваться ими».

В наши дни американцы и англичане, находившиеся на разведывательной службе, этим гордятся. Многие из них являются людьми, занимающими видное положение: университетскими профессорами, музыкантами, адвокатами, журналистами. Многие принадлежат к старинным нью-йоркским семьям; один из представителей таких семейств был крайне огорчен тем, что его оставили в Нью-Йорке вместо того, чтобы послать в качестве шпиона в Германию, где он мог бы легко сойти за немца.

Разведчики представляли собой космополитическую группу, ибо, как сказал один из ее руководителей: «Работа в области контрразведки нуждалась в офицерах, обладавших большими дипломатическими способностями, полных такта, сдержанных и превосходно знающих язык и обычаи французского народа. К счастью, среди американцев, живших или путешествовавших за границей, удалось найти превосходный материал... Секретная работа требует непрерывного внимания ко всякого рода мелочам. Она требует тщательного расследования, которое часто ни к чему не приводит. Каждое сообщение, каково бы оно ни было, должно тщательно изучаться, взвешиваться и сопоставляться с уже имеющимися данными.

Все это требует огромной работы и точности. Но если сражающиеся войска чувствуют, что от неприятельских агентов их защищает хорошо организованная контрразведка, то тот, кто посвящает этому делу свое время и свою энергию, чувствует себя вполне вознагражденным за свои усилия».

Этой работой в значительной ее части руководила небольшая группа офицеров, сидевшая за черной дверью с пометкой «S. S.» в старой французской казарме, служившей американцам главной квартирой в Шомоне. Одним из этих офицеров был полковник Вильям О. Рид, впоследствии умерший, — старый товарищ генерала Першинга. Шпионажем и контрразведкой почти все время руководили два замечательных человека: подполковник Н. В. Кампаноль и Аристид Морена, — оба небольшого роста, худощавые брюнеты, один по происхождению савоец, другой испанец, но оба говорили на дюжине языков. Оба они состояли на секретной службе у генерала Першинга в Мексике. Офицером для поручений при них состоял майор Ричардсон, бывший журналист, который до нашего вступления в войну помогал английской разведке преследовать немецких шпионов и был одним из первых нью-йоркских журналистов, которые добровольно вступили на секретную службу.

Поскольку большая часть работы американского разведывательного отдела заключалась в контрразведке, посвятим настоящую главу ловле шпионов.

Цель контрразведки в американской армии состояла в распространении по всей Европе своей сети, с одной стороны, для вылавливания немецких шпионов, уже находившихся в тылу нашего фронта, и, с другой, для того,

чтобы помешать проникновению туда новых.

При создании этой сети первым и основным правилом было «все проверять», что означало подвергать тщательному изучению все: путешественников, паспорта, экипажи судов и даже грузы, особенно шедшие из Швейцарии, телеграммы, радиопередачи, письма, одним словом, все, что может помочь шпиону передвигаться по стране и посылать сведения. Чтобы этот контроль давал результаты, надо было поручить его лицам, посвященным в особую премудрость, которую я опишу ниже. Впрочем, этот контроль стал почти таким же механическим, как обычная работа полиции или журналистов, проезжающих по городу в поисках преступлений или новостей; но к его услугам были более гибкие и более скрытые методы, в частности мощное оружие двойного характера: безмолвные наблюдатели и I. P.(разведывательная полиция). Термин «безмолвные наблюдатели» не был, конечно, официальным названием, но он довольно точно характеризует ту задачу, которая была поручена этим лицам. 40 или 50 тысяч полицейских разведчиков играли в американских экспедиционных силах двойственную роль: внешне они были такими же солдатами, как все остальные, они обучались, сражались, но в то же время ни на миг не ослабляли внимания в своем стремлении обнаружить в рядах армии шпионов и предателей. Их задача была тем более трудной, что она имела секретный характер. Выполнение этой задачи не давало им ни славы, ни привилегий, ей наград, а, наоборот, только раны, болезни и смерть, ибо они делили судьбу своих товарищей-бойцов и так же, как они, шли в атаку.

Однако их служба имела большое значение. Эти безмолвные наблюдатели обнаруживали ненадежные элементы, которые немедленно отсылались туда, где они не могли вредить: в нестроевые бригады в Соединенные Штаты, в технические батальоны, а в крайних случаях, в концентрационные лагеря, редко — в тюрьму, причем только тогда, когда полк еще не был отправлен из Америки. Работа полицейской разведки была необходима, хотя впоследствии и высказывались жалобы на «шпионаж среди товарищей» и на возникавшие иногда злоупотребления.

В американских экспедиционных силах в каждом взводе, т. е. в каждой группе из 60 человек, имелся один безмолвный наблюдатель. Никто не подозревал о его существовании, за исключением одного офицера из его роты, которому он должен был представлять свои донесения. Этот офицер в свою очередь посылал донесения старшему начальнику и так далее, пока они не попадали к лицу, стоявшему во главе всей организации, к офицеру штаба, который направлял их непосредственно в разведывательный отдел штаба в Шомоне. Вся эта организация преследовала единственную цель, от которой она не отступала: выявлять шпионов и предателей. Безмолвные наблюдатели не должны были сообщать о нарушениях дисциплины или об отступлениях от

устава, как бы серьезны они ни были.

Хотя, в общем, американские немцы вели себя превосходно и оказались американцами в гораздо большей степени, чем немцами, тем не менее, не все они проявили одинаковую верность своему новому отечеству. Некоторые ненавидели армию, в которой они служили, что создало положение, совершенно немыслимое в других союзных армиях. В 77-й дивизии, набранной в многоязычном городе Нью-Йорке, благодаря безмолвным наблюдателям было обнаружено 800 человек ненадежных, которых оставили в тылу.

Задача безмолвных наблюдателей была по временам очень трудна. Наибольшую опасность представляли не те люди (даже если они были немцами или австрийцами по происхождению), которые становились добросовестными противниками, стремились попасть на нестроевые должности и даже пытались добыть себе чины. Многие из людей подобного типа были эвакуированы, чтобы они не могли поставить под угрозу жизнь своих товарищей. Как правило, во избежание риска, подозрительных переводили, не дожидаясь более веских доказательств.

Безмолвные наблюдатели не должны были также разоблачать свою работу и свою организацию, выступая в качестве свидетелей в суде.

Некий член нью-йоркского конгресса, сам того не зная, помог обнаружить значительное число нежелательных лиц в 77-й дивизии, послав командиру этой дивизии в одном пакете целую массу писем, содержащих просьбы о предоставлении американским немцам привилегированных должностей. Просимые должности были предоставлены, но во Францию этих лиц не послали.

Система безмолвных наблюдателей давала в дивизиях такие прекрасные результаты, что она была распространена на все американские экспедиционные силы, на службу снабжения, порты, центры комплектования, госпитали и таким образом охватила все американские организации во Франции и в Англии.

Таинственные люди

Другим орудием контрразведки, а иногда и разведки, была разведывательная полиция. Этот корпус разведывательной полиции несколько напоминал иностранный легион.

Охотники за шпионами представляли пеструю группу, когда посредством газетных объявлений, требовавших храбрых людей, говорящих по-немецки и по-французски, были завербованы первые 50 человек.

Желающие нашлись. Один из них совершенно самостоятельно остановил и ограбил поезд в России. Другой убил офицера и затем дезертировал. Третий несколько позже пытался убить американского офицера. Четвертый был бельгийцем из знатной семьи и впоследствии чрезвычайно успешно работал в качестве агента, выдавая себя в Париже и Лангре за богатого французского банкира. Очень немногие из них были знакомы с военной дисциплиной; они составляли весьма космополитическую группу: в ней были французы, итальянцы, испанцы, американские немцы, бывшие актеры, журналисты, коммивояжеры, люди, привыкшие работать на свой страх и риск. Неудивительно, что капитану Ройдену Вильямсону стоило немалых трудов сопровождать этих вольных молодцов при переезде через Атлантический океан. При этом он имел дело только с половиной тех, кто откликнулся на объявления. Остальные были использованы в Соединенных Штатах.

Высадка во Франции тоже была несколько странной. Полицейские разведчики (I. P.) имели чин и жалованье сержанта и, что довольно удивительно для секретной части, прибыли в Сен-Назер, открыто нашив на свои кепи белые и зеленые канты. Однако военная полиция не позволила этим 50 сержантам долго носить форму, так явно отличавшую их от всех прочих частей американской экспедиционной армии. Немедленно по прибытии во Францию будущие ловцы шпионов исчезли и, замаскированные более удачно, принялись за работу без своих кантов и кепи. Как и можно было предположить заранее, некоторые из этих первых 50 человек не оправдали ожиданий. Но большинство оказалось на высоте задачи, и их организация росла вместе с ростом американской экспедиционной армии, из рядов которой вербовались новые люди. Эти люди тщательно отбирались, обучались и, в конце концов, получали звание сержантов корпуса разведывательной полиции. Вскоре их число достигло 405. Все они имели среднее, а иногда и университетское образование, говорили по-французски или по-немецки и даже на обоих этих языках.

Разведывательная полиция, или «сыщики» американского разведывательного отдела, много сделала для обнаружения немецких шпионов там, где это не удавалось «безмолвным наблюдателям», в частности среди гражданского населения Англии, Франции, Бельгии и позже Германии и Люксембурга. Эта нерегулярная часть проделала немало ловких маневров, хотя входившие в ее состав люди никогда не занимались раньше контрразведкой и чаще всего действовали по собственному разумению. Правда, им прочитали на эту тему несколько лекций, но, в общем, они поступали по собственной инициативе. Их работа была увлекательной, самостоятельной и возбуждающей. Один из этих людей рассказывает: «Я научился принимать не слишком озабоченный вид; напротив, я спокойно, с простодушным выражением лица оставался на месте, чтобы «они» являлись ко мне сами. Так я действовал главным образом в подозрительных ресторанах, где я работал в качестве лакея».

Полицейские разведчики научились относиться ко всему с достаточным подозрением: и понимали, что любого человека и любое явление стоит подвергнуть изучению и расследованию.

Полицейские разведчики разделялись на маленькие группы применительно к организации контрразведки в американской экспедиционной армии. Англия и Франция от портов до фронта были разделены на участки, соответствовавшие главным центрам американской активности. Ловлей шпионов на каждом участке руководили один или два офицера контрразведки, имевшие в своем распоряжении отряд, состоявший из агентов разведывательной полиции в количестве от 2 до 12 человек; эти агенты занимались розыском, разъезжали на мотоциклетах, иногда в форме, иногда в штатском, пользуясь маскировкой и тысячей предлогов. Часто они работали в одиночку, иногда совместно с организацией безмолвных наблюдателей, иногда даже вместе с военной полицией или отделом уголовного розыска американской экспедиционной армии, сотрудников которых многие смешивали с настоящей разведкой.

Вообще контрразведка действовала на двух точно разграниченных участках: на фронте и в непосредственно прилегающем к фронту районе; против ожиданий, на первом работы было гораздо меньше, чем на втором. Разведывательная полиция во фронтовой полосе подчинялась полковнику Л. А. Сиго. На фронте, особенно в позиционной войне, шпионы могут продержаться недолго. Их легко нащупать, пользуясь средствами, которые были сильно развиты во время мировой войны. В 1918 г. попытка союзников перебросить на немецкую сторону шпионов оказалась невыполнимой.

Однако первый американский участок фронта к северу от Туля против выступа Сен-Мийель был особенно благоприятен для шпионов. Германская граница проходила близко, и гражданское население было смешанным; значительное число жителей говорило на обоих языках. В этом районе было довольно легко перейти с одной линии фронта на другую, так как местность была лесистая и пересеченная, а фронт был спокойным. Доказательством служило довольно значительное число дезертиров из германской армии. Поэтому неудивительно, что пока первая американская дивизия (26-я) проходила боевое крещение, приключений со шпионами было немало. Нейтральную полосу пересекали темные фигуры, ночью вдруг зажигались таинственные огни, и немцы, казалось, были превосходно осведомлены о всех наших действиях. Конечно, это объясняли «шпионами». Вот тогда-то и начались приключения отца Джойса.

Джойс был ирландским священником, коренастым, веселым и краснолицым человеком, любившим забавные приключения и все удовольствия жизни. Прикомандированный в течение некоторого времени к разведывательному

отделу в Шомоне, он присоединился к 7-му артиллерийскому полку 1-й дивизии на фронте у Туля. Новым местом его жительства была деревня Мандр, разрушенная снарядами и расположенная сразу же за линией фронта; жизнь в ней была весьма первобытна. Священник часто жаловался на однообразие полковой похлебки. Однажды его внимание было привлечено тревожными слухами. В Мандре была церковь, колокольня которой почти совсем уцелела и была прекрасно видна с немецких наблюдательных пунктов, расположенных в Монтсеке. Распространился слух, что ночью на колокольне зажигается свет. Охотника за шпионами сразу заинтересовал этот слух.

Ночью Джойс, вооруженный револьвером, спрятался на темной колокольне. Он долго ждал в холодном мраке; ночную тишину нарушал только полет и воркование голубей.

Наконец, после полуночи лестница закрипела. Отец Джойс притаился с револьвером в руке. Люк открылся, показался какой-то человек. Его тотчас же ослепил свет фонаря.

— А, вот я тебя и поймал, грязный шпион. Руки вверх! — крикнул Джойс.

К своему величайшему изумлению, он узнал бледное лицо одного из солдат, который, дрожа, проговорил:

— Ради бога, отец мой, уберите свой револьвер, прежде чем он выстрелит. Вы же все время жаловались на похлебку, и я уже третью ночь ловлю голубей, чтобы сварить вам бульон.

Однако иногда на фронте находились настоящие немецкие шпионы, и выследить их было задачей разведывательной полиции. Поэтому группа сержантов разведывательной полиции была прикомандирована к каждой армии, чтобы неусыпно следить за всеми посторонними, за всеми, кто не мог объяснить своего присутствия в том или ином месте, независимо от того, какую форму он носил; чтобы не давать материала германской разведке и не позволять нашим солдатам говорить о том, что могло принести хоть какую-нибудь пользу противнику; чтобы подслушивать разговоры по телефону и следить за соблюдением правил хранения секретных документов и карт. Иногда эти сержанты занимались даже распространением ложных слухов, в правильности которых разведывательный отдел хотел убедить немцев.

Конечно, в объем работы разведки входили иногда методы, никак не согласующиеся с понятием секретной службы в собственном смысле. Ибо, как, мы уже говорили выше, существуют самые разнообразные способы добывать сведения, а именно: посредством наблюдения с наземных постов, с самолетов и аэростатов, посредством подслушивания сообщений по радио, посредством ночных набегов на траншеи противника и обхода нейтральной

полосы. Главная цель состоит в том, чтобы добыть сведения любым способом, например, путем внезапного вторжения в каком-либо уязвимом пункте неприятельского фронта при условии быстрого возвращения с захваченными пленными или, за отсутствием последних, со снаряжением или личными вещами, найденными на убитых, бумагами, картами, словом, всем тем, что можно было найти в убежищах или в окопах.

Во всех частях на фронте имелись многочисленные офицеры и солдаты, искушенные в этой своеобразной секретной работе. Многие из них превратились в ловких разведчиков, проскальзывавших ночью и иногда даже днем в неприятельское расположение. В 1-й дивизии был один сержант, который похвалился тем, что у него редко проходил день без того, чтобы он не побывал в расположении немцев. Однажды, когда 1-я дивизия ждала наступления, он среди бела дня прошел нейтральную полосу и очутился на немецких линиях, где увидел хорошо упитанных немцев в новом обмундировании, тихо напевавших песню и для храбрости перед предстоящим наступлением распивавших вкруговую бутылку водки. Для большей верности наш американец захватил одного немца, сидевшего в одиночестве в траверсе, и, угрожая револьвером, привел его, переходя от одной воронки к другой, на американскую линию. Несколькими минутами позже целый град снарядов заставил немцев отойти.

Перед большими наступлениями, такими, как при Сен-Мийеле и в районе Мааса в Аргоннах, у разведывательной полиции было много дела. Она производила чистку района, где были собраны сотни тысяч американских солдат, как, например, перед наступлением при Сен-Мийеле. Более или менее подозрительные люди, французы, не состоявшие на военной службе, и главным образом женщины, знавшие многих американцев, пересылались туда, где они не представляли никакой опасности. Такова была судьба знаменитой «девицы из Армантьера», которой пришлось выехать из этого района, так как она слишком много знала об английской армии. Когда в какой-либо пункт прибывали беженцы, то их принимала разведывательная полиция и с помощью французов производила тщательную проверку, стремясь обнаружить среди них, во-первых, скрытых немецких агентов и, во-вторых, французов и француженок, находившихся в хороших отношениях с немцами.

Подготовка одновременно к двум сражениям на широком фронте создала нашей контрразведке уйму работы, так как мы надеялись победить, используя эффект внезапности, и все приготовления должны были храниться в строгой тайне. Нам это удалось, и, насколько мы знаем, немцы не имели точных сведений ни об одном из двух готовившихся нами наступлений. Генерал фон Гальвиц признает, что наступление в районе Мааса в Аргоннах частично было для немцев неожиданностью. Этого удалось достигнуть только

благодаря стараниям всех офицеров разведки и всех сержантов разведывательной полиции. Они создали в тылу армии непроницаемое кольцо, сквозь которое не мог прорваться ни один подозрительный человек.

Во время самого наступления сержанты разведывательной полиции помогали офицерам армейской и разведывательной службы обыскивать и допрашивать пленных.

На фронте единственным методом маскировки для немецкого агента была форма одной из союзных или американской армий. Они прибежали и к той и к другой, как на своем печальном опыте убедились американские солдаты из 2-й и 28-й дивизий. Когда 2-я дивизия заняла траншею под Верденом, совсем близко к ней подбежала группа немцев в французской форме с криками: «Francais, Francais» и бросила гранаты. Тем не менее, группа была отброшена.

Еще более плачевен был опыт солдат Пенсильванской гвардии. Немцы одержали на р. Вель победу отчасти потому, что переодетые в американскую форму немцы стали выкрикивать команду об отступлении, называя даже имя американского офицера, будто бы отдавшего такой приказ. С тех пор всем бойцам 28-й дивизии было приказано немедленно убивать всякого, кто отдаст команду об отступлении.

Шпионы среди нас

Такая судьба постигла одного немецкого агента, о котором рассказывают следующую интересную историю, хотя она и не имеет официального подтверждения.

Прежде чем оставить Аргоннский лес, немцы вырыли глубокое убежище, которое было искусно замаскировано и связано подземным телефоном с их новой тыловой позицией; они поместили: туда опытного агента в американской форме с достаточным запасом продовольствия.

Агент подождал, пока американцы прошли мимо его убежища, вышел из него и смешался с американцами. Он говорил по-английски и усвоил манеры американских солдат, а потому ему удавалось собирать сведения, которые он сообщал по телефону обоим товарищам. Это продолжалось несколько дней, пока он не был захвачен у входа в свое убежище и убит на месте.

Не существует ни одного официального донесения о казни шпионов в американской экспедиционной армии, но это отнюдь не означает, что никто из шпионов, работавших среди американцев, не был казнен. На фронте происходило мною вещей, не нашедших отражения в официальных архивах. Многие трагедии тайной войны до сих пор неизвестны. Имеется, например,

фотография «немецких шпионов во французской форме», казненных якобы на участке 28-й американской дивизии. Кто их убил? Генерал-майор Чарльз М. Мур и начальник штаба этой дивизии полковник Вальтер С. Суиней говорят, что они никогда не слышали об этой казни. Человек, сделавший этот снимок, отказывается отвечать на вопросы. Но фотографический аппарат не мог солгать. Может быть, их казнили французы? Причина того, что наши записи не упоминают о казни немецких шпионов, заключается в том, что мы передавали шпионов в руки французов и бельгийцев, действовавших решительно. В последние дни войны 91-я дивизия с Тихоокеанского побережья достигла города Аденарда на Шельде. Ее разведывательные патрули, спускаясь по реке, были внезапно осыпаны градом снарядов, выпущенных из немецких пушек с другой стороны реки. Американцам пришлось укрыться: через несколько минут они увидели небольшую группу бельгийских граждан, 4 года, находившихся под германским владычеством, которая тащила и толкала какого-то человека, тоже в штатском.

— Шпион! Это шпион! — кричали они, — мы видели, как он сигналами сообщал немецким артиллеристам, где находятся американские позиции.

Человека привели к начальнику отряда безмолвных наблюдателей 91-й дивизии капитану А. А. Хопкинсу. Последний допросил его с помощью начальника бельгийской жандармерии, сопровождавшего дивизию. Место действия, свидетели, начальник — все было бельгийским; капитан Хопкинс передал подозрительного бельгийцам. Судьба его осталась нам неизвестна, хотя его фотография и находится в коллекции нашего военного министерства.

Бели он действительно занимался шпионажем, то против американцев, но если он был казнен, то союзниками. Так обстояло дело со всеми неприятельскими агентами, которых захватывала американская экспедиционная армия.

Этим объясняется то, что американские победы в тайной войне остались неведомыми. Официально американцы не казнили ни одного германского шпиона и очень немногих арестовали. Американская экспедиционная армия проводила в жизнь следующие принципы: «Пусть действуют французы, это их страна». Американцы могли арестовать подозрительного, если против него имелись достаточные улики, и даже заключить его в тюрьму, но в дальнейшем его делом занимались французы. Это упрощалось применением французского закона о шпионаже и позволяло американцам умыть руки в столь неприятном деле. Если, как теперь еще хвастают некоторые американцы, мы действительно «не казнили ни одного шпиона», то все остальное мы проделывали по всем правилам игры.

В тылу в службе снабжения было меньше таинственности и, вероятно,

больше шпионов. У них было обширное поле деятельности — вся Франция, за исключением полосы длиной в 600 км, которая тянулась от Северного моря до Швейцарии и была настолько опасна для шпионов, что они не отваживались там оставаться, тем более что наиболее важные сведения можно было добыть не на фронте, а в тылу, в Париже, на военных заводах, в портах, где непрерывно высаживались войска, в таких центрах, как Тур, бывший главным штабом нашей службы снабжения, или как американские штабы в Шомоне, Монрее, Прогоне.

Все штабы главнокомандующих, как союзных, так и германского, находились под наблюдением; Шомон не составлял исключения, хотя никогда там не был пойман ни один немецкий агент и никогда не было замечено исчезновения каких-нибудь важных документов. Все союзники, включая американцев, имели в ставке германского главнокомандующего в Спа своих шпионов, которые, насколько это было в их силах, сообщали им обо всем, что там происходило. Немцы, подозревавшие об этом, создали специальную охрану для кайзера, Гинденбурга и Людендорфа. Хотя маршал Фош всегда выбирал для своей ставки самые уединенные пункты, его постоянно охраняли; он это знал и над этим посмеивался. Он даже совершал поездки, стремясь избавиться от своих телохранителей.

Когда генерал Першинг прибыл во Францию, он решительно протестовал против необходимости личной охраны, но полковник Морено настоял на своем. Генерала Першинга охранял и следил за всеми его действиями бывший нью-йоркский журналист. Этот верный человек сопровождал американского главнокомандующего всюду, где он бывал, и, по крайней мере, в одном случае, помешал покушению против него. Каждый раз, когда генерал Першинг присутствовал на каких-нибудь публичных церемониях, его телохранитель проявлял особое рвение, не спуская глаз с лиц подозрительного вида, в частности, с мужчин, державших руки в карманах или закрывавшихся газетой, и с женщин, носивших муфты. Генерал не был вооружен, но его тень имела два револьвера.

Однажды в 1918 г., после инспектирования американских войск и американского сборного пункта в одном французском городе, генерал Першинг возвращался к своему специальному поезду и шел по тоннелю под железнодорожной линией; вдруг его бдительный страж, шедший, как всегда, впереди, заметил какую-то подозрительную женщину. Он схватил ее за запястья рук, спрятанных в муфту из темного меха. Из муфты выпал заряженный револьвер.

Генерал Першинг продолжал свой путь. Женщина была приведена в местный разведывательный отдел. К сожалению, конец этой истории окутан тайной. Кто она была такая? Почему у нее был револьвер? Кого она ждала в проходе?

Во всяком случае, если бы не охранник из разведывательного отдела, она могла бы убить американского главнокомандующего.

В американском генеральном штабе имелся отряд, входивший в состав первой группы разведывательной полиции, которому были поручены чрезвычайно своеобразные задачи. Одной из них был осмотр содержимого корзин для бумаг, другой — наблюдение за уборщицами и всеми невоенными, посещавшими три больших казармы, превращенные в канцелярии, где хранились весьма важные секретные документы. Это постоянное наблюдение днем и ночью было иногда чрезвычайно увлекательно, особенно, когда, выслеживая кого-нибудь, чьи действия казались подозрительными, один полицейский разведчик обнаруживал другого.

Однажды один из них, бегло говоривший по-французски и очень плохо по-английски, пробираясь вдоль темного здания, попал в руки солдата морской пехоты — полного рвения новичка.

— Руки вверх! — крикнул солдат, угрожая штыком.

— Но ведь я полицейский разведчик, — пробовал объяснить на дурном английском языке задержанный.

— Полицейский разведчик? Я о них никогда не слышал. Ты немецкий шпион, вот и все. Следуй за мной на гауптвахту.

Приведенный под угрозой штыка на гауптвахту, полицейский разведчик, оставался там двое суток, пока солдаты морской пехоты сами не признали авторитета секретной службы; они позволили ему уйти, посоветовав вновь не попадаться.

Тайная охота контрразведки в тылу давала огромные результаты. Служба снабжения разведывательного отдела, находившаяся под начальством полковника Кабота Уорда и под общим руководством штаба главнокомандующего, рассмотрела 3 706 случаев шпионажа и предательства. Та же группа разоблачила 26 немецких агентов, с которыми поступили по-разному. Некоторым дали возможность продолжать свою работу, перехватывали их донесения и их фальсифицировали; другим сообщали ложные сведения; третьи оказались среди 79 интернированных, 102 уволенных со службы снабжения или 18 изгнанных из Франции. 12 человек американской экспедиционной армии было отправлено обратно в Соединенные Штаты.

Приведенные цифры, вероятно, отражают не более половины всего количества предателей, разоблаченных американской контрразведкой в Европе. Не проходило дня, чтобы не был обнаружен хотя бы один

подозрительный. На одной лишь службе снабжения имелось 58 офицеров и 300 солдат, принадлежавших к разведывательной полиции; с помощью 54 вольнонаемных служащих и 14 чиновников они вели постоянное наблюдение за всей сетью снабжения.

Перед сражением у Сен-Мийеля и в районе Мааса в Аргоннах имелись многочисленные доказательства стараний германских агентов наводнить Тур; вследствие этого Тур и его окрестности были обысканы с особой тщательностью.

Там так же, как в Иссудуне и Роморантене — этих американских авиационных центрах во Франции, — усиленно искали немецких агентов. Контрразведка организовала особую охрану моторов Либерти, чтобы чертежи моторов не попали к немцам раньше, чем достигнут фронта самолеты, оснащенные этими моторами. Существовали и другие формы контрразведки. Однажды узнали, что некоторые сведения были получены противником с большой железнодорожной станции Ис-сюр-Тиль, сортировавшей составы с продовольствием и снарядами. Чтобы посмотреть, что там делается, туда отправился один офицер американской контрразведки.

Офицер сразу все понял. Любой немецкий агент, переодетый «поездным проводником», мог собрать важную информацию. Американцы с полной беспечностью надписывали на грузовых составах место назначения, номер полка и иногда даже название груза; все это полностью писалось на вагонах мелом на английском и французском языках.

Хороший немецкий агент мог ежедневно сообщать из Ис-сюр-Тиля боевое расписание американской армии. Более того, он мог предсказать момент, когда наши войска переменят позицию; ему только надо было следить за изменением места назначения составов со снабжением. После посещения офицера контрразведки пометки мелом стали делать шифром, который время от времени меняли.

Как агент мог посылать сведения из Ис-сюр-Тиля? Ответ на этот вопрос контрразведчик найдет во французских почтовых ящиках. Американской экспедиционной армии было запрещено пользоваться этими ящиками, но некоторые солдаты ими все-таки пользовались, стараясь ускользнуть от цензуры своих офицеров; между тем почтовые служащие в Ис-сюр-Тиле не обращали должного внимания на письма, и кто знает, сколько они пропускали писем, написанных шифром или симпатическими чернилами.

Этому надо было как можно быстрее положить конец.

Другое средство осведомлять противника было обнаружено в казармах в

Шомоне. Там на видном месте лежала книга, куда офицеры, посещавшие штаб главнокомандующего, записывали свои имена и номера своих полков. Как-то в течение одного дня было записано 45 полков, почти весь перечень полков американской экспедиционной армии; этот документ представил бы большую ценность для полковника Николаи, если бы какой-нибудь из немецких агентов его скопировал и послал его ему. Разведывательный отдел не стал дважды заглядывать в эту книгу. Она немедленно исчезла.

Во Франции не было более важного центра тайной войны, чем Париж. Этот город с его чиновниками, политиками, служащими военного и морского министерства или военных заводов, город, где тысячи офицеров и солдат всех родов войск и всех армий жаждали на некоторое время стряхнуть напряжение и тяготы фронта, беспечные, общительные, влюбчивые, — был для шпионов самым желанным местом. Во французской столице находилось, конечно, много немецких агентов. Из них удалось поймать почти всех неловких. Но большинство продолжало работать, неведомыми путями посылая в Германию сведения. Париж больше всех других городов внушал беспокойство американскому разведывательному отделу.

Это было одной из причин того, что командование американскими экспедиционными силами с большим трудом давало нашим молодым и наивным солдатам разрешения на поездки в Париж, и именно поэтому разведывательный отдел организовал наблюдение за теми, кто получал такие разрешения и находился в Париже. Их предостерегали, особенно офицеров, от случайных знакомств, главным образом с женщинами.

— Большинство этих женщин работает в союзной или германской разведке, — говорили наиболее разумные.

— Все это глупости, — отвечали беспечные и не понимали, почему их вдруг переводили в другую часть, отправляли домой или почему они не продвигались по службе.

Орудия секретной службы

Тот бельгийский аристократ, который охотно принимал у себя американских полковников и генералов, был не единственным полицейским разведчиком, знавшим и сообщавшим, какие офицеры отличаются сдержанностью и заслуживают доверия и какие способны поддаться двум орудиям секретной службы: вину и женщинам. Если какой-нибудь американец слишком охотно пользовался гостеприимством иностранца, с которым он недавно познакомился и который значился в списке подозрительных, об этом немедленно уведомлялся разведывательный отдел.

Ирландский офицер, однажды вечером в вестибюле «Олимпии» сделавший

вслух следующее замечание: «Союзники проиграли войну, а мы прибыли с опозданием ровно на двадцать минут», был на следующий же день вычеркнут из списков получающих производство. Разведывательный отдел работал совместно с военной полицией и с отделом уголовного розыска; он мешал словесным излияниям пьяниц и арестовывал дезертиров раньше, чем они успевали принести вред.

Разведывательные центры различных районов во Франции помещались в Блуа, Клермон-Ферале, Шатору, Тулузе, Лионе, Экс-ле-Бен, Дижоне и Ис-сюр-Тиле. В Англии они находились в Лондоне, Саутгемптоне, Глазго и Ливерпуле. Итальянская, испанская и особенно швейцарская границы бдительно охранялись специальными постами в Модане, Энде, Сербере, Понтарлье, Бельгарде и Эвиан-ле-Бен. Как только какой-нибудь транспорт или корабль с теми или иными видами снабжения бросал якорь в порту, будь то Кале, Гавр, Брест, Сен-Назер, Нант, Ла-Рошель, Бордо или Марсель, невидимые глаза брали под надзор войска, экипажи или грузы, находившиеся на корабле.

В каждом порту группе офицеров разведки помогала дюжина полицейских разведчиков и несколько вольнонаемных служащих, мужчин или женщин, занимавшихся борьбой со шпионажем.

В портах офицеры разведки работали в обстановке еще большей таинственности, чем где бы то ни было, занимая спокойную частную квартиру, которую полицейские разведчики посещали очень редко. Они имели два задания: обнаруживать немецких агентов и выявлять среди американских войск почву, которую могли бы использовать немецкие агенты. Они работали либо под видом офицеров какого-нибудь полка, либо под видом обыкновенных граждан, выдавая себя за журналистов или коммивояжеров.

Именно благодаря авторитету, который придавала им форма, двоим из них удалось в продолжение многих недель «осведомлять» «Эмиля» о числе американцев, умерших еще до прибытия во Францию. Эмиль был хозяином эльзасского отеля, одного из самых больших отелей в Гавре; он уже давно был разоблачен как немецкий шпион; все его методы были известны и все его донесения вскрывались и прочитывались, перед тем как пойти по назначению.

Начальники Эмиля приказали ему разузнать об опустошениях, причиненных гриппом среди американских солдат, которыми были набиты американские транспорты летом 1918 г., когда, чтобы остановить немецкое наступление, Америка посылала столько людей, сколько могла. Некоторые солдаты умерли в дороге, но число гробов, выгруженных на берег, было, конечно, преувеличено слухами; Эмиль, подобно многим шпионам, не дал себе труда проверить, сколько в этих слухах правды, и передал своим начальникам

цифры, добавив от себя некоторые подробности. Их сообщили ему двое знакомых, которые, по их словам, хорошо знали обо всех событиях, происходящих в Гавре.

Они сообщили ему, что американцы мерли, как мухи на борту транспортов. Количество гробов, которые выгружали днем на виду у всех, было якобы гораздо меньше того количества, которое выгружалось ночью. Благоприобретенные знакомые Эмиля каждый раз прибавляли новые подробности этого мнимого бедствия. Эмиль в тишине своей комнаты под крышей отеля вытаскивал симпатические чернила, специальное перо и писал письма такого рода: «Не питайте никаких опасений по поводу войск, прибывающих из Америки и высаживающихся в Гавре. Еще до прибытия в порт половина солдат умирает, а остальные так больны, что едва держатся на ногах. Эпидемия опустошает американскую армию».

Сомневаюсь, чтобы Эмиль был когда-нибудь интернирован. Он был нам чрезвычайно полезен.

Так или иначе, полицейские разведчики активно занимались розысками всего, что могло бы нарушить транспорт войск. Переодетые в форму вновь прибывших частей, они смешивались с новобранцами и, пользуясь своим престижем старых солдат, очень быстро завоевывали доверие новичков. Они интересовались всем. Правда ли, что на борту много больных? Как их лечили? Довольны ли солдаты? Хорошо ли их кормят? Любят ли они своих офицеров? Тем временем другие полицейские разведчики в штатском (один из них любил выдавать себя за корреспондента «Christian Herald» — «Христианского вестника») встречались с офицерами тех же полков. Что за люди их солдаты? Какой у них генерал? Любит ли его дивизия? Если нет, то почему?

Через 24 часа после прибытия «Левиафана» подробный отчет о высадившихся войсках был уже в пути в главную квартиру. Большинство вопросов, которые тайно задавались солдатам, имели целью узнать, каково их настроение: «Хотите ли вы сражаться и умеете ли, а если не умеете, то чувствуете ли вы себя способными научиться?» Огромное большинство с воодушевлением отвечало «да». Однако бывали и отрицательные ответы. Солдаты некоторых частей, набранных в немецких районах Среднего Запада, признавались, что «на фронте и так достаточно людей, и без них можно было бы там обойтись» и что «война уже почти окончена, зачем же они нужны?» Это сообщение, немедленно посланное в главную квартиру, решило участь этих войск во Франции; впрочем, оно было получено также полковником Николаи, причем от агентов, лучших, чем Эмиль.

Некоторые войска, отправленные обратно на родину до перемирия, были тщательно обысканы, чтобы они не могли увезти с собой писем своих

приятелей-солдат, невинно сообщавших важные военные сведения. Точно так же обстояло дело с возвращавшимися в Соединенные Штаты гражданскими лицами, из которых многие увозили письма и посылки. Вопреки их решительным протестам, полицейские разведчики обыскивали их гораздо тщательнее, чем это делали французы.

«Service»

Разведывательная полиция, которой был поручен надзор за всей сетью секретной службы во Франции, отличалась большой строгостью. Ее пароль «Service» открывал ей днем и ночью доступ повсюду. В некоторых спокойных районах французы охотно предоставляли молодым и ревностным американцам, превосходно говорившим по-французски, выполнение части своей работы. Например, в Дижоне два полицейских разведчика Никкел и Мартелл заменяли французов при контроле, установленном над приезжающими.

Каждый, кто приезжал в Дижон, как и в прочие города, должен был зарегистрироваться, указать свою профессию, цель своей поездки и срок пребывания. Сообщенные данные всегда проверялись; часто такой 'проверкой занимались станционные смотрители. За тем, кто дал ложные сведения, тотчас же устанавливалось наблюдение: Американцы заставили строго соблюдать это правило и, пользуясь своим паролем «Service», без колебаний вытаскивали подозрительных людей из постелей, чтобы просмотреть их бумаги и допросить их.

Особенно тщательно они следили за вестибюлями отелей, где усиленно передавали слухи, и не спускали глаз с путешественников, безразлично, были ли они шпионами или нет.

Один из агентов, которым в то время был поручен такой надзор, по всей вероятности, стал теперь превосходным сыщиком. Во всяком случае, он проявил к этой профессии большую склонность, когда ему еще не было 17 лет. Будучи весьма расторопным, он целые дни проводил, бегая на звонки и выполняя всевозможные поручения в лучшем отеле одного из французских городов, расположенного в тылу, но достаточно близко к фронту, чтобы население его было почти сплошь военное. Кроме того, американцы открыли в этом городе госпитали. Это был важный центр нашей службы снабжения.

Ни один подозрительный или даже просто сомнительный человек не останавливался в этом отеле без того, чтобы его багаж не был тщательно просмотрен и его переписка прочитана американским офицером, возглавлявшим контрразведку в этом районе. Офицер открывал на пару письма и, «е оставляя никаких следов, прочитывал их и опять заклеивал. Американцы не единственные пользовались таким методом, весьма

распространенным в контрразведке и почти обязательным в тайной войне.

Однажды этот молодой человек из разведывательной полиции пришел к своему начальнику и сказал:

— Господин лейтенант, с некоторых пор у меня возникли подозрения. Вы знаете М. А., толстого брюнета, управляющего гостиницей. Так вот, этот управляющий не получает писем на адрес гостиницы. Ни одного письма.

— Но у него есть орден Почетного Легиона, — ответил американец, — я видел у него в петлице красную ленточку.

— Подумаешь, красная ленточка! Ее можно купить в любой лавочке. И затем приглядитесь к нему поближе. Он не француз. Он даже говорит с легким акцентом.

«Все это мелочи», подумал офицер, но тайная война состоит сплошь из мелочей. Он запросил Париж, числится ли брюнет во французских списках подозрительных. Ему ответили отрицательно. Но он числился в американских списках. Полковник Морено быстро прислал из Шомона утвердительный ответ. Этот человек был уже замешан в одном деле в Лионе, но надо было, чтобы его арестовали французы. Американцы тотчас же сообщили свои сведения французам. Вскоре два агента летучей бригады, типичные полицейские, вошли в гостиницу и, пройдя прямо в контору, обратились к толстому брюнету с орденом Почетного Легиона:

— Сударь, мы полицейские агенты, мы ищем управляющего гостиницей.

— Управляющего гостиницей? — повторил брюнет. — Я очень сожалею, господа, но он вернется только к 5 часам.

Полицейские агенты поклонились и ушли. К 5 часам они вернулись и опять спросили управляющего гостиницей.

— Да ведь вы с ним говорили, когда приходили в первый раз, — ответили им. — А теперь он уехал.

Кольцо контрразведки сомкнулось. Из города ушло всего несколько поездов, вокзалы находились под постоянным наблюдением. В списке подозрительных были указаны все приметы беглеца. Через несколько дней брюнет был арестован в Лионе и на этот раз интернирован до конца войны.

Тот же молодой человек, пришел опять к американскому офицеру и сказал:

— Подумайте только, господин лейтенант, кто остановился в отеле! Дама, принадлежащая к одной из самых влиятельных семей в Америке, по крайней

мере, судя по ее имени; но она француженка. Тут кроется тайна.

В самом деле, в книге отеля было записано имя: Рут Астор. Это была высокая блондинка, хорошо сложенная и привлекательная, как и нужно было для той профессии, которой она, несомненно, занималась. Ее настоящее имя было Дьомон. Она родилась в деревне на севере Франции и, несмотря на войну, в течение последних лет путешествовала по всей Европе. Этого было достаточно, чтобы внушить подозрение; но французы имели о ней более точные сведения. Она была выслана из Марселя за то, что посылала в Швейцарию открытки со странными картинками. Против нее не было никаких улик, но много подозрений.

Зачем она приехала в крупный американский центр?

Американцы читали ее переписку, обыскивали ее вещи, следили за ней. Несмотря на все усилия своих американских приятелей, она очень мало пила, и вино нисколько не действовало ей на голову. Эти приятели сообщали ей различные ложные и верные сведения об армии, но не находили ни слова о них в ее письмах. Если судить по ее поведению, Рут Астор была не только хорошо воспитанной женщиной, но и французской патриоткой. Затем в один прекрасный день, не сказав никому ни слова, она покинула город, не попав в сети, расставленные американцами.

Так зачастую кончалась охота на шпионов.

Один полицейский разведчик — американец испанского происхождения, выдававший себя за испанца, был послан с каким-то заданием в город, расположенный поблизости от Вердена. Он жил в одном доме с бельгийцем, поступки которого возбудили подозрений окружающих. Но подозревавшийся человек в свою очередь стал подозревать вновь прибывшего и сказал хозяйке:

— У этого человека вид немецкого шпиона. Он не испанец, он поступает не так, как испанец.

Тогда полицейский разведчик стал искать ссоры с бельгийцем, и в бурном гневе выхватил нож и закричал о своей испанской крови. Затем бельгиец уехал в Шомон повидать «жену», которая после расследования оказалась совсем ему не женой. Тем временем наш испанец, осмотрел все его бумаги и заинтересовался повторением в письмах о помощи бельгийцам некоторых слов, имевших смысл только в том случае, если они составляли шифр. Владелец этих писем был, вероятно, предупрежден, ибо он уехал из Шомона и исчез. Вскоре было заключено перемирие.

Опасное поручение. Тяжелое испытание

Другому полицейскому разведчику, тоже американцу испанского происхождения, пришлось выдержать тяжелое испытание. Однажды он был приглашен в канцелярию контрразведки в Жиевре, где находился один из крупнейших центров службы снабжения, и где всегда опасались присутствия неприятельских шпионов.

— Хотите взять на себя опасное поручение? — спросил его начальник.

— Да, — ответил полицейский разведчик, и его лицо прояснилось.

— Говорите ли вы достаточно хорошо по-испански, чтобы сойти за испанца среди испанцев и не быть повешенным?

— Да, — отвечал полицейский разведчик. — Я в молодости прожил семь лет в Мадриде.

Впоследствии это спасло ему жизнь.

— Хорошо, — сказал начальник. — В маленьком городке Сель-сюр-Шер около Жиевра мы строим самые крупные холодильники американской экспедиционной армии, предназначенные для хранения продовольствия, отправляемого на фронт. На этом строительстве имеется много вольнонаемных рабочих: мальтийцев, бельгийцев, греков, швейцарцев и особенно испанцев. За ними внимательно следят, но там происходит что-то непонятное. Я не могу вам больше ничего сказать, вы отправитесь туда сами и постараетесь выяснить, что там делается. Но будьте осторожны, это головорезы, которые не остановятся ни перед чем.

Педро Падилла прибыл в грязных лохмотьях из Мадрида на строительство, где работали испанцы. Но его смышенное лицо и хорошие рекомендации помогли ему получить работу по 9 франков в день. Он очутился среди рабочих и тотчас же почувствовал тяжелую атмосферу опасности. На него были направлены подозрительные взгляды, и он слышал замечания, отпускаемые на его счет этой многоязычной толпой, главным образом состоявшей из испанцев, доверие которых он должен был завоевать. Указывая пальцами на его нерабочие руки, они спрашивали: «Кто такой этот рабочий?» «Плохое начало», подумал агент. И вот однажды вечером он стал громко расспрашивать, нет ли работы для маляра:

— Я не чернорабочий, — говорил он, — мне сказали, что тут есть малярная работа.

Не зная, убедил ли он своих товарищей, он уснул, и ему снились угрожающие лица с мрачно сверкавшими глазами. Вдруг он проснулся, разбуженный светом карманного фонаря, увидел две темные, фигуры и услышал

приказание:

— Встань, не произноси ни слова и следуй за нами.

Они отвели его в темный угол, сами сели, а ему велели стоять и направили свои фонари на его лицо.

— Падилла, — начал один из испанцев, чье тонкое и бледное лицо выдавало сильную волю, — ты утверждаешь, будто ты испанец и приехал из Мадрида. Это может быть и так! Но ты не похож на рабочего. Нам известно, что американцы нас в чем-то подозревают, может быть, в воровстве или в шпионаже в пользу немцев или же в саботаже. Нам известно об их намерении послать сюда человека из разведки. Может быть, это как раз ты!

Глаза обоих испанцев были испытующе устремлены на несчастного полицейского разведчика, у которого от ужаса зашевелились на голове волосы.

— Если это ты, — голос испанца стал угрожающим, — мы изрежем тебя на мелкие куски. Если это не ты, то тебе нечего бояться. А теперь отвечай на наши вопросы.

После этого началось нечто вроде допроса «третьей степени», который вел человек с тонким лицом с помощью своего товарища, всю жизнь жившего в Мадриде.

— Где ты жил в Мадриде? Как с такого-то места можно дойти до такой-то школы, до такой-то церкви? По какой надо пройти улице? Как зовут священника такой-то церкви? В каком ты жил доме? Кто там жил еще? Кто жил рядом, кто напротив?

Падилла в душе дрожал, но он действительно жил в Мадриде, в Калле Зорилла и ответил на большинство вопросов. Заметив почти неуловимый знак, который один испанец подал другому, он почувствовал, что дело подвигается успешно. Несмотря на свой страх, на ужасную обстановку и на ослепивший его свет, секретный агент понимал, что он одерживает победу. Главный следователь был уже как будто убежден, когда его товарищ, подняв свои тяжелые веки, сказал:

— Дай-ка, попробую я.

Сердце бедного агента сжалось.

— Кто такой был Гарибальди? — спросил новый следователь.

— Гарибальди? — воскликнул Падилла, стараясь вспомнить. — Ведь, это,

кажется, был итальянский патриот.

— Никто в Мадриде не ответил бы так, — презрением произнес испанец. — Кто такой был Гарибальди? Отвечай!

Точно молния, агента осенило воспоминание детства.

— Это было прозвище сумасшедшего старика, который расхаживал в форме, обвешанный медалями...

— Верно, — подтвердил испанец. — Еще один вопрос. Если ты жил в Калле Зорилла в 1898 году, то окажи, что там в тот год произошло? Об этом помнят все, кто там жил.

— Там случилось много вещей, — запротестовал несчастный полицейский разведчик, — скажи яснее!

Испанец колебался.

— Там была замешана свинья.

— Свинья? Свинья? — Вдруг агент вспомнил.

— Я знаю, — сказал он. — Это было в день объявления войны между Испанией и Соединенными Штатами. По Калле Зорилла проходила толпа, распевавшая «Jankee pig» («свинья янки») вокруг свиньи, украшенной американским флагом. Затем толпа повесила свинью перед домом генерала Вейлера.

Испанец поднялся и протянул руку:

— Подлый американец никогда бы этого не знал, — воскликнул он. — Ты в самом деле мадридец!

Секретный агент дрожал от волнения, на его лбу выступил холодный пот. Он выдержал испытание и был принят в масонское братство испанских рабочих. Во главе этого братства стоял человек с бледным лицом, наводивший ужас на всех своих товарищей, за исключением одного лишь мадридца. Последний полюбил Падиллу и предложил ему, что будет работать вместо него.

— Я в состоянии свалить трех таких, как ты, — сказал он ему, показывая свои мышцы, и могу работать за двоих. А ты тем временем будешь нести охрану, и когда появятся американские агенты, ты нас предупредишь.

Это как раз и было нужно полицейскому разведчику. Таким образом, он мог узнавать обо всем происходящем.

Ночью он имел возможность продолжать свои поиски. Напрягая слух и зрение, он обнаружил много интересного.

Во-первых, он заметил, что испанцы, будучи азартными игроками, играли в странную игру. Когда проходил поезд, они прекращали работу и провожали его глазами, а затем заключали пари. Сколько пройдет поездов? В каком направлении? Какие составы? Какой длины? Из скольких вагонов? Результаты тщательно записывались и передавались одному бельгийцу, который хранил все ставки, но никогда не возвращал записок. Одно слово, сказанное специальному комиссару Бауэру, и бельгиец исчез.

Затем полицейский разведчик заметил маленькие белые пилюли, разбросанные вокруг сложенного в большом количестве леса. Он взял несколько штук и отнес Бауэру.

Это оказались зажигательные таблетки, которыми пользовались немцы. После этого лес начали усиленно охранять.

В маленьком кабачке, который посещали рабочие, он увидел, как какой-то грек передал служанке сложенную вчетверо записку. Испанцы над ним смеялись.

— Вот ты как ухаживаешь! Ты не смеешь с нею заговорить? Испанцы ухаживают иначе.

Грек исчез; больше его в кабачке не видели. Французские агенты обнаружили, что служанка передавала свои «любовные записки» одному железнодорожному служащему, сопровождавшему поезда между Туром и Парижем; он в свою очередь передавал их третьему лицу. Этот путь для пересылки сведений был уничтожен. После Падиллы прибыл еще один испанец, который тоже был подвергнут испытанию и принят в испанское масонское братство. Он был хорошо знаком с артиллерией, так как работал у Крезо. Бауэр был очень рад знакомству с ним. Несмотря на все опасности, полицейский разведчик продолжал работать, не вызывая подозрений у своих товарищей. Когда он выполнил задание, его послали в другое место.

— Через какое самое тяжелое испытание пришлось вам пройти? — спросили его.

— Самое тяжелое? — повторил он сердито. — Я вам скажу. Однажды, американский капрал приказал нам вчетвером тащить его на тачке 6 километров и ругал нас за то, что мы шли недостаточно быстро. Это был капрал, а я, сержант, ничего не мог поделать!

Полицейский разведчик рискует жизнью

Осенью 1918 г. живописный город Бон в старой Бургундии превратился положительно в американский город. Его неровные улицы были полны американских солдат в защитной форме, готовившихся отправиться на фронт или работавших по снабжению своих товарищей, уже находившихся в окопах. Раненые на фронте американцы уже начинали поступать в американские госпитали, открывавшиеся в окрестностях. Это еще более оживило город, так как для ускорения работ брали рабочих, прибывавших отовсюду.

Испанцы, португальцы, жители берегов Средиземного моря удивляли население Бона своим многоязычием. Это была беспокойная толпа, но она была нам необходима.

Для облегчения отношений между ними, с одной стороны, и американцами и французами — с другой, Красный Крест послал переводчика — молодого человека, обладавшего огромными способностями к языкам. Он выдавал себя за итальянца из Америки и говорил по-английски, по-французски, по-итальянски, по-португальски и по-испански. Пьетро был жгучим брюнетом, лет 30-ти, с приветливыми, но не навязчивыми манерами; он отличался большим усердием и умел быть везде полезным; по вечерам он любил развлечься в веселой компании. Пьетро был большим любителем бонского вина и карт. Но он пил и играл, никогда не теряя головы и ни с кем не ссорясь. В общем, переводчик Красного Креста был идеальным секретным агентом, и офицер, стоявший во главе бонской контрразведки, мог радоваться, имея его у себя на службе.

Говоря на пяти языках, Пьетро имел много знакомых, из которых больше всего он подружился с испанцем по имени Диац. Так же как Пьетро, Диац был человеком очень живым, любителем бонского вина, карт и игры. Но к несчастью, его голова была не такой крепкой, как у его друга, вино развязывало ему язык и делало его заносчивым и вспыльчивым. Он был человеком сильных страстей, из которых наиболее глубокой была фанатическая ненависть к американцам.

Его ненависть зародилась во время испано-американской войны. Диац, родившийся на Кубе, принадлежал к довольно зажиточной испанской семье, которая помогала испанцам и не скрывала своей ненависти к победителям.

«Эти проклятые американцы», говорил он, выслали его семью с Кубы и ей пришлось поселиться на севере Испании. Взятый в испанскую армию, Диац взбунтовался против дисциплины, убил командира своего полка и бежал во Францию. Он нанялся на работу к американцам, потому что горел желанием отомстить за старое оскорбление, нанесенное 20 лет тому назад. Одним словом, это была горячая и очень опасная голова, как и сообщил Пьетро.

Диац не хвастал. Он, в самом деле, стремился убивать, жечь, уничтожать

проклятых американцев и всю их работу. Благодаря своему пылкому красноречию, он нашел себе сторонников: другого испанца по имени Окоя и французского пацифиста, уволенного из армии. Кроме того, его убеждениям начал поддаваться Пьетро. Они могли бы стать настоящими шпионами, говорил ему Диац. Начальник германской разведки жил у его родителей на севере Испании.

Если бы Пьетро мог украсть печать цензуры, они послали бы ему письмо. Пьетро согласился, и через два дня читал вместе со своим начальником восторженное письмо, в котором Диац предлагал немцам свои услуги и сообщал, что он начнет свою деятельность с краж планов американских госпиталей вокруг Бона; он отправит планы начальнику немецкой разведки в Испании, чтобы германские самолеты могли бомбардировать госпитали.

Пьетро и его начальник скопировали это письмо, вновь запечатали его и отправили по назначению. Через несколько дней Диац передал Пьетро другое письмо, в котором он просил начальника германской разведки послать ему симпатические чернила и шифр, ибо, как он писал: «мои нынешние средства связи несколько раскованны». Пьетро горячо его одобрил. Затем копии планов госпиталей были оставлены там, откуда Диац мог их украсть, и заговорщики, восхищенные своим успехом, решили принять Пьетро в свою банду.

«Клятва кровью»

— Мы должны дать клятву никогда не оставлять друг друга, — воскликнул Диац. — Смерть американцам! Клятву надо скрепить кровью.

Сидя при свете свечи за столом, залитым красным вином, они укололи ладонь и подписали клятву кровью.

Пьетро даже не поморщился.

— Теперь, когда мы украли планы, — сказал Диац, — Пьетро пошлет их в Испанию. Но если оттуда долго не будет ответа, не будем дожидаться. Нанесем удар в другом месте. Недалеко отсюда находится большой склад боевых припасов; там хранятся тысячи снарядов и много пороха.

Почему бы его не взорвать?

Ночь еще не прошла, когда они решили, что француз постарается разведать подступы к этому складу.

— Они намерены действовать, — сообщил Пьетро своему начальнику. — Нельзя терять времени.

На следующий день в Бон приехал один из высших офицеров французской контрразведки. Сначала он думал, что американцы преувеличивают, но, прочитав донесения Пьетро и письма Диаца, убедился в обратном. Диац, Окоя и их товарищ были немедленно арестованы.

— А теперь, — сказал Пьетро, — почему бы не послать меня в Испанию? Я знаю, где находится начальник немецкой разведки и могу сказать, что я приехал по поручению Диаца. Я могу либо добиться его высылки из Испании, либо работать с ним и с его бандой и многое узнать о немецкой секретной службе.

— А знаете ли вы, что вы можете также получить удар ножом? — спросил офицер.

— Да, конечно, — ответил Пьетро, — но я готов рискнуть.

О его предложении было сообщено полковнику Уорду, затем полковнику Морено, наконец, генералу Нолану. Но никто не хотел посылать на смерть этого храброго человека. Затем было заключено перемирие. Оно спасло жизнь горячему Диацу и его товарищам, но они были приговорены к долгосрочному тюремному заключению. Во время суда, узнав о предательстве Пьетро, они во всеуслышание заявили, что убьют его, но Пьетро здравствует и поныне.

Глава третья

Мэтр

Как американские секретные агенты напали на след крупного немецкого шпиона

— Это ужасно! — сказал начальник французской разведки в Швейцарии. Он говорил почти шепотом, и лицо его выражало крайнее волнение. — Они хотят нанести нам серьезный удар. Они нас ввели в полное заблуждение относительно своего большого наступления, которое почти раздавило сначала британскую армию, а затем нашу. Они нас поймали, как мальчишек. Двадцать один человек из наших лучших людей арестованы и казнены. От имени этих людей немцы посылали нам фальшивые донесения, и мы это заметили, когда было уже поздно...

И все это дело рук одного человека! Человека, который ими всеми командует, Мэтра.[7] Да, это мастер темных и мрачных дел. Настоящий Мефистофель.

Француз осторожно огляделся вокруг в темном кафе и, наклонившись к своему собеседнику, продолжал еще тише:

— В настоящий момент этот человек, этот дьявол, этот мастер шпионажа находится здесь.

Американский офицер в штатском оглянулся. Он еще не привык, к таким театральным эффектам, неожиданно нарушающим однообразие секретной работы. Он робко улыбнулся.

— Вы хотите оказать, где-нибудь в Швейцарии, не правда ли?

— Нет! Здесь, в Берне! — отвечал француз. — Может быть, мы встречаем его на улице, даже не подозревая об этом. Может быть он тут, совсем близко, сидит за одним из столиков и наблюдает за нами. Кто знает? У него две, три, четыре, я не знаю сколько внешностей... Но, тем не менее, — продолжал он, пожав плечами, — это не Мефистофель, а человек, ибо он оставляет следы, и не поймал еще всех ищеек из нашего бюро. След кончается в Берне. Значит, он тут и строит свои козни против союзников. Теперь наша очередь выследить его. Поэтому-то я и попросил вас встретиться со мною в кафе. Нам нужна помощь американской разведки.

Американец, гордость которого была удовлетворена, довольно улыбнулся.

— Ваша просьба помочь вам поймать этого знаменитого шпиона весьма лестна для нас. Мы уже о нем слышали, хотя мы и новички в области разведки. Немцы не могут иметь в Швейцарии такого количества агентов и шпионов, чтобы не было «утечки». А вы знаете, добрый старый американский доллар делает чудеса, когда надо добиться «утечки».

Француз с улыбкой ответил:

— Да, я знаю. На прошлой неделе наш агент в канцелярии капитана фон Бисмарка (он такой же интриган, как его знаменитый предок) слышал, как фон Бисмарк со смехом рассказывал, что он продал этим дуракам американцам фальшивые сведения!

Улыбка американца превратилась в гримасу.

— Ах, фон Бисмарк смеялся, — сухо заметил он. — Посмотрим, кто будет смеяться последний!

Один из наших наиболее интересных случаев

Предсказание американца сбылось. Американцы поймали Мэтра. Это один из самых животрепещущих случаев в истории нашей разведки во время мировой войны. Об этом случае никто еще никогда не рассказывал. Когда это дело нашумело, о нем упоминали швейцарские газеты, но они касались только покровы тайны, между тем как все связанные с ней интриги, заговоры и

подлости остались скрытыми. До сих пор еще не разоблачена та важная роль, которую сыграли в этом деле американцы.

Это не роман. Мэтр действительно жил и работал на пользу Германской империи. Может быть, он еще жив, и поэтому его настоящее имя не будет здесь названо. Он был одним из самых грозных персонажей того странного мира, где женщины и мужчины, имеющие несколько образов или не имеющие ни одного, воодушевленные самыми благородными или самыми низкими целями, неведомые и затерянные, участвуют в борьбе, которую ведут шпионы против своего врага — контрразведки.

В этой борьбе излюбленным местом действия являлись нейтральные страны, расположенные вокруг Германии: Голландия, Дания и Швейцария. Важнейшим центром была Швейцария, ибо, окруженная Германией, Австрией, Италией и Францией, всеми этими воюющими великими державами, она имела мало шансов сохранить непорочность. Швейцария представляла нечто вроде естественной базы, откуда, с одной стороны, Германия и Австрия, а с другой — Италия и Франция руководили всякою рода темными делами. Вели тайную игру не одни только эти нации. Агенты осведомительных служб всех стран посылались на европейский перекресток, каким была Швейцария. Там можно было встретить приторных дипломатов, офицеров, старавшихся скрыть свою военную выpravку под штатской одеждой и готовых купить сведения, которые были главным товаром «коммивояжеров», возвращавшихся из поездки в ту или другую страну. Железнодорожные служащие, таможенники и слуги в отелях тоже являлись превосходными осведомителями. Всюду кишели шпионы, шпионаж был повсюду. Мирные граждане не знали, куда деться.

Альпы превратились в кулуары, где топотом передавались всевозможные сведения. Чистый горный воздух был отравлен ложью. Его осквернили тысячи иностранцев.

Иногда не выдерживали и швейцарцы. Умея говорить по-немецки, по-французски и по-итальянски, они могли легко зарабатывать деньги, занимаясь шпионажем в пользу той или другой державы, а иногда и нескольких держав сразу. Можно было также извлечь выгоду, доставляя сведения или помогая тайно переправлять их через границу.

Официально швейцарская тайная полиция должна была одинаково следить за всеми, особенно за военными атташе всех держав как, Антанты, так и германского союза, чтобы не допускать нарушения швейцарского нейтралитета. Некоторые швейцарские чиновники — немцы помогали Германии бороться с союзной разведкой, нарушавшей швейцарский нейтралитет гораздо слабее, чем немцы, которые помышляли даже о возможности захвата Швейцарии точно так же, как они захватили Бельгию.

Некоторые высшие офицеры швейцарской армии значились в черном списке союзников, а три полковника были даже замешаны в одно дело. Тем не менее, швейцарская помощь немцам в конечном итоге способствовала провалу одного из крупных немецких шпионов.

С самого начала 1913 г., гораздо раньше, чем француз и американец встретились в бернском кафе, у всех разведок была только одна мысль: большое германское весеннее наступление. Немцы старались скрыть свои планы и ввести в заблуждение союзников, которые всеми средствами пытались раскрыть, где и когда будет нанесен удар. Началась ужасная и неумолимая тайная война. Швейцария препятствовала усилиям союзных агентов проникнуть в Германию, чтобы собрать там необходимые сведения.

Закрытые автомобили без огней пытались переехать границу по тайным дорогам. По Боденскому озеру скользили шлюпки, старавшиеся подвезти хороших пловцов ближе к немецкому берегу раньше, чем с дозорных судов выстрелом из револьвера будет положен конец всему приключению. Жужжание моторов над якобы нейтральной территорией нарушало ночную тишину, и храбрые люди, спрыгивавшие с парашютами, старались ускользнуть от немецких охотников за шпионами, бдительно охранявших границы от тайного вторжения. Все союзники работали вместе: замечательные английские тайные агенты, итальянцы, восторженные американцы, бывшие, правда, еще любителями, и, наконец, очень много французов. Из всех пунктов Швейцарии союзные разведки пытались перебрасывать в Германию лучших своих агентов, минуя швейцарскую и германскую сеть контрразведки.

Канцелярия французского вице-консульства в некоем маленьком городке под видом обычной своей работы скрывала другую тайную работу величайшего значения. Впрочем, не одни французы делали двойное применение из своих представительств. Много слухов по этому поводу ходило в шпионском мире. Однажды в эту канцелярию пришел человек, остановившийся на пороге и показавший свой значок.

Зловещий посетитель

— Швейцарская тайная полиция, — прошептали служащие канцелярии. Соппротивление повлекло бы арест и, может быть, даже высылку всех; повиновение могло привести к тщательному обыску всего помещения — обыску, который дал бы улики, способные повлечь серьезные международные осложнения. Нежданный посетитель, сделав несколько шагов, очутился посреди комнаты; у него был властный вид, внушавший почтение всем присутствующим. Его лицо выражало суровую энергию. Это был человек лет 38-ми с высоким лбом и черными глазами, блестящими за очками, с прямым

римским носом и ртом, прикрытым густыми усами.

— Пусть никто не выходит, — сказал он на превосходном французском языке. — Я, как видите, швейцарский чиновник. Я пришел проверить, нет ли нарушения швейцарского нейтралитета.

Затем он сказал повелительным тоном:

— Дайте мне посмотреть, что находится в этом несгораемом шкафу.

— Но, милостивый государь, здесь помещается французское консульство, — сказал один из служащих. — Уверяю вас, что здесь не совершается ничего противозаконного... Нам никогда не предлагали открывать несгораемый шкаф.

— Тем не менее, — сказал посетитель, — я на этом настаиваю.

Француз пожал плечами. Он надеялся, что опасных документов в несгораемом шкафу не было и, не говоря ни слова, смотрел, как представитель швейцарской полиции переложил все содержимое шкафа в небольшой чемодан, который он принес с собой.

— Я на досуге просмотрю эти бумаги, — сказал он, закрывая чемодан.

Француз возразил:

— Просмотрите их здесь, милостивый государь, уносить их вы не имеете права.

Рука посетителя с быстротой молнии погрузилась в карман.

— Ах, вот как! Не имею права? — сказал он властным тоном. — Посмотрим. Ни с места!

Он быстро дошел до двери и громко ею хлопнул; скоро послышалось пыхтение сильного мотора.

Тайная война в Швейцарии началась для союзников плохо. В другом швейцарском городе одного зажиточного купца, симпатизировавшего союзникам, тоже посетил агент тайной полиции, потребовавший, чтобы ему была показана переписка купца с коммивояжерами в Германии. Агент показал свой значок. Это был человек среднего роста, на вид лет около сорока; у него были усы, из-под очков глядели пронизательные глаза.

— Это — одно и то же лицо! — решили во французской разведке.

На следующий день из Цюриха была получена зашифрованная телеграмма. Тот

же самый швейцарский агент явился к доверенному агенту союзников и задал ему вопросы, которые мог задать только человек, видевший бумаги, забранные из несгораемого шкафа.

— Это становится серьезным, — сказали французы. — Чего хотят добиться швейцарцы? И швейцарцы ли это?

Но у него ведь был значок...

На следующий день французская секретная служба получила донесение, в котором говорилось:

— Один крупный чиновник Цюрихской полиции утверждает, будто этот человек действительно является швейцарским агентом.

Цюрихский чиновник был швейцарским немцем, давно уже значившимся в «черном списке» союзников. Доказать что-нибудь пока еще не представлялось возможным, можно было только наблюдать. Наконец, был получен доклад из Женевы:

— Английского летчика Х, находящегося здесь в отпуску, несколько раз видели с человеком, который с некоторых пор нас интересует. Он выдает себя за агента швейцарской тайной полиции и хорошо говорит по-английски. На вид ему нет еще сорока лет, он среднего роста, крепкий, с черными усами и черными пронизательными глазами, носит очки.

Затем, словно удар грома, из Парижа пришло следующее сообщение 2-го Бюро:

— Английские независимые воздушные силы, совершающие с аэродромов, находящихся на американском участке в Лотарингии, рейды против немецких городов на берегах Рейна, полагают, что секрет их системы ночной световой сигнализации продан немцам. В последнее время немецкие самолеты несколько раз летали ночью над английскими аэродромами и английским кодом давали световые сигналы зажечь огни. Когда это делалось, они бомбардировали аэродромы, уничтожая самолеты и убивая пилотов и техников. Есть предположение, что немцы получили эти сведения в Швейцарии.

Однако, несмотря на все поиски, англичане не нашли во всем Британском воздушном флоте летчика по имени Х...

Это был еще не конец. Французская разведка все время радовалась тому, что ей так удачно удалось перебросить своих агентов в Германию и получать от них донесения.

В этих донесениях говорилось, что большое германское весеннее наступление состоится против французов в Шампани одновременно с наступлением против новых американских сил в районе Туля. Хотя сведения из других источников противоречили этим донесениям, тем не менее, были приняты подготовительные меры. 21 марта удар был нанесен, но совсем не против французов в Шампани и не против американцев в Лотарингии, а против англичан на Сомме, больше чем на расстоянии 150 км оттуда. Французы никак не могли поверить, что это было именно большое германское наступление, и посылали англичанам подкрепления с крайней медлительностью. Затем вдруг донесения французских шпионов в Германии оказались полными странных противоречий.

Обмануты!

При ближайшем изучении в донесениях обнаружилась ловкая смесь правды с ложью. Почти все сведения, соответствовавшие истине, имелись у союзников уже раньше, и 2-е Бюро знало, что немцам это известно. 2-е Бюро решило проверить шедшую из Германии через Швейцарию осведомительную службу, которую оно считало такой надежной. Оно послало шпионам приказ достать планы анилинового завода в Людвигсхафене в Баварии; его был большой немецкий завод, производивший газы, точные планы которого уже имелись. Разными подпольными путями с пометкой французской секретной службы прибыли планы анилинового завода. Но все они оказались фальшивыми.

Следовательно, немцы проникли во французскую секретную службу. Каким образом? С каких пор? Это была тайна, которую надо было немедленно разоблачить, ибо подготавливались еще наступления, и необходимо было получить возможность им противодействовать. Где и когда начнут наступление немцы? Противник уничтожил надежный источник информации. А доверенные агенты, так успешно перешедшие германскую границу и посылавшие затем ложные донесения, где они были?

Ищейки 2-го Бюро принялись за работу по всей Швейцарии вдоль германской границы и вскоре напали на след, на признаки, на некоторые мелочи, которые, взятые в совокупности, разоблачили начало трагедии. Каждый из 21 доверенных агентов, посланных в Германию для добывания сведений о большом наступлении, был приговорен еще до того, как он перешел границу. Немцы их впустили, довольствуясь наблюдением за ними, пока они занимались своим тайным делом. Следя за каждым шагом французских агентов, немцы, в конце концов, раскрыли, как они посылали свои донесения, посредством секретных сообщений, шифрованных телеграмм, объявлений в газетах и т. д. Овладев этими средствами, немцы стали действовать быстро. Один за другим несчастные французские агенты были расстреляны. Немцы их уничтожили, а затем от их имени начали посылать ложные донесения.

Для французов это действительно было ужасно. А каких потерь стоило это англичанам!

Французская секретная служба взялась за поиски автора этого шедевра мистификации, и мало-помалу возник образ Мэтра. В течение долгого времени он был только именем, только призраком, и даже те, кто его видел, как, например, служащие вице-консульства, не знали в точности, кто он такой.

Начальник французской секретной службы продолжал рассказывать американскому офицеру:

— Мы послали всех служащих вице-консульства на его поиски по всей Швейцарии, и вот один из них пришел и сказал, что он видел его здесь в Берне в полицейском управлении. Я с трудом сохранил спокойствие. «Вы уверены?» — спросил я его. — «Вполне. Я был в коридоре и видел, как он смеялся и шутил с одним из руководителей полиции. Машинистка сказала мне, что он хорошо знаком с этим офицером и часто к нему приходит. Я дождался его у выхода и пошел вслед за ним. Он взял такси, покругил по городу, а затем остановился у одного из домов и поднялся во второй этаж. Швейцар в этом доме напоминал настоящего прусского унтер-офицера. Его было бесполезно спрашивать. Но через несколько минут я увидел, как незнакомец вышел и пошел по улице. Я бросился к старухе, продавщице газет, взял у нее газеты и быстро поднялся во второй этаж. Я позвонил у двери, в которую раньше вошел незнакомец. Мне открыл мужчина такого же роста, как тот, кого я преследовал, но он был шире в плечах, чернее, с более резкими чертами лица, имевшими другое выражение, короче говоря, это был другой; на нем была форма немецкого капитана. Я заглянул в квартиру; она была очень маленькая, и я готов поклясться, что больше там никого не было. Человека, который, как я видел, туда вошел, больше там не было. Тем не менее, у меня хватило присутствия духа предложить газету, и немецкий офицер, пристально на меня взглянувший, прежде чем ее взять, стал рыться в кармане и, не найдя денег, вошел обратно в квартиру, чтобы найти монету в своем пальто. Я вам клянусь, что это пальто человека, которого я преследовал, человека из вице-консульства. Но капитан — это был другой или, по крайней мере, казался другим».

— Вы знаете, мой друг, — продолжал начальник французской разведки, — что у нас есть коллекция фотографических карточек подозрительных лиц. Я показал ее служащему вице-консульства, который воскликнул, указывая на одну из фотографий: «Вот это он!». Это был капитан фон Эймен, часто ездивший по особому правительственному разрешению из Германии в Швейцарию и обратно по делам, связанным с интернированием немецких солдат в Швейцарии. Мы давно уже подозревали, что под видом этой

гуманной работы скрывалась работа тайная и что он, вероятно, был вербовщиком шпионов. Я приказал, чтобы за ним днем и ночью было установлено наблюдение, и вскоре один из моих агентов сообщил мне следующее:

«Сегодня утром капитан фон Эймен сел в поезд, отправлявшийся в Цюрих. Я последовал за ним; на вокзале его ждал лимузин. Он сел в него и немедленно закрыл все шторы. Машина ехала очень медленно около получаса и остановилась у одного из домов на очень тихой улице.

Дверца автомобиля открылась, и я увидел, как из него вышел совсем другой человек. Капитан исчез. Незнакомец был в штатском, скорее даже в спортивном костюме. Он был маленького роста, сгорбленный. Я взглянул ему в лицо; это не было лицо капитана фон Эймена. Он вошел в дом. Я купил по соседству корзину с овощами, поднял воротник куртки и тоже вошел в дом. Швейцар был, несомненно, немцем, но я обратился к женщине, которая подметала двор.

Я ей сказал: «Меня послали отнести эти овощи, заказанные господином Глаубером, который только что вышел из автомобиля». «Уходите, — ответила она. — Тут нет господина Глаубера. Из автомобиля вышел господин Михаэльсен. Он давно уже здесь живет. Вы ошиблись адресом». Тогда я навел справки в нашем цюрихском отделении. «Да, сказали мне, Михаэльсен значится в нашем списке подозрительных. Он прикомандирован к германскому вице-консульству и состоит в бюро по обмену немецкого угля. Он говорит на немецком, французском, английском и нижненемецком языках. Он мог бы оказаться очень опасным шпионом, если бы был более сдержан. Но он ведет разгульную жизнь, пьет и кутит с женщинами. Его знают все цюрихские содержатели ночных притонов. Но мы никогда не слышали в Цюрихе имени капитана фон Эймена».

Крупный шпион

Начальник французской разведки откинулся на спинку кресла и зажег папиросу.

— Вот какая штука! — сказал он, разводя руками. — Человек, который обыскал вице-консульство, пользуясь своим швейцарским значком, этот друг бернской и цюрихской полиции, был ли он также капитаном фон Эйменом в Берне и господином Михаэльсеном в Цюрихе? Каково его истинное лицо? И все эти переодевания, чтобы скрыть личность агента швейцарской тайной полиции, старающегося обнаружить нарушения нейтралитета своей родины! Это мог быть только немецкий агент, крупный шпион. После того как немцы уничтожили наших агентов в количестве 21 человека, остальные стали более осторожны и ловки. Мы уже слышали о Мэтре, как его называли в

Швейцарии. Именно благодаря Михаэльсену у нас возникла идея обыскать те места, где собирался всякий сброд. Я назвал этого шпиона Мефистофелем, так вот, послушайте. Он обладал какой-то магнетической силой над большим количеством профессиональных шпионов и доносчиков по всей Швейцарии, над теми, кто готов на все ради денег: готов сообщать, о чем говорили опьяневшие офицеры союзных армий, готов взломать несгораемый шкаф, совершить кражу, убийство, отравление союзного агента и т. п. Некоторых Мэтр удерживал посредством денег, других посредством угроз, третьих посредством наркотиков, без которых они не могли обойтись, и которые он им доставлял. Его власть распространялась не только на этот сомнительный мир. Два офицера швейцарской полиции были только началом. Но мы находили его следы всюду. В качестве фон Эймена или Михаэльсена он поддерживал знакомство с разнообразнейшими людьми, от самых высокопоставленных до самых простых. В один и тот же день он беседовал с начальником коммерческого отдела германского посольства Вальтером Ратенау, которого мы давно уже подозревали в участии в разведывательной работе, и с проворовавшимся банковским кассиром, приглашавшим для своей защиты одного из лучших швейцарских адвокатов и вносившим высокий залог.

— Мы уже слышали об этом человеке, — заметил американец, — он идет по следам Штибера.

— Да, по его темным и позорным следам, — продолжал француз. — Этот выродок, бывший основателем прусской секретной службы, пользовался самыми гнусными средствами, чтобы заставить людей на себя работать. Здесь в Швейцарии этот крупный шпион собирается создать нечто вроде открытого Штибером в Берлине Зеленого дома, где, взывая к самым низким инстинктам, к сладострастию и алчности, и пользуясь угрозами и шантажом, он достигает своей цели. Всюду, где появляется Мэтр, он находит жертвы; в его власти был не один проворовавшийся кассир. Он мот кому-нибудь посоветовать заняться спекуляцией, а потом выдать его своим друзьям из полиции. Во всех швейцарских банках, где лежат деньги союзников, он имеет агентов, которые осведомляют его о том, на что эти деньги употребляются. Он подкупает кондукторов на швейцарских железных дорогах, горничных в отелях, телеграфных служащих. Каким образом немцы так хорошо осведомлены обо всем происходящем на границе? Через таможенных досмотрщиков. Его агенты и он сам неутомимо ищут слабое место нужного человека, чтобы подкупом, лестью или другими средствами его завербовать.

«Будьте шпионом у меня на службе, не то я передам вас швейцарской полиции», — заявляет он своей жертве. Своим друзьям в полиции он дает сведения о преступном мире, который он посещает, в обмен за сведения о союзных разведках в Швейцарии. Может быть, некоторые наши агенты

служат и нам и ему и получают от него жалованье. Денег у него очень много. Это настоящий Мефистофель. Он причинил нам больше зла, чем половина немецких генералов.

Он украл английские воздушные сигналы и уничтожает больше самолетов, чем уничтожил Рихтхофен.[8] Каждый день по его вине умирают французские, английские, итальянские и американские солдаты. Это дело задевает всех нас.

Довоенные воспоминания

Все это дело, которое начальник французской разведки назвал ужасным, никогда бы не раскрылось, если бы не некоторые события, сами по себе незначительные, совершившиеся еще тогда, когда мало кто думал о возможности мировой войны. Именно эти незначительные события странным образом внесли в него ясность. До войны одна знатная немецкая семья жила в красивом прирейнском городе. В большом доме, окруженном виноградниками, спускавшимся до самой реки, мирно и счастливо жила семья, состоявшая из родителей, дочери Маргариты — блондинки с голубыми смеющимися глазами — и двух сыновей: один был слабого сложения, но умный и веселый, а другой крепкий и энергичный, горделиво носивший красивую форму одного из лучших германских полков.

И с какой радостью и гордостью они сообщили своему другу американцу, приехавшему к ним погостить, о том, что юный офицер прикомандирован к штабу кайзера.

— Я припоминаю себя в 1870 г., когда я получил железный крест, — говорил старый отец, прощаясь с новым адъютантом императора.

— Это большая честь, — сказал молодой офицер своему приятелю американцу. — Наш кайзер очень строг при выборе своего личного штаба, какой это для меня прекрасный случай проявить свою преданность!

Через несколько дней американцу пришлось покинуть гостеприимную семью, проститься с Маргаритой, с ее песнями и смехом и с ее братом, которого ожидала карьера менее суровая, чем военная карьера его брата. Они поддерживали переписку, потом вдруг письма перестали приходить из Германии. Началась война. Американец часто думал о том, как поживают его друзья, но ему не удалось о них ничего узнать.

Когда Соединенные Штаты вступили в войну, этот американец, как и многие другие, хорошо знавшие Германию, был послан на секретную службу в Швейцарию. И вот его попросили принять участие в разоблачении Мэтра.

Он горячо принялся за дело, день и ночь отыскивая новые следы, посещая всякие сомнительные места, испытующе вглядываясь в каждое лицо. Ему улыбнулось счастье. Однажды среди сотен людей, которых он встречал на улице, в кафе, в театрах, он увидел знакомое лицо. Это был молодой немец из гостеприимного дома на берегу Рейна. Это был действительно он, но как он изменился! У него было бледное изможденное лицо, глаза запали и лихорадочно блестели между воспаленными, красными веками. Его исхудавшее тело согнулось точно под непосильным бременем. Он казался под властью какой-то чужой воли. Взволнованный американец припомнил все подробности их последней встречи. Он последовал за ним в уединенную улицу и, хлопнув его по плечу, по-немецки окликнул его по имени.

Тот резко обернулся и, узнав американца, взял его руку обеими руками.

— Мы все еще друзья, не правда ли? — сказал он. — Ведь ваш Вильсон заявил, что воюют только правительства. Значит, мы не враги.

Они разговаривали в течение нескольких минут. У немца был встревоженный вид, который он с трудом скрывал. Он сказал, что был освобожден от военной службы из-за туберкулеза. Затем он опять заговорил о президенте Вильсоне и о роли американцев в войне.

— Правда ли, что американцы сражаются, чтобы свергнуть с престола Гогенцоллернов, чтобы помочь Германии освободиться? Он с болезненной настойчивостью все время возвращался к этому вопросу. Он непрерывно кашлял и, очевидно, был приговорен.

«У этого человека есть что-то на сердце», подумал американец, «и это его убивает». И он не удержался от вопроса:

— Что вы делаете в Швейцарии?

Лицо немца исказилось.

— Я занимаюсь официальным делом, — сказал он, — делом, которое я ненавижу.

«Официальным делом, которое я ненавижу». Эти слова, словно молния, пронеслись в мозгу американца. Чему его учили на разведывательной службе? «Не доверяйте никому. Разведывательная служба имеет три мощных движущих силы: патриотизм, ненависть и наживу. Используйте их».

Да, но как? Как подойти к этому старому знакомому? Спокойно и смело американец решил приступить к делу, пустив в ход все свое искусство, весь свой такт, все свои способности, чтобы узнать, что на уме у этого немца.

Через 10 лет, мирно вернувшись к своему очагу, этот американец говорил: «Не очень-то приятно завлекать и толкать старого друга на то, чтобы он вам рассказал свои самые сокровенные мысли. Но война есть война. И, кроме того, никто никогда не узнает его имени».

И вот, взяв с меня слово, что я буду называть этого немца именем, которое ему дала американская разведка, а именно «Зеро», американец рассказал мне ужасную историю. Сам он выслушал ее в Берне после долгих бесед, во время которых Зеро с каким-то отвращением отказывался касаться счастливых довоенных дней. Наконец, не выдержав, Зеро решился на полную откровенность. Он долго рассказывал, как его преданность империалистической Германии мало-помалу превратилась в ненависть. Его семью постигли всевозможные несчастья: старший брат, офицер с блестящим будущим, был убит при обстоятельствах, которые заставляют возложить вину за его смерть лично на кайзера,[9] его сестра была соблазнена, а затем брошена прусским офицером, а сам он, несмотря на плохое состояние здоровья, был взят в армию в начале войны и после различных превратностей послан в качестве секретного агента в Швейцарию, где и был обязан защищать и поддерживать строй, который он ненавидел. Он жил в Швейцарии, подчиняясь начальнику, который в его глазах символизировал ставший ему ненавистным германский империализм.

Пока американец слушал рассказ своего знакомого, его волновали самые различные чувства, но он ни на одно мгновение не забывал той роли, которую он играл. Он слегка выпрямился и спросил:

— А кто этот человек?

Зеро устало поднял глаза.

— Его называют Мэтром, — сказал он.

— Мэтром? — с дрожью в голосе повторил американец. — Но, мой друг, бог посылает вам превосходный случай отомстить. Все союзные разведки в Швейцарии стремятся узнать то, о чем вы можете им сообщить. Это нанесет Германской империи, которую вы имеете столько оснований ненавидеть, более ужасный удар, чем могло бы нанести проигранное сражение.

В душе немца началась борьба. Мог ли он сразу забыть традиции всей своей жизни и предать этого гадкого слугу правительства, которое он ненавидел? Американец неустанно доказывал ему, что победа германской демократии зависит от победы союзников. Он приводил всевозможные доводы: вторжение в Бельгию, потопление «Лузитании», указывал на все заслуживающие порицания действия немецкого имперского правительства.

— Весь мир борется против вашего правительства. Почему не бороться и вам? Оно вас угнетало, убило вашего брата и вашу мать, обесчестило вашу сестру, разрушило ваше здоровье. Если вы не воспользуетесь этим случаем, упреки совести не дадут вам покоя до самой смерти.

В конце концов, Зеро сдался.

— Я это сделаю. — Наконец, он принялся рассказывать все, что он знал о Мэтре. Он мог рассказать больше, чем кто-либо другой в Швейцарии, но время от времени его охватывал страх или сказывались остатки его привязанности к Германии, и он умолкал. Американец опасался, как бы образ Мэтра, начинавший принимать твердые очертания, не исчез. С согласия своих французских и американских начальников, порывшись в делах, он составил нечто вроде вопросника, который позволял ему группировать указания Зеро. Роль Зеро в германской разведке требовала соблюдения некоторых предосторожностей. Не следовало, чтобы их видели вместе. Поэтому каждая встреча происходила в каком-нибудь тайном месте. Кроме того, чем лучше они были скрыты от посторонних, тем с большей охотой говорил Зеро. Опасность существовала всегда, и американец никогда не ходил на эти таинственные свидания без револьвера. Его постоянно преследовала мысль: «А что, если он меня обманывает?»

Но все сведения Зеро, которые могли быть проверены, оказались правильными. Наконец, во время ночного свидания в лесу в окрестностях Берна американец стал настаивать, чтобы Зеро выдал все, и тот согласился.

— Садитесь утром в первый поезд, отходящий в Цюрих, — сказал он, — в последнее купе вагона первого класса. Приходите один.

Американец пришел один, но, открывая дверь указанного купе, крепко стиснул в кармане автоматический кольт. Может быть, это была ловушка. Сначала он никого не увидел в темном купе, затем раздался хриплый голос, сказавший:

— Возьмите это.

Зеро, еще более бледный, чем обычно, протянул ему футляр от скрипки.

— Там все, — прошептал он. — Наденьте это, — прибавил он, протягивая американцу длинный и широкий галстук и черную широкополую шляпу, — и выйдите на следующей остановке. И Зеро выскользнул из вагона.

Кто был Мэтр?

Через несколько часов американец и его начальник вынимали из футляра от

скрипки странные документы, заметки, написанные на тонкой бумаге, которой шпионы пользуются для своих донесений. Наконец-то они получают ответ на так часто задаваемый вопрос: «Кто же Мэтр в действительности?»

Это был человек, до войны пользовавшийся в Германии большим влиянием и значением. Он родился в Баварии в 1880 г. и происходил из очень хорошей семьи; по образованию он был инженером. К его деловым успехам вскоре прибавились успехи в свете. Очень культурный, говоривший на нескольких иностранных языках, имевший барские манеры, он пользовался огромным успехом у женщин.

Будучи превосходным актером, он научился в совершенстве гримироваться и менять свою внешность. Когда в 1914 г. вспыхнула война, он был муниципальным советником в одном из больших городов. Находясь в качестве офицера на Западном фронте, он получил железный крест. Был ранен, эвакуирован и, выздоровев, хотел вернуться на фронт.

— Вы могли бы быть более полезны на секретной службе, — оказали ему.

Любовь к театральности повлияла на его решение и в дальнейшем помогла ему создать тройкий облик, который должен был сбить с толку союзников и позволить ему распространить свою сеть на Швейцарию. Прикомандированный к коммерческому отделу германского посольства в Берне, он старался помешать намерениям швейцарского правительства, которое под давлением союзников собиралось сократить торговлю с Германией. Он выдал себя за крупного швейцарского дельца и банкира, симпатизировавшего Германии и владевшего большими деньгами, и предпринял ряд смелых операций.

Он обошел швейцарские постановления, запрещавшие вывоз бумажных тканей в Германию, послав в Германию тысячи бумажных ночных рубашек гигантских размеров, длиной более метра, с широчайшими рукавами и небольшой вышивкой на вороте. Запрещение ведь не касалось «вышивок». Затем он посылал каучук под видом «клея».

Когда его уловки оказывались недостаточно, он подкупал служащих швейцарской таможни и переправлял товары контрабандой. Чтобы замаскировать свои жульнические проделки, он открыл комиссионную контору и ввозил в Швейцарию на 2 миллиона в месяц товаров, которые шли затем в Германию. Подставным лицом во главе этой конторы являлся несчастный Зеро, бывший послушным орудием Мэтра и занимавшийся комиссионными делами раньше.

Зеро не только знал, как Мэтр нелегально снабжает Германию, прорывая блокаду, которую и он и большинство немцев считали бесчеловечной, но и то,

как он превратился в крупного шпиона и контрразведчика и создал сеть, которая оплела сотни и тысячи людей.

В качестве учителя шпионажа Мэтр основал в Берне маленькую полуофициальную школу для шпионов. Часть его учеников составляли эльзасцы и лотарингцы, отобранные среди интернированных немцев, которых посещал капитан фон Эймен. Другую часть составляли темные личности, профессиональные жулики, завербованные господином Михаэльсеном, третью часть составляли швейцарцы, которых шантажировал Мэтр. Наконец, там имелись также немцы, работавшие добровольно. Их учили тому, как проникнуть во Францию, как играть свою роль в неприятельской стране, какого характера сведения следует добывать и как доставлять их Мэтру. Их так хорошо обучали и так хорошо оплачивали, что многие из них возвращались целы и невредимы после выполнения своих заданий.

В качестве контрразведчика Мэтр старался подорвать секретную службу союзников. Захват и уничтожение 21 француза перед большим германским весенним наступлением были его шедевром, после которого он был награжден германским орденом pour le Merite. Но число его жертв достигало не 21, а 200. 200 союзных агентов попали в сети, расставленные Мэтром. А то, что он не мог узнать от своих секретных агентов или от своих друзей из швейцарской полиции, он узнавал от какого-нибудь предателя.

Как и опасался начальник французской секретной службы, один из французских агентов работал на две стороны сначала в Швейцарии, а затем во Франции. Он продал Мэтру немало тайн, и, более чем на ком-либо другом, на нем лежит ответственность за смерть 21 француза. Его звали Леон Сютор.

Мэтр ничем не пренебрегал при маскировке своей работы, и в этом отношении ему помогали его друзья из швейцарской полиции. Когда он доставлял им доказательства, устанавливавшие виновность какого-нибудь союзного агента в нарушении федеральных законов, они никогда не привлекали его в качестве свидетеля.

Но Мэтр совершил две ошибки. Он не сумел проникнуть в тайну Зеро и, кроме того, под именем Михаэльсена вел такую развратную жизнь, которая не могла остаться незамеченной. У него были квартиры не только в Берне и в Цюрихе, но еще уединенная вилла в Арбоне на берегу Боденского озера. Там было очень удобно принимать женщин и в то же время поддерживать связь с Германией.

Вилла тщательно охранялась; у пристани всегда стояла наготове быстроходная моторная лодка.

Такова была повесть, о которой узнали из документов, положенных Зеро в

футляр от скрипки, два офицера американской секретной службы в Берне. Эта повесть не показалась им невероятной, так как они знали весь лабиринт интриг в Швейцарии и могли проверить посредством других сведений роль, которую играл Мэтр.

— Он у нас в руках, — сказал начальник американской разведки. — Дело подходит к концу. Мы дадим французам то, чего они так долго добивались... Конечно, — прибавил он при виде разочарованного лица молодого офицера, — ибо если мы объявим, что честь раскрытия этого дела принадлежит американской секретной службе, то мы потеряем наше главное преимущество. Надо, чтобы немцы думали, будто мы ничего не знаем. Пусть же действуют французы, а мы останемся в тени. Тут достаточно, — заметил он, указывая на футляр, — чтобы надолго посадить его в швейцарскую тюрьму.

И, потирая руки, начальник прибавил:

— На этот раз мастерами шпионажа оказались мы.

Начальник французской осведомительной службы торжествующе показал кое-кому, стоявшему много выше всех офицеров швейцарской полиции, улики всех нарушений швейцарского нейтралитета, произведенных Мэтром. Швейцарские власти пришли в ужас. Этот человек был важным лицом, другом многих влиятельных швейцарцев. Тем не менее, представители швейцарской полиции направились в его бернскую квартиру, где, во избежание тайного бегства, устроили засаду французские агенты. Квартира казалась пустой, никто не ответил на стук. Взломали замок; пораженные агенты на мгновение застыли на месте. Перед ними было чудовище, внушавшее отвращение. Лицо этого человека было совершенно искажено, одна половина лица была гладкая и загорелая, а другая вся в морщинах и бледная.

У него была всего одна бровь; волосы, вернее парик, сдвинулся на бок. Агенты застали Мэтра как раз в тот момент, когда он был занят превращением себя в фон Эймена.

Книги и бумаги, обнаруженные в его бернской и цюрихской квартирах, подтвердили обвинения Зеро и дали новые доказательства злого гения Мэтра.

Могущественные друзья Мэтра — немцы и швейцарцы — усердно принялись заметать следы; немцы — чтобы спасти Мэтра, а швейцарцы — чтобы не была разоблачена связь этого человека с швейцарской полицией. Мэтра защищал один из лучших швейцарских адвокатов, обнаруживший, что тюремное заключение, старая рана, унижение вследствие ложных обвинений ослабили

Мэтра и в физическом и в умственном отношении. Из тюрьмы он был переведен в психиатрическую больницу в окрестностях Цюриха, но его положение оказалось не настолько серьезным, чтобы ему было необходимо полное уединение. Он мог принимать посетителей.

Однажды вечером, когда он играл на бильярде с приставленным к нему служителем, раздались звонки, означавшие тревогу. Стали бегать люди с криками «Пожар!» Человек, охранявший Мэтра, торопливо выбежал, предварительно распахнув окно. «Больной» подошел к окну, спустился по привязанной к нему веревке во двор и побежал к углу окружавшей двор стены. Он бросил через стену несколько камешков, и со стены тотчас же спустилась веревочная лестница. Мэтр быстро перебрался через стену и вскочил в автомобиль; это был автомобиль германского посольства, который помчался к Арбону, где на озере ждала моторная лодка.

На следующее утро начальник американской секретной службы нашел у себя на столе перехваченную телеграмму, посланную из Фридрихсхафена в германское посольство в Берне: «Прибыл благополучно прошлой ночью».

Мэтр уехал из Швейцарии, и созданный им механизм распался. Большинство колесиков в Берне и в Цюрихе перестало вертеться. Немногие знали все разветвления его сети, о них не имел представления даже Зеро. Но он знал больше, чем кто-либо другой. Взбешенные немцы хотели отомстить, они искали козла отпущения. Они устроили так, что Зеро был арестован швейцарцами за незначительное нарушение паспортных правил.

Чувствуя смертельную опасность, Зеро обратился за помощью к своей сестре Маргарите. Немцы разрешили ей приехать, надеясь, что благодаря ей им удастся получить доказательства виновности ее брата. На свидании в тюрьме Зеро умолял Маргариту: «Пойди к нашему американскому другу. Он — наша единственная надежда».

Она обратилась к американцу, который ей сказал:

— Ни о чем мне не рассказывайте. Ваш брат нам помог, этого достаточно. Я его спасу.

И он нарушил одно из самых непреложных правил секретной службы: «Никогда не признавайте знакомства со шпионом или осведомителем, который вам служил и попался. Даже если вы его тайно оплачивали, отрицайте и еще раз отрицайте это».

Зеро никогда ничего не просил и ничего не получил в награду. Американец же руководствовался, в частности, и тем соображением, что в минуту отчаяния Зеро мог раскрыть роль, которую сыграл американец в этом деле.

Тайна Зеро

Через несколько дней Зеро был уже вне стен тюрьмы, но не вне опасности. Все его вещи были перерыты и разграблены. За ним непрерывно следили. Каждую минуту он мог получить удар ножом в спину. Охваченный нервным страхом, заболевший еще более, он опять написал сестре: «Ради бога, помоги мне выбраться из Швейцарии».

В течение многих дней и ночей Зеро и его сестра прятались; их охранял агент американской секретной службы.

Затем однажды ночью их друг переправил их через итальянскую границу и оставил в безопасности от ненавистной им империи, разгрому которой они способствовали. С тех пор о них ничего неизвестно. Преследовала ли их германская секретная служба в Италии? Или, может быть, Зеро погубила болезнь? Американцы, пытавшиеся его спасти, об этом не знают.

Поражение Мэтра является одной из тех побед в тайной войне, которыми оба американца вправе гордиться. Оба они были награждены орденами. Главное действующее лицо, друг Зеро, сохранил еще одно воспоминание, наполняющее его гордостью: Ему была подарена большая фотография с собственноручной подписью Джона П. Першинга и другая фотография, подписанная маршалом Петэном.

Мэтр принял снова свой довоенный облик и работал в качестве директора крупного электромеханического завода в одном из больших городов новой Германской республики.

Глава четвертая

Сеть

Тайный канал

Река Скарна, протекавшая через полосу военных действий на севере Франции, несла в своих водах мрачные воспоминания. Она напоминала Стикс, через который перешло немало душ, но Стикс еще более зловещий, ибо его считали тайным каналом, но которому на германские линии переправлялись донесения шпионов, действовавших среди англичан.

Ночью агенты бросали в реку кусок, дерева, коробку или какой-нибудь другой предмет, в который можно было спрятать донесение. Этот предмет уносило течением, он пересекал боевую полосу и достигал германских линий, где его вылавливали из воды. Английские контрразведчики, узнав об этой хитрости, превратились в рыболовов и протянули через Скарну сети, приносящие иногда роковую добычу.

Этому методу, применявшемуся в начале войны, суждено было оказаться пророческим, ибо в 1917 и 1918 гг. союзные и американские ловцы шпионов протянули по всей Европе гораздо большую и настолько плотную сеть контрразведки, что она должна была задерживать всех немецких шпионов, не позволять им работать и сноситься со своими начальниками.

Хорошая связь является одним из важнейших условий успеха секретной службы. Шпион, который не может вовремя сообщить своих сведений, бесполезен. Часто легче перебросить шпиона на территорию той или другой страны, чем наладить доставку его донесений.

Если бы во время мировой войны союзникам и американцам удалось успешно разрешить эту задачу, то их секретные службы представляли бы гораздо большую опасность. Союзники испробовали все средства, чтобы дать возможность своим агентам в Германии посылать сведения вовремя. Одно за другим германская контрразведка обнаруживала все эти средства и их уничтожала.

Ни один метод не был вполне надежным. Впрочем, немцы испытывали те же трудности.

К концу войны ученые союзных стран и Америки начали работу над тем, чтобы придумать такую систему сигнализации (делались опыты с инфракрасными лучами), которая была бы вполне надежна и скрыта от контрразведки. Перемирие было объявлено раньше, чем они закончили свою работу.

В тайной войне самая ожесточенная борьба разыгрывается между шпионом и его агентом связи, с одной стороны, и контрразведкой — с другой.

Общественное мнение враждебно шпиону; это скрытый враг, которого боятся, ибо его не знают. Каждый человек больше боится удара в спину, чем удара прямо в лицо.

Шпион является одним из самых опасных орудий в арсенале современной войны, и поэтому его всячески стараются уничтожить. Каждый преследует его, как преступника, начиная от ревностных патриотов-шовинистов и кончая тысячами шпионов противника. Всех военных и всех штатских призывали к молчанию и бдительности большие плакаты вроде: «Молчите, остерегайтесь подслушивающих вас врагов».

На обязанности контрразведки лежал контроль. Вся Франция жила под постоянным контролем. Контроль был в портах, контроль на границах, контроль на дорогах, контроль на почте, контроль на телеграфе, контроль на радио. Все эти отрасли контроля составляли ячейки той сети, которую

сплела контрразведка. Ее сеть приносила часто существенную добычу, но бывали случаи, когда какой-нибудь диковинной рыбе удавалось, пользуясь тысячей уловов, проскользнуть сквозь эту сеть.

Что было спрятано в зеленой альпийской шляпе

В одном швейцарском кафе недалеко от французской границы завтракал человек, решительно ничем не замечательный. Его зеленая альпийская шляпа висела на вешалке за его спиной. Через несколько минут в кафе вошел другой человек, он был плохо одет. Свою шляпу он повесил на ту же вешалку, где висела зеленая шляпа, и сел за тот же стол, где сидел незнакомец. Он заказал какое-то блюдо, а затем, нагнувшись вперед, вежливо спросил своего случайного соседа:

— Не можете ли вы мне сказать, где на этой улице находится дом № 15?

— Конечно, могу, — ответил первый, — 15-й номер совсем близко отсюда.

Затем он встал, взял свою зеленую альпийскую шляпу с вешалки и вышел из кафе. Вскоре за ним последовал второй, который очень быстро скрылся в толпе. По-видимому, он забыл, что ему нужен был дом № 15. Первый через несколько минут вошел в темную комнату одного из домов этого квартала, где его уже ждал приятель.

— Ну, вот мы и встретились, — снимая шляпу, сказал он.

Они расщепили ножом конец пера, украшавшего шляпу, и извлекли из отверстия свернутую в трубочку тоненькую бумажку, на которой было нанесено донесение.

Такой метод передачи агентурных донесений был довольно надежным, но агенту связи нужно было еще попасть из Франции в Швейцарию, и в этом заключалась главная трудность.

У охотников за шпионами на пограничных французских постах Понтарлье и Бельгард был нюх, достойный Сирано. Главной их добродетелью было любопытство; они старались осмотреть и перерыть все, что только попадалось на глаза; осматривали и опрашивали пассажиров, не думая о том, что их паспорта в порядке, а багаж имеет невинный вид. Один из них, открыв как-то багажный вагон, был поражен исходившим оттуда скверным запахом. Однако, верный принципу, что надо осматривать все, что поддается осмотру, он нашел предмет, источавший запах; он обнаружил мертвого зайца, которого одна добрая дама, француженка из Безансона, посылала другой милой даме в Женеву.

«Зачем же, — подумал контрразведчик, — посылать зайца, который был, по-видимому, застрелен довольно давно? Надо осмотреть это вонючее животное. Это необходимо для блага Франции».

Он решительно провел рукой по шерсти зверя, затем еще и еще раз. Но что же это такое? Маленькая шишка? Он надрезал шкурку ножом и обнаружил плотно скрученную бумажку.

«Хитро придумано, — сказал он, — но, по правде сказать, они могли бы выбрать менее выдержанную дичь, особенно при такой жаре. А теперь поглядим, что это за дама из Безансона...»

Для чего может пригодиться зубочистка

А вот другая хитрость, раскрыть которую было гораздо труднее. Ею воспользовался один немецкий шпион, тайно живший в Бельфоре, чтобы отправлять важнейшие свои донесения немецким агентам в Швейцарию. Он сидел на французской территории в поезд, который шел через границу и имел в своем составе вагон-ресторан. На первой же швейцарской станции его товарищ входил в вагон-ресторан и садился на место, которое он только что покинул. Вновь пришедший через несколько минут проливал на скатерть вино и, прикрыв пятно салфеткой, продолжал есть. Первый шпион выходил из поезда на границе и возвращался в Бельфор.

Он писал свое сообщение на скатерти симпатическими чернилами, которыми была наполнена его зубочистка; его товарищ проявлял написанное посредством вина, которое он нарочно опрокидывал, читал сообщение, а затем прикрывал его и ждал, пока написанное опять исчезнет.

Как ловить шпионов такого типа? Как не допустить, чтобы их сообщения попадали к противнику? Именно для этой цели контрразведка распространяет свою сеть и настолько ее уплотняет, чтобы сквозь нее нельзя было проскользнуть.

Все секретные службы имели коллекции фотографических карточек наиболее известных неприятельских шпионов. Как правило, снимки делались без ведома фотографируемых шпионов. Некоторые были сделаны союзными агентами при помощи спрятанных миниатюрных аппаратов; агенты снимали всех, кто входил в бюро секретной службы в Германии. Другие снимки были сделаны в Бельгии детьми, которые под видом игры действительно снимали всех направлявшихся в школу шпионажа фрейлейн Доктор[10] в Антверпене. Союзники обменивались снимками; наш разведывательный отдел снабдил союзников фотографией бывшего американского солдата Отто Прейса, относительно которого полагали, что он находится на германской секретной службе в Испании.

Иногда фотографии немецких шпионов помещали в циркуляры, рассылавшиеся союзным охотникам за шпионами. Внешность и привычки шпионов описывались в периодическом обозрении, не упоминаемом среди изданий американской экспедиционной армии, хотя это обозрение было единственным в своем роде. Оно называлось «Бюллетень контрразведки». Этот весьма секретный журнал напоминал «Полицейскую газету» в том смысле, что все, кто его получал, его читали, но в этом не признавались. Читавшие его генералы в офицеры увлекались описанием истинных приключений шпионов, о которых умело рассказывал редактор журнала майор Ричардсон.

Майор Ричардсон относился к тайной войне не слишком серьезно и описывал методы и внешность германских шпионов, подозреваемых в работе против союзников, в такой манере, что привилегированные лица, получавшие бюллетень, не могли без смеха читать его описаний. Генерал Першинг помечал каждый номер своими инициалами.

Кто был подозрителен?

Контрразведка имела списки подозрительных. В эти списки, игравшие немаловажную роль, было занесено более 100 тысяч имен; списки подозрительных составлялись всеми союзными секретными службами и американской контрразведкой. Число лиц, внесенных в списки последней, Брюс Биласки из министерства юстиции определял в 700 тысяч. Один офицер американской секретной службы, приглашенный в Вашингтоне на какой-то обед, сообщил, что половина приглашенных значилась в списке; среди них были государственные чиновники. Может быть, этот список был составлен несколько строго и в него входили даже те лица, которые только состояли в переписке с известными немцами. Но разведка предпочитала избыток осторожности ее недостатку, и когда военный министр Бекер спросил генерала Черчилля, много ли написано о нем в секретных делах, генерал Черчилль ответил утвердительно. Между тем Бекер не был подозрительным человеком.

«Черные списки» штаба главнокомандующего американскими экспедиционными силами включали всего 15 тысяч имен; некоторые имена, как, например, имя одного издателя газеты, который пытался поехать во Францию и был подвергнут там ужасному допросу, вносились в них только потому, что они значились в списках подозрительных, составленных в союзных странах. Бывший журналист, ставший полицейским разведчиком, внес имя издателя газеты в черные списки в отместку за то, что до войны тот выгнал его из газеты.

Допросом, которому этот несчастный был подвергнут, когда он сошел с

парохода, не ограничились его бедой. Он, вероятно, думал, что вышел из этого допроса с честью, но на его паспорте, который ему возвратили с поклоном, были сделаны маленькие секретные пометки, указывавшие всем другим союзным агентам, что владелец этого паспорта человек подозрительный. Таков был один из многочисленных методов контроля в портах, где внимательно изучали каждого путешественника, прибывавшего из Соединенных Штатов, особенно до того, как мы вступили в войну; в портах внимательно следили за экипажами судов, ибо моряки могли доставлять тайные сообщения. Разведывательный отдел рассмотрел 10 338 ходатайств о выдаче паспортов и 323 человекам отказал в визе. Он имел сведения о 140 900 лицах, включая 8 400 американцев, живших во Франции.

По мере приближения к портам, которыми пользовались американцы, — Бресту, Сен-Назеру, Бордо — сеть еще более уплотнялась. Об этом никогда не говорилось, но, по мнению нашей морской разведки, немецкие шпионы слишком свободно разгуливали по французским берегам. Ночью подводные лодки доставляли их на пустынные берега, где они пытались подкупить французских рыбаков, чтобы те сообщали им сигналами сведения относительно американских транспортов; там, где рыбаков подкупить нельзя было, немцы посредством световых сигналов передавали эти сведения сами.

На добрые американские доллары мы тоже нанимали рыбаков, которые под предлогом продажи рыбы экипажам немецких подводных лодок так хорошо следили за ними, что морская разведка в тот период констатировала заметное уменьшение деятельности подводных лодок вокруг французских портов, где происходила высадка американских войск.

Более затруднительным, чем контроль портов, был контроль границ. Несмотря на проволочные заграждения, часовых и полицейских собак, трудно было помешать шпионам проскальзывать во Францию через леса по тропинкам через швейцарскую или испанскую границы. Это было почти так же трудно, как помешать им посылать свои донесения. Пользуясь всевозможными способами маскировки и всякими хитроумными выдумками, германские шпионы обладали достаточным хладнокровием, чтобы сбить с толку союзную контрразведку.

Маскировка и фальшивые документы

Хорошо известный шпион Кенигс переправился однажды через границу переодетый жокеем с седлом подмышкой и настоящим контрактом о работе в кармане. Другие шпионы выдавали себя за представителей швейцарских часовых фирм, имели доверенности, проспекты и даже образцы часов, которые по заявлению экспертов были «made in Germany».[11]

Все шпионы имели паспорта. Одна союзная шпионка раскрыла, как они их

доставали. Пользуясь широко применявшимся средством, а именно вином, она добилась от австрийца Леонарди признания, что австрийское посольство в Берне могло выдать какой угодно паспорт любой страны. Все немецкие агенты в Швейцарии имели не меньшей мере три паспорта: один германский или австрийский, один швейцарский и один той союзной страны, куда шпион намерен был направиться.

«Фальшивыми паспортами» были иногда настоящие подправленные паспорта. Значительное число паспортов было отобрано у граждан союзных стран, интернированных в Германии. Подводные лодки отбирали паспорта у экипажей судов нейтральных стран. Часть немцев в Швейцарии только и была занята покупкой паспортов, а когда купленных паспортов не хватало, их фабриковали в одном подвала в Женеве. В Христиании[12] продавались паспорта всех стран по десять долларов за штуку. Когда знаменитая мирная делегация Форда прибыла в Христианию, то эти деловые люди предложили снабдить членов делегации паспортами любой европейской страны.

В эти сделки часто старались вовлечь консулов нейтральных стран, предлагая им большие деньги за предоставление визы. В Китае в Тяньцзине под видом рыбной лавки немцы имели магазин итальянских и голландских паспортов, полученных в пекинских посольствах этих стран людьми, которым было поручено их походатайствовать для мнимых поездок.

Обеспечив своих шпионов фальшивыми документами, германская секретная служба старалась найти средства, которые дали бы возможность агентам связи доставлять донесения. В начале войны излюбленный метод состоял в том, что несколько слов писали на путеводителе или на газете, которую свертывали и проносили подмышкой.

Иногда донесения засовывали под обивку диванов и так переправляли через границу. Чемодан с двойным дном, наполненным предметами, не имеющими большой важности, отвлекал внимание от действительного места, куда было спрятано донесение. Контрразведка была вынуждена запретить посылку книг, ибо в книгах можно было передавать сообщения, пользуясь различными методами.

Существовали тысячи различных способов прятать донесения: в полых искусственных зубах, в каблуках, под перевязкой на переломанной руке или на ране, под париком, в подвязках и т. д. Одна женщина, работавшая у американцев, прятала донесения под корсетом, но это — старый способ. Другая прятала их в пеленках своего ребенка, некоторые прятали донесения в волосах, в воротниках, в галстуках, в футляре для зубных щеток, среди бритвенных лезвий, в конфетах, в карандашах и даже в шнурках башмаков. Некоторые агенты прятали донесения в трубке, полной табака. Если их задерживали, они зажигали трубку.

Можно было также выучить донесение наизусть, переправиться через границу, а затем повторить его тому, кто вас ждал. Но это требовало длительного времени, и, кроме того, надо было обладать превосходной памятью и хладнокровием, чтобы помнить донесение после допроса, которому приходилось подвергнуться на границе.

Американцы захватили много таких агентов связи, а французы арестовали 300 человек в одном Бельгарде, причем многих просто заставляли произнести «vingt neuvieme», что очень трудно для немца.

С пограничной станции Понтарлье американские охотники за шпионами сообщали полковнику Морено в Шомон или нашей секретной службе в Швейцарии обо всех подозрительных, с честью выдержавших допрос и обыск, но, тем не менее, признанных подозрительными, за которыми без их ведома должно было быть установлено наблюдение.

Некоторые германские агенты, занимавшиеся шпионажем среди американцев, переправлялись через границу в Эвиане с группами репатриированных французов и бельгийцев из оккупированных районов. Если немцам не удавалось склонить кого-нибудь из беженцев к шпионской работе, то они пытались направить в их среду переодетых агентов.

К репатриированным относились с большим: вниманием, впрочем, вполне заслуженным. Кое-кто из них мог оказаться подозрительным, но огромное большинство французов и бельгийцев, живших в продолжение некоторого времени среди врагов, сохранило верность родине и не имело никаких оснований что-нибудь утаивать от союзников.

Офицеры осведомительной службы, пользуясь картами и диаграммами, которые имелись на каждом пограничном посту, тщательно их расспрашивали обо всем, что они видели и слышали.

Большинство репатриированных направлялось в глубь страны далеко от фронта. И там контрразведка опять-таки внимательно следила не только за теми, кто побывал у противника, но и за теми, кто находился раньше вблизи от него. Французская и американская контрразведки разделили Францию на зоны, районы и округа, и передвижения и поведение каждого репатриированного регламентировались строгими правилами. Все они имели удостоверение личности, цвет которого часто менялся без всякой видимой причины. Нельзя было переезжать с места на место без разрешения, и был организован контроль для проверки, едут ли пассажиры по тому пути, который они указали. Все подозрительные находились под наблюдением; иногда случалось, что их арестовывали.

Темные крылья ночью

Еще труднее шпионам было передавать сведения во фронтовой полосе. Но находились храбрые люди, перелетавшие через нейтральную боевую полосу на самолете или на аэростате и возвращавшиеся таким же способом.

Чаще всего это были французы или бельгийцы; они отправлялись в оккупированные районы, виделись там с какими-нибудь верными друзьями, собирали сведения и опять садились на самолет или аэростат где-либо в определенном месте. Иногда они оставались на неприятельской территории в продолжение нескольких дней и посылали сведения посредством почтовых голубей, но этот способ стал вскоре невозможным, так как немцы начали арестовывать всех, кто держал голубей.

Шпионы, пользовавшиеся воздушной связью, подвергались большим опасностям: опасностям вынужденных посадок, прыжков с парашютом в темноте, опасности предательства со стороны предполагаемых друзей и иногда даже риску не попасть к самолету, который должен был перевезти их обратно. Во избежание опасности быть казненными в качестве шпионов многие носили под крестьянским платьем военную форму. Немцы захватили 20 таких союзных агентов, но ни один из них не работал в пользу американцев.

Сообщения шпионов доставлялись по воздуху только указанным способом. Знаменитые карманные радиоаппараты, которыми якобы пользовались во время мировой войны шпионы, никогда не существовали. Единственный радиоаппарат, действовавший тайно на Западном фронте, был спрятан в тылу германских линий в доме одного бельгийского священника, который работал на нем вместе с француженкой, награжденной несколько лет тому назад орденом Почетного Легиона, Это была госпожа Жорж Эрлиэ (Herlieg) из Рубэ. Имя священника — аббат Пинт.

Их работа была настоящим подвигом, ибо немцы, так же как и союзники, имели целую сеть постов подслушивания, предназначенных для пресечения малейших попыток подобного рода.

Рассказывают, будто американская морская разведка обнаружила около Боля и Круазика приемные радиотелефонные посты, якобы помогавшие подводным лодкам топить американские транспорты. Однако, это официально не подтвердилось; даже если бы такие станции существовали, они были бы совершенно безвредны.

Слухи о существовании таких тайных радиостанций часто вызывались самыми незначительными происшествиями. Однако, когда 31 мая 1918 г. немецкая подводная лодка потопила один из наших шести самых больших транспортов «Президент Линкольн» у французского берега между Сен-Назером и Бордо, поиски тайной радиостанции возобновились. В

уединенной деревне у испанской границы американцы нашли радиоаппарат, о существовании которого было до тех пор неизвестно; его обслуживала какая-то девушка. Она объяснила американцам, что радиоаппарат был единственным развлечением ее деда. В этом деле налицо были все элементы, чтобы придумать шпионскую историю или создать роман. Но американцы не арестовали старика и не женились на девушке. Тем не менее, радиоаппарат они отобрали.

Несомненно, что немецкие шпионы действительно сообщали подводным лодкам о движении наших транспортов, но они это всегда делали посредством световых сигналов или во время тайных встреч на суше или на море, но никогда по радио.

Новые подробности о ноте Циммермана

Тем не менее, радио сыграло важную роль в истории знаменитого документа, а именно — ноты Циммермана.

Кто может забыть чрезвычайное заявление президента Вильсона, сделанное 1 марта 1917 г., т. е. более чем за месяц до нашего вступления в войну, о том, что германский министр иностранных дел предложил Мексике присоединиться к Германии, чтобы объявить Соединенным Штатам войну! Как президент Вильсон узнал содержание этой ноты? Ответ на это дает Уолтер Хайнс Пэйдж, бывший тогда американским послом в Лондоне, но он рассказал об этом деле не все.

Пэйдж рассказал, что немцы послали свое сообщение 16 января тремя различными путями: по радио из Науэна в Сейвиль, шведской дипломатической почтой в Мехико через Буэнос-Айрес и на Вашингтон через американский государственный департамент, нарушая все законы о нейтралитете. Английское радио перехватило эти сообщения, и бывший профессор греческого языка Оксфордского университета его расшифровал. Англичане в Мексике тоже добыли его, подкупив одного из служащих телеграфа. Чтобы сбить немцев с толку, англичане распространили слух, что американская секретная служба якобы разоблачила эту ноту, и даже заставили лондонские газеты поместить статьи, критиковавшие англичан за то, что их превзошли американцы.

По мнению некоторых лиц, американцы действительно превзошли или, по крайней мере, уравнились с англичанами. Ибо американская секретная служба тоже перехватила ноту Циммермана. Агенты Государственного департамента, наблюдавшие за телеграфом в Вашингтоне, перехватили сообщение, «вызвавшее большое волнение среди немцев». Телеграмма была составлена шифром, очень мало отличавшимся от шифра другой телеграммы, отправленной послом фон Бернсторфом государственному департаменту в

начале войны в доказательство чистосердечия Германии. Кое-кто из немцев об этом забыл. Когда телеграмма была расшифрована, волнение немцев стало понятно: это была нота Циммермана.

Наконец, эта знаменитая нота была, по-видимому, перехвачена в третий раз в шведской дипломатической почте. На Кубе один американец, узнавший об этом деле, последовал примеру немцев и шведов и нарушил неприкосновенность почты.

В сущности, известие о предложении Германии Мексике не было полной неожиданностью для президента Вильсона. Еще с 1915 г. ему было известно о немецком плане вторжения мексиканцев в Техас.

Успех или неудача какой-нибудь интриги почти всегда зависит от связи. Как бы ни плоха была цензура, она почти так же неизбежна в современной войне, как газы и воздушные рейды.

Союзный контроль над морями означал контроль над подводными кабелями, большинство которых кончалось в Лондоне.

Американская цензура над кабелями находилась под руководством морского ведомства, которое контролировало каждую телеграмму в соответствии со списком подозрительных, включавшим более 100 тысяч имен. Некоторые телеграммы она пропускала немедленно, другие на некоторое время задерживала, третьи оставляла у себя для более внимательного ознакомления и их изменяла, особенно если в них были цифры, и, наконец, четвертые совсем не пропускала. Все это делалось в зависимости от того, кто был отправителем и кто адресатом. Летом 1918 г. морская цензура пропускала иногда телеграммы, адресованные подозрительным лицам, жившим в Швейцарии, и сообщавшие о наших обширных военных приготовлениях. Лучше было, чтобы, немцы поняли тщетность дальнейшего сопротивления.

Излюбленным методом телеграфной цензуры было задерживание телеграмм на несколько дней, каким бы невинным ни казалось их содержание. Был установлен простой и четкий принцип: «Всякая телеграмма, даже самая простая и наименее подозрительная, может содержать секретные сведения». Как может цензор знать, не должна ли телеграмма: «Вышлите 15 ящиков сардин» означать: «15-й пехотный полк находится здесь», и не должно ли «Продайте 3 000 отправленных тюков» означать: «3 000 человек придут в феврале»? Цензура помогла разоблачить одного голландца — содержателя отеля в Марселе, который телеграфировал немецкому крупному шпиону в Испании обо всех передвижениях войск на Средиземном море, пользуясь двумя способами: один из них состоял в указании названий кораблей в обратном порядке букв с прибавлением частицы «Loo». Можно простить

цензору, если он принимал эти слова за голландские имена.

Телеграммы, посылавшиеся в Швейцарию, шли нормально, но подвергались тщательной фильтровке, прежде чем покинуть пределы Франции. Обычный их путь был на Понтарлье через Дижон, где американцы и французы просматривали телеграммы.

Помимо агентов связи и телеграфа, немцы пользовались также почтой, несмотря на союзную почтовую цензуру.

Почтовая цензура не могла просматривать всех писем. 30 цензоров и 8 химиков станции Понтарлье было для этого недостаточно. Вдобавок немцы стали широко применять тайнопись.

Для тайнописи пользовались самыми различными жидкостями, начиная от лимонного сока, молока, слюны, мочи и кончая особыми чернилами, сделанными для секретной службы. Обычно писали между строчками на пористой бумаге золотым или алюминиевым пером, закругленным на кончике, чтобы не рвать бумагу. Применялись такие химические белые карандаши, которыми писали на розовато-лиловой бумаге, поглощавшей следы.

Шпионы никогда не пользовались бумагой с водяными знаками, которые могли выдать ее происхождение. Обычно немцы проявляли симпатические чернила парами йода. Англичане пользовались красной жидкостью, которую можно было затем смыть и которая не оставляла на бумаге никаких следов.

Немецкие мастера шпионажа давали своим агентам симпатические чернила под видом духов или какого-нибудь лекарства. Эти бесцветные чернила, надушенные и неядовитые, могли быть выпиты, если того требовало положение. Когда этот способ был разоблачен, то вместо жидкости придумали пилюли от кашля, которые растворяли в воде. Союзники конфисковывали все туалетные принадлежности и все жидкости и даже выливали содержимое вечных ручек пассажиров, переезжавших границу.

Вскоре были придуманы новые тайные чернила. Новыми чернилами можно было писать донесения на носовых платках, рубашках, воротниках, которые надевались на время переезда через границу; затем письма проявлялись, обычно посредством горячего утюга, во время тайного свидания. Эта хитрость так хорошо удавалась в течение некоторого времени, что она вызвала другую: пересылку запасов симпатических чернил посредством женских чулок. Шпионка носила чулки, которые были намочены бесцветной жидкостью, а затем высушены.

После того как она перебиралась через границу, достаточно было опустить

эти чулки в теплую воду, чтобы получить невидимые чернила. Дошли даже до того, что секретные сообщения писали на коже агентов связи.

Все письма, адресованные, в американскую армию, проходили цензуру, во избежание просачивания военных сведений. Цензура исходила из следующего принципа: «Без глубокого овладения той изобретательностью, с которой из подробностей, кажущихся незначительными, но собранных вместе, могут быть извлечены чрезвычайно важные сведения, никто не может отличить, что является, и что не является сведением военного характера. Почтовые открытки с картинками, плохо цензурированные письма, найденные офицерами разведки, дали возможность разрешить сложные задачи и иногда даже определяли исход сражения».

Просмотр писем американских солдат

Возможность такого «просачивания» была очень велика, если принять во внимание переписку двух миллионов молодых людей, большей частью новичков в искусстве войны, из которых состояла американская экспедиционная армия. Тыловой цензор обнаружил единственный случай настоящего предательства, да и то он был раздут, главным образом, вследствие того, что цензор прессы воспротивился его подробному описанию в газете экспедиционной армии «Старс энд Страйпс, ограничившейся лишь кратким сообщением.

Как обстояло дело в действительности, никогда не было опубликовано; между тем, произошло следующее. Капитан Люсьен Дж. Дета, стоявший во главе экспериментальной лаборатории при канцелярии главного цензора, нашел в двух письмах сообщения, написанные между строчками фруктовым соком при помощи стального пера.

Работа была очень плохая, потому что вследствие окисления буквы появились еще раньше, чем письмо было подвергнуто испытанию в лаборатории. Оба письма были написаны на бумаге, которою снабжали Красный Крест и лавки Христианского союза молодежи; на них стояла подпись солдата Бентиволио. Он посылал своим родителям, жившим в Италии, сообщения в таком духе: «Все тут идет прескверно. Питание плохое. Не верьте тому, что рассказывают газеты. Всех нас убьют».

Солдат предстал перед военным судом. Его полное неведение служило ясным доказательством того, что он не шпион. Этим дело кончилось. Другие, более хитрые солдаты пытались обойти цензуру просто ради того, чтобы посылать сведения своим семьям. Майор Адамс рассказывает: «Мы обнаружили многочисленные попытки посылать более или менее секретные сведения для удовлетворения любопытства родных или друзей. Эти сведения обычно касались местопребывания солдата, местопребывания соседних частей или

района, куда он должен был направиться. Все это обычно писалось шифром, который было легко разгадать, и лишь изредка симпатическими чернилами».

Американские солдаты немецкого происхождения доставляли разведывательному отделу много хлопот. Следовало ли посылать их на фронт? Если бы они были взяты в плен, то немцы могли бы их расстрелять за предательство. Немцы грозили, что будут поступать именно так. Поэтому разведывательный отдел посоветовал военному министерству не посылать во Францию большего количества солдат немцев, чем было необходимо, а тем, которые уже находились во Франции, предоставлялся выбор между фронтом и службой снабжения.

Некоторые выбирали фронт и вели себя там примерно.

Конечно, цензура очень внимательно следила за письмами, адресованными лицам с немецкими фамилиями. Одно из таких писем позволило раскрыть любопытный случай. Оно было адресовано унтер-офицеру полка, находившегося на расстоянии 20 км от Шомона. Расследование установило, что этот унтер-офицер служил в береговой артиллерии и проявил большие знания. Его солдатская книжка характеризовала его как примерного солдата, но внешность у него была типичного пруссака, превосходно дисциплинированного, скорее с манерами офицера, чем унтер-офицера. В течение двух дней его допрашивал полковник Сиго, и, в конце концов, он рассказал свою историю:

— Я — барон фон Шрак и происхожу из семьи, хорошо известной в Германии. Еще задолго до войны я был произведен в лейтенанты одного из самых лучших немецких полков. Я много пил и любил игру и, в конце концов, растратил деньги полкового собрания. Меня оставили на свободе, взяв с меня обещание, что я поступлю на секретную службу. В Шарлоттенбурге меня обучали морскому и военному шпионажу. Меня предназначали для Англии. Когда я узнал, что мировая война неизбежна, я сделал попытку уйти с секретной службы, но мне пригрозили смертью. Мне не оставалось ничего другого, как повиноваться приказу, и я уехал в Англию, но, очутившись там, сел на первый пароход и уехал в Соединенные Штаты. В Детройте я вступил в армию. С тех пор я всегда был честным американским солдатом.

Разведывательный отдел послал его обратно в Соединенные Штаты, где его рассказ целиком подтвердился; барон фон Шрак сохранил свое благоприобретенное имя и свою американскую форму, но не свой чин. Он получил чин капитана разведывательной службы.

Почтовая цензура помогла разоблачить единственного шпиона, приговоренного в Соединенных Штатах к смертной казни. Его имя — Пабло Ваберский. Было перехвачено несколько писем, адресованных им немецким

агентам в Мексике и в Соединенных Штатах.

Точно так же, как контрразведка, в частности безмолвные наблюдатели, мешала шпионам проникать в ряды американской экспедиционной армии, так и почтовая цензура разоблачала людей, безукоризненных по своему поведению, но, тем не менее, невольно помогавших шпионам. Было 1 052 случая нарушения дисциплины, и среди них случай с неким майором, который подарил одной из своих знакомых дам коробку с конвертами, на которых была заранее поставлена печать цензуры. Таким образом, она могла писать обо всем, что ей было угодно. Другой офицер писал с фронта одной девушке в Соединенные Штаты, что предыдущее письмо «попало в руки тылового цензора, и этот окопавшийся в тылу человек, который должен что-то делать в оправдание своего существования, послал мне его обратно». Это второе письмо попало к тому же цензору, который был офицером, награжденным орденом за храбрость и медленно выздоравливавшим от ран. К его великому удовольствию это письмо тоже нарушало правила цензуры. Отправитель этого письма получил по заслугам.

Если, по мнению Наполеона, боеспособность армии зависит от состояния ее желудка, то, по мнению Фоша, ее боеспособность зависит, главным образом, от морального ее состояния. А лучшим средством узнать, каково моральное состояние войск, было чтение писем солдат. Солдаты излагали в письмах все свои жалобы, если для них были основания, или даже если оснований не было.

Когда, вскоре после перемирия, генерал Першинг сказал маршалу Фошу, что американские солдаты хотят домой, то он узнал об этом от тылового цензора.

Кроме военных сведений, которые не подлежали оглашению, цензура искала в письмах указаний, свидетельствовавших о моральном состоянии войск, об их отношении к общественным вопросам, о несправедливостях, которым они подвергались, и даже иногда данных, выявлявших подозрительных лиц. Наиболее опасной почтой была почта, адресованная в нейтральные или союзные страны. Почта, адресованная в Америку, была менее опасна. Она слишком долго шла по назначению. Письма, написанные на иностранных языках, выдвигали трудную задачу, и американская экспедиционная армия должна была понимать пятьдесят различных языков, включая наречия индейцев, тагалог, эсперанто и кельтский.

Тыловой цензор получил 30 846 360 писем и из них рассмотрел 6 335 645. В его парижской канцелярии всегда не хватало людей, хотя там работало 33 офицера, 183 солдата и 27 вольнонаемных служащих. Химическая лаборатория была оборудована только в июле 1918 г. и подвергла обработке 53 658 писем в поисках сообщений, написанных симпатическими чернилами. Эта канцелярия не просматривала всей почты американской экспедиционной

армии, так как большую часть этой работы выполняли офицеры в каждом полку. Если солдаты предпочитали, чтобы их письма прошли через тыловую цензуру, то они могли пользоваться специальными синими конвертами. Тыловая цензура просматривала всю почту на иностранных языках, почту, адресованную в союзные или нейтральные страны, письма из одного полка американской экспедиционной армии в другой и письма отдельных полков, которые по той или другой причине должны были временно проходить двойную цензуру. Письма солдат, адресованные в Соединенные Штаты и написанные по-английски, проходили цензуру в своем полку и отправлялись немедленно. Письма, проходившие через тыловую цензуру, задерживались, по словам тылового цензора, только на 48 часов.

Посылки с цветами

Посылки просматривались цензурой точно так же, как письма. Они могли содержать те зажигательные карандаши, в которых подозревали причину возникновения пожара в ставке главнокомандующего, или даже шпионские донесения. Немцы посылали такие донесения в Швейцарию и писали их молоком на шелковой бумаге, в которую обертывались фрукты, шедшие из Италии и с юга Франции. Такие письма можно было прочитать, держа бумагу на свет. Один венгерский барон в Женеве сжигал у себя во дворе такое количество ящиков из-под фруктов, что полиция, прежде чем разрешить доставку на его имя посылок, стала вынимать из них всю бумагу. После этого агенты барона начали писать свои донесения на стенках ящиков. Барон совершенно испортил крышку своего стола химическими веществами, которыми он пользовался для проявления сообщений. Операции барона с фруктами давали так много денег, что у него была большая клиентура; одним из его клиентов был известный фабрикант автомобилей Йеллинек, который до войны руководил со своей яхты немецким шпионажем в Нице.

Шпионские донесения посылались с Ривьеры в Германию в корзинах цветов. Австрийский агент в Швейцарии граф Окерлинг имел многочисленных шпионок — кафешантанных певиц или даже светских дам, которые обертывали стебли цветов, приколотых к корсажу, бумажкой, на которой были написаны секретные сообщения.

Контрразведка полагала, что для немцев лучшим средством организовать доставку сведений в Германию было использование своих военнопленных, находившихся в союзных странах. В американской экспедиционной армии военнопленным разрешалось посылать в Германию два письма в неделю. Эти письма проходили строгую цензуру, но она была крайне затруднительна, ибо простая расстановка букв могла скрывать шифр. Кроме того, немецкие агенты могли попадать в плен умышленно, чтобы иметь возможность лично посылать в Германию донесения. С такой же тщательностью осматривались

посылки из Германии, адресованные военнопленным; в них находили сообщения, спрятанные в коробках с двойным дном, в табаке, в мыле, в консервных банках, между слипшимися фотографиями невесты. После перемирия тыловой цензор собрал большое количество сведений о положении в Германии благодаря письмам, адресованным военнопленным.

Цензор боролся против использования так называемых ложных адресов, которые сообщались посредством списков, перечислявших пункты в Швейцарии и Голландии, известные как центры германской секретной службы.

Американские химики раскрыли один из таких списков, написанный симпатическими чернилами на бумаге, найденной у агента связи. Швейцария была полна таких тайных почтовых ящиков; роль таких почтовых ящиков играли некоторые очень крупные отели. В Голландии существовали торговые фирмы, носившие голландские названия, но служившие исключительно для связи с немцами. Список их адресов, захваченный в Германии, доказывал, что все эти торговые фирмы прикрывали германскую разведку.

Объявления в газетах так широко использовались для передачи сведений, что контрразведка рассматривала каждое объявление до его опубликования. Агент, находившийся в неприятельской стране, публиковал, казалось бы, совершенно невинное объявление, содержащее зашифрованное донесение. Через несколько дней его начальник в нейтральной стране мог прочесть донесение.

Мелкие объявления под рубрикой личных, будто бы разоблачавшие ссору двух влюбленных, иногда имели совсем другой смысл.

Цензура запрещала газетам помещать лотерейные номера, шахматные задачи, но она не могла помешать шпионам передавать сведения, определенным образом наклеивая марку на конверт.

Англичане запретили объявление одного германского агента в Лондоне, предлагавшее по дешевой цене гороскопы находившимся на фронте солдатам; для получения гороскопа достаточно было сообщить свой адрес. Французы не пропускали объявлений женщин, вызывавшихся помогать солдатам. Эти женщины-патриотки заявляли о своем желании вступить в переписку с «бедными одинокими солдатами». Некоторые из таких женщин состояли также в переписке с другой женщиной — с фрейлейн Доктор из Антверпена.

Другой очень простой трюк состоял в том, что писали несколько цифр, иногда простое сложение, на полях газеты и отправляли ее почтой. Цензура

не могла просматривать всех газет, отправляемых по почте. И даже если бы она была в состоянии это делать, как можно было заподозрить здесь шифр?

Придумывались крайне интересные шифры, сильно помогавшие шпионам избегать сетей контрразведки. Но шифр был средством крайне опасным, ибо если контрразведчик обнаруживал зашифрованное сообщение, то он не успокаивался, пока не устанавливал личности того, кто это сообщение послал. Если в бумагах какого-нибудь шпиона находили шифр, то этого человека можно было считать погибшим.

Существуют ли шифры, к которым нельзя найти ключ?

Англичане говорят, что да, хотя их профессору греческого языка удавалось находить ключ почти ко всем шифрам, если только имелось достаточное количество зашифрованных сообщений. Один американец утверждает, что во время мировой войны не было ни одного шифра, который не был бы расшифрован, и даже если он расшифровывался частично, то из него все же извлекали кое-какие сведения. Полковник Николаи утверждает, будто для германской секретной службы не существовали шифры, которых она не могла бы расшифровать.

Шифровальные коды

Расшифровать какое-нибудь официальное сообщение, в котором тысячи слов и фраз выражены численно, страшно трудно. Иногда шифр меняется посреди сообщения. Но если шифровальная книга случайно теряется, от данного шифра следует отказаться. Если будет расшифровано одно сообщение, то при затрате времени и труда можно расшифровать и остальные. Иногда на расшифровку какого-нибудь сообщения тратится столько времени, что оно теряет всякую ценность. К чему знать, что на Лондон готовится воздушное нападение, после того, как бомбы уже сброшены.

Иногда приходится просто ждать следующих сообщений. Систему шифрования невозможно раскрыть, имея только одно сообщение; для того чтобы ее разгадать, надо иметь несколько сообщений, написанных одним и тем же шифром.

Чтобы найти ключ к шифру, необходимо знать, какие буквы, слова и знаки чаще всего повторяются в написанном тексте. Один из специалистов этого дела говорит, что обычно буквы расположены в следующем порядке: etoairnshldcsmuypfgwdv (в английском языке).

Довольно частыми комбинациями являются th, he, er; буква u почти никогда не бывает удвоенной.

Американский специалист полковник Джордж Фабиан дает следующий порядок: `etaonishrdlculmpwgybvkhqjz`. Он считает, что буква `e` составляет 15 % всех букв в письмах, а буквы `k, x, q, j, n, z` составляют вместе всего 2 %.

Вот образец кода, которым пользовалась во время войны:

«Напишите письмо клером слева направо на странице, помещая заранее установленное число букв на каждой строке. Каждая буква должна стоять точно под соответствующей буквой верхней строки. Перепишите письмо сверху вниз, поместив столбцы в установленном заранее порядке. Отделите буквы, расположенные таким образом, в группы по десяти, и вы будете иметь текст в зашифрованном виде. Чтобы его расшифровать, сосчитайте число букв и число столбцов, напишите столбцы в первоначальном порядке и читайте сообщение клером слева направо».

То, что кажется непосвященным сугубо таинственным, несколько не таинственно для специалистов; например, шифр, составленный при помощи словаря, когда сообщения пишутся путем указания номеров страниц, и строк в словаре, откуда берутся слова. Индусы, находившиеся на жалованья у немцев и составившие в Соединенных Штатах заговор с целью вызвать в Индии революцию, пользовались таким шифром, и майор Вильям Фридман, в настоящее время являющийся начальником отдела шифров и кодов, превосходно читал без словаря эти сообщения. Неудобство пользования книгой состоит в том, что агент должен постоянно иметь ее при себе.

Глава пятая

Мы занимаемся шпионажем

Как сыграли свою роль американцы

«Америка никогда не имела шпионов». Это была распространенная фраза в американской экспедиционной армии, может быть, потому, что лучшим средством сохранить что-нибудь в тайне считалось полное отрицание.

Даже среди офицеров, находившихся при штабе главнокомандующего, намеки на существование нашей секретной службы считались признаком дурного тона. Неудивительно, что большинство солдат никогда о ней не слыхало.

Так было во время мировой войны, так продолжается еще и теперь. О роли Америки в тайной войне известно меньше, чем о роли любой великой державы. Описывалась деятельность французов, англичан, немцев, но никогда не говорилось ни слова об американцах в Европе. Теперь можно с полной безопасностью приподнять завесу, за которой разыгрывалась драма, представляющая для большинства американцев жгучий интерес.

Сколько событий развертывалось за этой завесой во время победоносных и страшных дней 1917–1919 годов. Америка в то время имела шпионов, точно так же, как в 1776 г. у нас был Натан Хэйль, а в 1861 г. Бекер и Пинкертон.

По сравнению с секретной армией союзников американская секретная армия была очень мала, ибо число наших шпионов, агентов и осведомителей в Европе достигало всего нескольких сотен.

Эти люди отправлялись окольными путями в самые опасные места, чтобы выполнить возложенные на них задания. Часто они выполняли их успешно, а иногда терпели неудачу. Некоторые были арестованы и многие расстреляны. Но никто из них не вызвал к себе пренебрежительного отношения. Нам пришлось воевать недолго, но если бы война так скоро не кончилась, американцы повели бы такое же мощное наступление на поприще шпионажа, какое они вели в открытой войне, ревностно способствуя достижению победы в этой войне.

Свидетельства врагов и союзников

Начальник германской военной разведки полковник Николаи говорит о нашей секретной службе так: «Вступление американцев в борьбу оживило работу секретной службы.

Только тогда, по-видимому, союзники получили ясное представление о Германии и нашли чувствительные места, где они должны были пустить в ход свою секретную службу и особенно пропаганду. Американцы очень сильно помогли союзной пропаганде в отношении техники, методов и денег».

Способствовали оживлению союзного шпионажа не только американские деньги. Начальник британской разведки сэр Бэзил Томсон следующим образом отзывается в своих воспоминаниях об американском шпионаже:

«Американцы установили в Европе превосходную систему разведки и, поскольку мы и раньше работали вместе, мы решили обмениваться сведениями. В то время в глубине Европы или Америки происходило очень мало событий, о которых мы бы не знали. Немногим известно так хорошо, как мне, насколько умело американцы использовали наш опыт... Мы работали так, словно наши обе организации составляли одно целое, и иногда я думаю, что если бы у американцев хватило времени распространить свою сеть по всей Европе, то она оказалась бы лучше нашей».

Это весьма лестный комплимент со стороны представителя Британской империи, которая всегда была обетованной землей для того, что Киплинг называет «крупной игрой».

Обучив нас этой игре, англичане вели ее с нами в открытую.

Один американец, большой знаток этого дела, заявил:

«Англичане выложили все свои карты на стол, и ни один политический, национальный или военный вопрос не должен был мешать работе. Если бы после войны мы могли продолжать наши отношения с английской разведывательной службой в области чисто военной информация, то это было бы чрезвычайно полезно и для нашей и для их страны».

Такое тесное сотрудничество было одной из причин того, что мы не посылали больше агентов в Германию.[13] Там уже находились английские и французские агенты. Когда мы вступили в войну, англичане и французы имели своих людей в самых важных пунктах германского тыла от Берлина до фронта. Французы установили наблюдение в германском генеральном штабе в Спа (позже мы сделали то же самое).

В штабе кронпринца Рупрехта Баварского имелся английский агент; французские и английские агенты имелись на заводах Круппа. Позже у нас там тоже были агенты, и наши люди наблюдали за грузовыми составами, шедшими через Кёльн, Мец и другие важные центры. Есть предположение, что один очень влиятельный чиновник в Вильгельмсхафене был английским агентом, а один француз часто плавал с побережья Зеебрюгге к союзной подводной лодке для передачи донесений о деятельности этой германской базы подводных лодок. Тысячи бельгийцев, несмотря на риск, которому они подвергались, занимались шпионажем в пользу своей собственной, французской или английской разведки.

Эта система шпионажа зародилась задолго до 1914 г.

В течение долгих лет мира англичане и французы посылали агентов в Германию, как, впрочем, и немцы во Францию. В Германии находилось очень много французов, англичан было меньше. Немцы раскрыли и казнили очень многих союзных агентов, но гораздо большее количество ускользнуло от них и работало в течение всей войны. Если какого-нибудь агента арестовывали или так за ним следили, что он не мог больше работать, союзники посылали вместо него другого. Когда летом 1917 г. мы вступили на поприще шпионажа, союзники распространили на всю Германию организацию, состоящую из тщательно обученных и отобранных людей. Многие из них могли выдержать самое суровое испытание секретной службы: знать друг друга, совместно работать и иметь друг к другу полное доверие, хотя на карту была поставлена их жизнь.

Организация такого типа по своей хрупкости подобна часовому механизму, и в нее, так же как в часовой механизм, трудно ввести инородное тело.

Поэтому мы посылали в Германию своих агентов на постоянную работу только с согласия французов и англичан. Риск был меньше, когда надо было, послать в Германию агента для кратковременного пребывания; нейтральные страны служили базой для операций американской секретной службы, точно так же как они служили базой для других держав. Еще менее опасно было посылать американских агентов в Австро-Венгрию, где они не рисковали натолкнуться на союзную организацию или быть захваченными неприятельской контрразведкой. Таким образом, применяясь к условиям тайной войны, на основах, созданных генералом Ван Деманом в Соединенных Штатах и генералом Ноланом во Франции, развилась наша организация, заслужившая похвалу сэра Бэзиля Томсона.

Невинные янки

Мы, конечно, были новичками и иногда давали себя провести. Но наша неопытность в игре оказывалась часто нам выгодна, ибо никто нас не подозревал. Многие европейцы и американцы в самом деле думали, что «Америка не имеет шпионов». Другим преимуществом были наши деньги.

Осведомители наперебой старались попасть на американскую секретную службу. Мы сообщили по подпольным каналам всего шпионского мира, что мы готовы заплатить десять тысяч долларов за точные сведения о передвижениях германской дивизии первого класса, и мы такие сведения получали. Хотя в секретной службе молчание — золото, тем не менее, деньги развязывали языки.

Союзные разведки иногда даже считали, что американцы злоупотребляют деньгами, так как они увидели, что мы оказались щедрее всех на рынке информации, существовавшем в Швейцарии, где встречались и обменивались сведениями профессиональные шпионы. Но, как правило, англичане, французы и американцы действовали на фронте тайной войны с единодушием и взаимным доверием, которого часто не хватало на фронте явной войны. Однако же, исключения бывали.

Если американцы хотели избежать некоторого ущерба при межсоюзных переговорах, связанных с вопросами о солдатах, о деньгах, о снабжении, о командовании, о стратегии и о политике, которые непрерывно менялись в ходе войны, то им необходимо было так же хорошо знать о том, что происходит у союзников, как и о том, что происходит у немцев.

Одно из первых заданий, которое генерал Першинг дал американской разведке, состояло в том, чтобы узнать, действительно ли некая союзная держава нуждается в такой мере в одном американском продукте, как она утверждала. Разведывательный отдел сообщил генералу Першингу, что указанная потребность преувеличена, доказав это при помощи добытых

каким-то путем подлинных документов.

Вскоре после высадки первых американских частей во Франции распространился слух о том, что среди союзников было движение, стремившееся помешать или задержать формирование самостоятельной американской армии под собственными знаменами, с собственным командованием и настаивавшее на использовании американских войск для пополнения французских и британских потерь. В нашем главном штабе внимательно следили за этой кампанией. Генерал Першинг узнал об интриге, начатой осенью 1918 г. одной известной англичанкой с целью сместить его с поста главнокомандующего. Это дошло до президента Вильсона. Но интрига ни к чему не привела, президент оставил генерала на его посту.

Подобные разногласия приводили иногда к взаимному недоверию. Американский офицер, прикомандированный к союзному штабу, однажды убедился в том, что кто-то рылся в его вещах. Может быть, это был какой-нибудь немецкий агент, но американец сильно в этом сомневался. Он знал об установленных повсюду диктографах и предполагал, что один из них предназначался для него. Американские офицеры, которым приходилось обсуждать в предназначенных для них помещениях некоторые стороны деятельности и политики американцев, стали это делать на жаргоне бейсбола.[14]

Такой хитроумный шифр, с помощью которого они говорили о «судьях» (umpires) и «гигантах» (giants), должен был внушить европейским подслушивателям, если такие были, уверенность, что американцы настоящие дикари.

Отношения между союзниками всегда были довольно щекотливыми, но при некоторой доле изобретательности можно было делать чудеса. Примером такого чуда является посещение американской экспедиционной армии полковником японской армии маркизом Саито. Этот офицер прибыл во Францию с письмом, написанным генералу Першингу его старым другом со времен русско-японской войны, генералом Куроки. Последний просил принять маркиза Саито и дать ему возможность посмотреть, что делала американская экспедиционная армия. Любой калифорниец назвал бы эту просьбу чистой воды официальным шпионажем. Генерал Першинг жил в Калифорнии, но, тем не менее, обсудив просьбу японцев со своим штабом, он приказал показать маркизу Саито все, что он захочет видеть.

Таким образом, полковник Саито увидел все, что можно было видеть в американской экспедиционной армии. В сопровождении полковника Кампанолья, говорившего, помимо других языков, также и по-японски, он осмотрел службу снабжения. Он видел огромные склады, железные дороги, госпитали, короче говоря, — все необходимое для формирования и

снабжения двухмиллионной американской армии, которая должна была, принести победу. Он знал, что еще два миллиона солдат обучались в Соединенных Штатах.

Полковник Саито пожелал увидеть фронт. Начальник осведомительной службы американских экспедиционных сил, который его сопровождал, был поставлен в весьма затруднительное положение. На фронте было что посмотреть, но вдруг этот важный представитель Японии будет убит? Поэтому после минутного размышления он предложил:

— Мы с удовольствием покажем вам фронт в Вогезах.

— В Вогезах! — повторил японец. — Но ведь это очень спокойный участок. Я хочу видеть настоящий фронт, там, где дерутся. Я хочу видеть ваши войска в действии.

— В самом деле, почему бы нет? — подумал полковник Кампаноль. — Он увидит, какие из американцев вышли солдаты.

И они отправились в «адову нору на р. Вель», где 77-я дивизия, набранная из жителей Нью-Йорка и очутившаяся впервые на активном участке, доблестно выполняла свой долг. Полковник Саито провел две недели на фронте вместе с полковником Кампанолем, деля участь солдат, под снарядами и газами. В конце концов, он заявил:

— Это замечательно и представляет для меня необычайный интерес. Но я нахожу, что вы совершаете тактическую ошибку, сохраняя передовой пункт по другую сторону р. Вель в Базоше. Он не представляет большой ценности и очень уязвим; если немцы его атакуют, вы не сможете послать туда подкреплений.

Это был очень дельный совет, как показали события через несколько дней, когда немцы смели американскую часть, остававшуюся в Базоше.

Однако, посещение маркиза, полковника Саито имело и другие последствия. Он посетил также солдат морской пехоты на спокойном участке, и они воспользовались случаем, чтобы заснять кинофильм, который был отправлен в Соединенные Штаты как свидетельство американо-японской дружбы.

Осторожность и такт были необходимы всегда, как доказал попавший однажды в руки американской секретной службы клочок бумаги, на котором стояла надпись: «Просьба сжечь». На этом клочке было написано: «Что касается замечаний на последней странице, то это как раз те замечания, которые так, оскорбили чувствительность Г. (французский агент). Смотрите, чтобы они не попали к французам. Через посредство Г. они попадут прямо к

Клемансо».

Упоминавшиеся замечания были составлены на основании крайне интересных донесений Интеллидженс Сервис о некоторых лицах, занимавших весьма высокое положение как на стороне союзников, так и на стороне Германии.

Клемансо, конечно, был непосредственно связан с французской секретной службой; по слухам, она даже находилась под его контролем, так же как цензура прессы и пропаганды, — цензура, против которой он так яростно восставал до своего прихода к власти, что назвал свою газету «L'Homme enchaîné» («Человек в оковах»).

Президент Вильсон и секретная служба

Президент Вильсон мало интересовался военной разведкой. Говорят даже, что он не читал ежедневной сводки по разведке, с такой тщательностью составлявшейся разведывательным отделом штаба всего в четырех экземплярах: один передавался шифром по телеграфу президенту, два предназначались для генералов Першинга и Блисса и четвертый для архива.

Президент предпочитал морскую и дипломатическую разведку и возложил на одного офицера морской разведки важное задание. Тем не менее, он приказал сжечь список подозрительных, содержащий более 100 тысяч имен и напечатанный для флота в правительственной типографии, ибо в нем значилось слишком много имен его друзей и знакомых.

После этого Т. Моррисон Карнеджи уплатил 20 тысяч долларов пятидесяти машинисткам, которые, поклявшись сохранить тайну, перепечатали для флота четырнадцать экземпляров этого списка, считавшегося наиболее полным списком подозрительных.

Может быть, президент Вильсон находил, что армия была слишком «милитаристической» или он был озабочен заговорами республиканцев[15] больше, чем заговорами немцев, или не доверял сведениям, полученным тайно.

Насколько соответствовали истине донесения шпионов?

По разным оценкам, процент колеблется от 50 до 20. Обычно ценность донесения зависит от ценности агента, который его посылает. Хороший агент, как правило, посылает донесения редко, и они у него краткие и точные. Не всегда шпион, настроенный патриотически, умеет собирать наиболее ценные сведения. Шпион, работающий за деньги, старается получить как можно больше денег с наименьшим риском; он сообщает своим

начальникам о том, о чем им хотелось бы знать, при случае преувеличивая и придумывая. Очень хорошим примером таких преувеличений являются донесения о разрушениях, причиненных рейнским городам воздушными рейдами союзников. Американский разведывательный отдел редко воспринимал донесения своих агентов буквально. Каждое донесение проверялось сведениями из других источников.

Если бы война тянулась немного дольше, шпионаж сыграл бы значительно большую роль в разведке американской экспедиционной армии. Желанию генерала Нолана, верившего в военную разведку больше, чем в секретную службу, суждено было сбыться. Он был произведен в чин генерал-майора и получил командование дивизией на фронте. Покинув штаб главнокомандующего, он командовал одной из бригад 28-й пехотной дивизии во время ее доблестного наступления против восточных окраин Аргоннского леса. Он получил медаль «За отличную службу» со следующей надписью:

«Пока противник подготовлял контрнаступление, которому предшествовал ожесточенный заградительный огонь, генерал Нолан дошел до города Апремона и лично руководил движением своих танков под непрерывным огнем неприятельской артиллерии. Неукротимая храбрость и хладнокровие генерала Нолана оказали на его войска такое влияние, что 400 человек отразили наступление двух немецких полков».

Как работала наша служба шпионажа

Каким образом американцы занимались шпионажем в Европе? Точно ответить на этот вопрос нельзя даже теперь.

Приходится ограничиться кратким изложением наших методов, ибо может случиться, что, вопреки нашему желанию, мы будем еще вынуждены этими методами воспользоваться.

В Европе существовало несколько различных систем американского шпионажа, работавших согласованно, но, тем не менее, отличавшихся одна от другой целями и методами. Как и немцы, мы, строго говоря, не имели единой службы. Термин «американская секретная служба» употребляется в настоящей книге только потому, что он является термином общим, а уточнений следует избегать.

Шпионаж не может существовать без обмана; организация службы шпионажа, изображенная графически, в значительной степени напоминает лабиринт: такие же зигзаги и повороты, потайные ходы и тупики, которые должны ввести в заблуждение не только неприятельских шпионов, но и собственных агентов, на тот случай, если они будут арестованы и окажутся слишком болтливы. Третья степень в секретной службе носит еще более

искусный и дьявольский характер, чем соответствующие приемы полицейской службы.

Во всякой службе шпионажа правая рука не должна знать, что делает левая. Территория, которая должна быть покрыта шпионской сетью, разделяется на зоны соответственно главным объектам. Для обработки каждого объекта существует свой один или несколько методов. Ни один человек не должен знать всей системы.

Конечно, никогда не существовало карты, на которую была бы нанесена вся сеть союзного шпионажа в Европе или в Германии, хотя немцы были настолько убеждены в ее существовании, что пытались подкупить одного англичанина, чтобы он ее украл для них. Этот агент целый вечер просидел со своим начальником за составлением такой карты и торжественно передал ее немцам. На карте, отражавшей истинное положение вещей, Германия была бы разделена на следующие четыре зоны: зона, расположенная непосредственно позади линии фронта, включавшая главные сортировочные станции, через которые проходила основная масса войск; промышленная зона, где производились орудия и снаряды и где делались испытания новых изобретений; морская зона, включавшая Кильский канал и базы подводных лодок; наконец, тыловая зона, включавшая Берлин. На эту карту следовало бы нанести и другие зоны: русско-румынскую, балканскую и турецкую, но наиболее важными были вышеприведенные четыре зоны. Задача состояла в том, чтобы в каждой из этих зон собрать секретные сведения и как можно скорее переправлять их на базу.

Для этого нужны были шпионы разного сорта, применявшие всевозможные уловки. Имелись постоянные агенты, посланные задолго до войны туда, где они могли быть наиболее полезны; некоторые из них жили в стране в продолжение многих лет и были уважаемыми коммерсантами, лавочниками, государственными или железнодорожными служащими. Каждый из таких постоянных агентов был центром маленькой группы сотрудников, которые рыскали по городу и приносили добытые сведения постоянному агенту, не зная друг друга. В этом смысле союзники имели хорошую организацию.

Постоянный шпион, как и полицейский агент в своем участке или репортер в своем округе, был важным колесиком всего механизма. Наиболее трудной его задачей, была своевременная передача сведений своему начальству, находившемуся вне Германии. Обычно он избегал пользоваться телеграфом или почтой. Его агентами связи были коммивояжеры.

Коммивояжеры вели крайне беспокойную жизнь. Всегда в дороге, всегда подвергаясь опасности преследования, они были именно тем звеном, которое контрразведка всегда старалась отрубить такими же хитроумными средствами, какие применялись при перевозке ценного товара, состоявшего

из секретных донесений, написанных микроскопическими буквами на шелковой бумаге. Эта область тайной войны заслуживает того, чтобы ей была посвящена отдельная глава.

Точно так же, как полиция и газеты посылают сыщиков и репортеров в такие места, на которых в данный момент сосредоточен интерес, так и секретная служба направляет своих специальных агентов в разные места, в зависимости от требования момента. В качестве опорных пунктов агенты пользовались либо пограничными постами, такими, как Понтарлье или Бельгард, или городами какой-нибудь нейтральной страны.

Швейцария. Голландия и Дания были исходными пунктами для разведок многих стран, включая Германию и Америку. Если наши агенты не могли проникнуть прямо в Германию, они попадали туда окольным путем; поэтому приходилось тратить много времени на подготовку безопасного перехода границы.

Когда это достигалось, шпионы посылали свои донесения, пользуясь шпионскими базами, организованными в нейтральных странах.

Агенты вербовались также из числа деловых людей и коммерческих представителей фирм, регулярно ездивших в Германию. Жители нейтральных стран обычно симпатизировали либо немцам, либо союзникам; на юге Ютландии датчане из лиги, сочувствовавшей союзникам, встречали поезда, пришедшие из Германии, и опрашивали пассажиров. Германские агенты встречали те же поезда и старались подарками купить молчание тех же пассажиров.

Итак, в некоторых нейтральных странах существовала американская секретная служба, причем часто превосходно организованная. К моменту перемирия один из таких отделов секретной службы имел 35 надежных источников информации, включавших 9 шпионов, каждый из которых руководил группой агентов, причем каждая из этих групп не знала о существовании других и о том, на кого она работает; ей было известно только, что на какую-то союзную разведку, и больше ничего.

40 шпионских групп работало в пользу американцев в Европе, в России, в Румынии и в других странах. Половина этих групп вела тайную войну непосредственно против Германии. В каждую группу входило от трех до шести человек, из которых «помощник начальника», или «капитан», был единственным, кого знали остальные члены группы.

Большую часть времени он находился в стране, служившей для его группы базой, и один получал приказания от американского разведывательного отдела, имевшегося в этой стране. Часто такие приказания передавались ему

косвенным путем, через какого-нибудь его союзного коллегу, которого он уже знал. Остальные члены группы решительно никого и ничего не знали.

Задачей группы был шпионаж в собственном смысле; ее члены должны были отправляться туда, куда приказывал им капитан, чтобы добывать там сведения, которые ему было приказано доставить. Но члены группы не отправлялись в какой-либо пункт все вместе. Сначала уезжал один, затем второй, третий и, если нужно, четвертый. Так, если дело касалось заводов Круппа в Эссене, то начинали с того, что посылали туда одного человека под видом немецкого рабочего с фальшивыми бумагами. Благодаря имевшимся у него раньше связям он получал работу. Через две недели на заводы приезжал другой агент под видом торгового представителя нейтральной страны. Он встречался с первым агентом, забирал его донесение и возвращался на базу. Если он не мог найти первого агента или связаться с ним, то он оставался на заводе или просил, чтобы послали другого члена группы, к которому он приезжал через некоторое время. Каждая группа всегда имела в резерве одного или двух человек для неотложных случаев, или, как официально говорилось, «для замены пропавших без вести».

Вследствие этого американцы всегда должны были иметь резерв из 54 человек для замены пропавших без вести, приходившийся на 500 секретных агентов, из которых 374 работали против Германии. Из этого числа одновременно в Германии должно было находиться не более 100 агентов, что составляло крупное среднее число «пропавших без вести», занимавшихся шпионажем активно.

То, что многие считали романтическим ремеслом, было в условиях современной войны суровой необходимостью, систематизированной и регламентированной. Заранее намечены были даже маршруты разъездных агентов. Так, секретная служба наметила тринадцать различных маршрутов по Германии и считала, что это число гарантировало безопасность.

Агенты, разъезжавшие по Германии, не носили черных шляп и наклеенных усов. Между тем на них были возложены более важные задания, их изобретательность была больше, и они подвергались более многочисленным опасностям, чем легендарные шпионы прежних войн. В 1918 г. шпионаж был более разносторонним и сложным, чем во все предшествовавшие войны.

Что за люди шпионы

Какие люди становились шпионами? Официально «шпионов» нет; принято название «агент». Агентами называются все, начиная от шпиона самой высшей марки, способного завязать дружеские отношения с министрами и генералами, и кончая скромным исполнителем заданий по саботажу.

Но в литературе, в театре или в кино все они известны под названием шпионов. В образе шпионов с ними знакомится читатель, и под таким названием они решают судьбу сражений, приносят гибель королям, престолом и правительствам. Что же за люди эти шпионы?

Большинство из них ничем не отличается от прочих людей; в противном случае они были бы немедленно разоблачены. Во время мировой войны существовало столько шпионов (их число у всех участников войны считалось равным 45 тысячам), что большинство их ничем не должно было отличаться от обычных людей. У очень немногих из них был мрачный и зловещий облик, и лишь некоторые прибегали к сложной маскировке, описываемой в романах. Самое опасное для шпиона — это не быть похожим на всех. Именно это и было несчастьем Мата Хари.[16] Тот, кто видел ее один раз, не мог уже ее забыть. За таким агентом, как она, легко следить и его легко разоблачить. Один американец, знавший многих шпионов, сделал следующее замечание:

«Большинство из них было людьми очень скучными, и, в общем, их работа была тоже скучна. При ближайшем знакомстве в большинстве из них не оказывалось ничего романтического».

Эмоциональные характеры, воспринимающие драматически всякое «положение, способны себя разоблачить, если им не свойственно большое самообладание. Шпион должен иметь положительный практический ум и крепкие нервы. Один бывший американский агент составил перечень качеств, необходимых хорошему шпиону:

- 1. Природный ум, изворотливость, хладнокровие.*
- 2. Какой-нибудь стимул: патриотизм, ненависть, любовь к приключениям, честолюбие, стремление к наживе.*
- 3. Знание территории, на которой он должен работать, знание языка и жителей.*

Полковник Николай прибавил бы к этому: способность противиться соблазну.

«Секретная служба, — пишет он, — таит в себе серьезные опасности для всех тех, кто входит с нею в соприкосновение. Эти опасности свойственны характеру работы, не поддающейся контролю (как, впрочем, и сведения) и связанной с многочисленными соблазнами, создаваемыми деньгами. Необходима самая строгая дисциплина».

Даже до войны немецкие агенты, допускавшие малейшее нарушение правил, приговаривались к тюремному заключению.

Шпионы должны обладать способностью безнаказанно пользоваться

обоюдоострым оружием секретной службы: вином, женщинами и деньгами. Они должны противиться соблазну посылать ложные донесения. Один американский агент всегда носил при себе средство против опьянения: маленькую бутылочку оливкового масла. Если вовремя вылить это масло, то алкоголь не оказывает никакого действия, и голова остается ясной. «На следующий день, — говорил он, — я всегда был болен, но, за редкими исключениями, я добывал нужные мне сведения».

Были еще другие методы шпионажа, включая те, которым учила своих учеников фрейлейн Доктор в германской школе шпионажа в Антверпене.

«Когда вы собираете сведения, никогда не имейте слишком любопытного или слишком встревоженного вида».

«Научитесь так управлять своим лицом, чтобы оно не выражало никаких чувств; добейтесь признания, выдумав какие-нибудь сведения, которые в ходе беседы вы расскажете с таинственным видом».

«Не говорите о секретных вещах в поездах, на площадках трамваев и в кафе».

«Никогда нигде не оставляйте писем, записок, гостиничных счетов, газет, на которых есть адрес. Не бросайте их также в корзины для бумаг даже в разорванном виде».

«Приучайтесь записывать свои наблюдения условными словами, имеющими совершенно невинный смысл (счета расходов, счета прачки, сложение, сделанное на обороте конверта, и т. п.)».

«По возможности не обнаруживайте, что вы знаете иностранный язык, чтобы иметь возможность подслушивать разговоры других».

«Свидания с лицами, от которых вы ждете сведений, должны назначаться как можно дальше от места их жительства и от того района, в котором оперирует агент. Рекомендуется заставить этих лиц проехать несколько часов по железной дороге, лучше ночью, ибо, когда люди утомлены, они более экспансивны и менее осторожны».

«Лучше установить полдюжины фактов, чем записать сотню мнений. Если мнения выражены дураками, то они ничего не стоят, а если их высказали умные люди, то они могут быть неискренними. Между тем факты, несмотря на их кажущуюся незначительность в тот момент, когда их регистрируют, могут дать ценные результаты, когда они будут проверены и сравнены с другими».

Тому же самому обучали в союзных школах шпионажа, которые посещались американцами в первое время после того, как мы вступили в войну. Позже

мы открыли собственную школу в Шомоне, где офицеры секретной службы время от времени проходили курс, продолжительность которого колебалась от двух недель до двух месяцев. Там один офицер, носивший немецкую фамилию, обучал их тому, что было в германской армии нового, и подготавливал их к допросам, которым они могли быть подвергнуты в Германии.

Это было очень полезно, но лучше иметь таких агентов, которых немцы не рискнули бы заподозрить. Лучшими нашими шпионами были люди, которых немцы знали и уважали; иногда даже это были сами немцы.

Среди американских шпионов было много неамериканцев. Эти люди, среди которых были и авантюристы, принадлежали к разным нациям. После немцев и значительного числа американцев, бывших по национальности немцами, шли швейцарцы, датчане, голландцы, большинство которых являлось профессиональными наемными шпионами. Многие из них были ветеранами на союзной службе; имелось и несколько энтузиастов, шпионов-любителей, патриотов. О роли, которую на вашей службе сыграли американские немцы и чехословаки в смысле ускорения германской и австрийской революций, можно частично рассказать, не называя, однако, имен.

Их имена еще следует хранить в тайне

Даже по прошествии многих лет американский разведывательный отдел не нарушит торжественного обязательства никогда не раскрывать имен агентов. Один из них, встретив недавно на парижском бульваре своего бывшего начальника, поспешно скрылся в такси. Ввиду положения, которое этот человек занимал, ему было бы крайне неприятно, если бы в нем узнали бывшего шпиона.

Если бы в настоящее время были разоблачены имена людей, работавших на американской секретной службе, то велико было бы изумление многих официальных кругов, хотя в некоторых странах на такую работу смотрят без всякого презрения.

Один американец, руководивший значительным числом шпионов, заявил: «У нас нет никаких оснований позволить заподозрить имена людей, работавших в нашу пользу в то время. Без всякого сомнения, для некоторых из них это было бы катастрофой».

Один из его коллег приводит другие доводы в пользу необходимости сохранить имена шпионов в тайне: «Для некоторых лиц представляло бы большую опасность разоблачение их прежней шпионской деятельности, так как оно могло бы повлечь против них репрессии со стороны некоторых стран и дало бы врагам оружие для мести».

С другой стороны, некоторые лица сумели добиться преимуществ путем угроз разоблачить то, что они видели, будучи шпионами. Одного из них всякими средствами убеждали не писать своих мемуаров. Это, в сущности, была далее излишняя щепетильность, ибо по прошествии многих лет какой вред могли причинить его разоблачения?

Однако излишняя осторожность никогда не мешает. Тем не менее, теперь можно без опасений рассказать историю Эммануэля Воска. Капитан Воска был одним из крупных американских шпионов. Автор настоящей книги считает его даже одним из корифеев американской секретной службы во время мировой войны.

Этот маленький коренастый человек, обладавший огромным обаянием, актер, оратор, писатель и делец, посвятил все свои таланты борьбе, уже начатой маленькой группой полных надежд националистов.

Долгое время борьба эта была тайной. Соединенные Штаты сохраняли нейтралитет. Но многие чехи говорили по-немецки и легко могли сойти за немцев. Им легко было проникнуть в немецкие круги Нью-Йорка и сообщить английской секретной службе о том, что они там узнавали. И англичане, которые тотчас же поняли ценность доставляемых им сведений, снабдили своих осведомителей деньгами.

Все большее и большее число чехов стало переходить канадскую границу с намерением вступить в английскую армию. Работая совместно с Богемской лигой и другими чешскими и словацкими организациями в Америке, капитан Воска находил все новые и новые средства для ведения тайной борьбы. Он разоблачил германские планы организации саботажа на военных заводах. Отчасти благодаря доставленным им сведениям были высланы фон Папен и Бой-Эд.

Начальник нашего следовательского отдела при министерстве юстиции А. Брюс Биласки тоже считал капитана Воска чрезвычайно полезным человеком. Почти все сведения о немецких заговорах в Америке получались от группы Воска. Он до некоторой степени помог Соединенным Штатам вступить в войну.

Когда германский посол граф Бернсторф был отозван в Германию, среди членов его верной свиты находилась женщина, на коленях умолявшая не оставлять ее в Америке. Это была чешка Милада Ямчек, входившая в группу Воска.

Когда мы вступили в войну, группа Воска стала быстро развиваться. В Нью-Йорке в течение одной недели она обнаружила 175 подозрительных немцев. Она поддерживала связь с другими чехословацкими группами в

Европе. Чешское национальное движение ширилось. Тысячи солдат-чехов дезертировали из австрийской армии.

Патриотизм и энергия американской группы были вознаграждены. Если эта группа могла оказать столько услуг своей родине, находясь за океаном, чего же она добьется, находясь в Европе? Американская разведка дала себя убедить и организовала «итальянский отдел». Итальянским отделом называлась маленькая группа, составленная капитаном Воска из его ближайших друзей и родственников.

Эммануэль Воска был произведен в офицеры американской армии, но он редко носил форму. Его задача состояла в том, чтобы отправиться на итальянский фронт и оттуда повести подпольную работу с целью подрыва, самых основ Австро-Венгерской империи.

Для осуществления этой задачи группа создала целую организацию, которая должна была казаться противнику дьявольской. Тайная организация капитана Воска распространила свою сеть по всей Центральной Европе, в Прибалтике и на Балканах. На всей этой территории не было ни одного города, ни одной деревни, где бы не существовало славянское ядро, поддерживающее связь с низеньким коренастым человеком, находившимся в тылу итальянского фронта. Эти организации посылали сведения о противнике — о немцах, австрийцах, венграх, болгарах и турках — и получали взамен утешительные известия о союзных победах, о военных приготовлениях Америки, речи президента Вильсона и обещания свободы. Такие славянские организации, распространявшие благоприятные для союзников сведения, непрерывно развивались и росли в тылу неприятельского фронта.

Дела капитана Воска

База капитана Воска была расположена около Падуи. Но фактически он постоянно находился в деловых разъездах, причем далеко не в самых безопасных местах. Однажды из Швейцарии он привез часы, в механизме которых было выгравировано название места и дата предстоявшей встречи с южными славянами. Эти часы были «проданы» ему неким чехом в каком-то ювелирном магазине. И вот капитан Воска с несколькими членами своей группы перелетел на самолете через фронт и направился в Боснию. Ночью, совершив бесшумно посадку, они встретились в тылу австрийского фронта, с группой бойцов за югославскую независимость.

Это были ветераны сербской армии, жившие, как дикари, в лесах после захвата Сербии в 1915 г. Продолжая надеяться на освобождение своей родины, они неустанно вели партизанскую войну с австрийцами. Крестьяне окрестных деревень служили им посланцами и осведомителями. Собранные

сведения сообщались при встречах с капитаном Воска. Самолет капитана Воска в награду за это снабжал их не только листовками и пропагандой, но и известиями об их близких, находившихся в сербской армии; а также продовольствием. «Еще немного мужества», говорили им. «Скоро придут американцы».

Опасности австрийского фронта не пугали капитана Воска и его людей. Переодетые австрийскими солдатами, они очень часто перелетали через фронт. Они говорили на нескольких языках. Они собирали сведения, взрывали австрийские склады боевых припасов, причиняли столько зла, сколько только могли. Агенты капитана Воска проникали на юг Германии и посылали оттуда сведения, нужные американской экспедиционной армии. Выходившие из себя немцы и австрийцы разослали письменный приказ — особенно бдительно следить за возможными действиями капитана Воска и его людей.

К концу войны в Падуе узнали, что верная чешка, последовавшая за графом Бернсторфом из Америки, была разоблачена и немцы намерены ее расстрелять.

— Если вы ее расстреляете, — уведомил их капитан Воска, — мы убьем графа Бернсторфа.

Немцы поняли, что это так и будет, и сохранили жизнь чешке.

Шпионаж составлял лишь часть работы итальянского отдела американской военной разведки. Деморализуя неприятельскую армию, он создал в тылу итальянского фронта целую армию или даже две армии. Он помогал организовывать чехословацкие легионы, в состав которых входило более 42 тысяч человек, главным образом, бывших австрийских солдат, доблестно сражавшихся в рядах итальянской армии.

Они гордо носили на своих фуражках красный и белый чешские цвета и имели кинжалы, чтобы заколоться, но не сдаться. Итальянским отделом были созданы также внутри итальянской армии югославские части. В то же время итальянский отдел вел работу по разложению австро-венгерской армии. Везде на фронте, где в частях австро-венгерской армии имелись чехи, словаки, южные славяне или румыны, использовались все средства пропаганды и убеждения. Итальянский отдел разбрасывал с самолетов или аэростатов листовки, уговаривал солдат сдаваться, обещал им пищу и хороший прием со стороны их братьев, уже находившихся в Италии. Но наиболее действительным средством были «отряды полиглотов».

«Отрядом полиглотов» называлась группа опытных пропагандистов, говоривших на языках угнетенных народов.

Ночью такая группа пересекала полосу земли между боевыми линиями и, обращаясь к находившимся в неприятельских окопах солдатам на их родном языке, уговаривала их дезертировать; члены группы узнавали о положении австро-венгерской армии, о том, как солдат кормят, каково настроение, дисциплина.

Капитан Воска предсказал итальянскую победу под Витторио Венето.

— Множество наших ячеек имеется как в рядах, так и в тылу австро-венгерской армии, — сказал он. — Достаточно хорошего удара, и наступит полный развал.

Когда этот удар был нанесен и фронт рухнул, капитан Воска и его помощники уехали в столицу освобожденной Чехословакии — Прагу. Там, встреченные бурными приветствиями толпы, они получили заслуженную награду.

В бывшем помещении австро-венгерской контрразведки в Праге они нашли посвященные им дела, изображавших их как самых опасных людей и требовавшие их уничтожения любой ценой.

Наш лучший шпион — немец

Другой американский агент, работавший с большим успехом, тоже был не американцем, а немцем. В течение всей войны он работал в Германии в пользу Америки. Официально он не получил никакой награды, но благодарность Соединенных Штатов была ему выражена иным способом.

Этот агент находился на немецкой правительственной службе и занимал ответственный административный пост. Он был осведомлен о таких вещах, которые немцы всячески старались скрыть от союзников. Часто он заранее знал об изменении политики или планов. Эти сведения он посылал американской секретной службе весьма простым и остроумным путем. По личным мотивам он играл такую двойственную роль в течение многих лет, начав в те времена, когда мы еще не вступили в войну.

Это он сообщил президенту Вильсону, раньше, чем министерство иностранных дел, что Германия решила начать подводную войну не на жизнь, а на смерть. Именно этим и объяснялись наши тайные приготовления с начала 1917 г., так как, было уже ясно, что мы не сможем долго оставаться нейтральными. Когда мы присоединились к союзникам, этот человек продолжал свою смелую игру, несмотря на все более и более возрастающую для него опасность. В течение всех 19 месяцев войны он посылал нам чрезвычайно ценные сведения. К ним следует отнести подробные данные о большом германском наступлении в марте 1918 г. и о других германских планах, связанных с последовавшей затем ожесточенной кампанией. Перед

концом войны он предупредил нас о расколе между германским политическим и военным руководством по вопросу о немедленном мире и о приходе к власти социал-демократической партии, предшествовавшей германской революции. Он не только не был разоблачен, но и никогда не давал повода к малейшим подозрениям. Разглашение его имени поразило бы Германию.

Исчерпывающее описание нашей работы в Германии вызвало бы всеобщее удивление. Полковник Николаи частично о ней знает, но ему известно не все. Американцы, по той или другой причине остававшиеся в Германии до апреля 1917 г., т. е. до момента нашего вступления в войну, начинали в Германии или в какой-нибудь нейтральной стране тайную борьбу с Германией. Ниже я привожу случай из шпионской практики, о котором было рассказано при встрече бывших работников разведывательного отдела американского штаба.

После того как война уже давно кончилась, один очень богатый человек, живший в Нью-Йорке, пригласил к обеду своего знакомого немца. Большинство других гостей знало Германию и ей симпатизировало. Почетный гость, поощренный такой дружеской атмосферой, стал вспоминать войну и, между прочим, похвастал подвигами германской разведки. Один из слушателей, почтенный американец, манеры и свободная немецкая речь которого выдавали его долгое пребывание в Германии, отнесся к рассказам немца с большим вниманием и, поднимаясь из-за стола, с тонкой улыбкой заметил:

— Все, что вы рассказали, чрезвычайно для меня интересно. Но, несмотря на все, мне кажется, ваша контрразведка, не могла помешать взрывам на военных заводах.

— Я был уверен, что он не выдержит, — прошептал на ухо своему соседу один бывший офицер разведки. — Всю войну он провел в Германии. Немцы ему доверяли и считали его больше немцем, чем были сами немцы. Еще до того, как мы вступили в войну, он уже посылал англичанам сведения о взрывчатых веществах и газах. Когда мы присоединились к союзникам, он стал работать для нас и, между прочим, предсказал недостаток у немцев снарядов в 1918 г.

Он тайно посылал нам очень много сведений и превосходно знал обо всех взрывах, на которые он намекнул, не будучи в состоянии отказать себе в удовольствии заткнуть рот нашему милому гостю. Что касается гостя, то весь вечер он пребывал в задумчивости.

Наши шпионы — русские

Осенью 1917 г. американский разведывательный отдел услышал о том положении, в каком оказались агенты русского царского правительства.

Совершенствуясь в продолжение всей своей жизни в области шпионажа, не умея делать ничего другого, они не знали больше, на кого работать. Русское революционное правительство не хотело их знать. Их организация была разрушена, и они искали, где бы устроиться. Эти бывшие секретные агенты русского царского правительства были нам очень полезны. Сначала мы использовали их для индивидуальных заданий. Они имели старые шпионские центры в Азии и во всех странах Европы, особенно нейтральных, граничивших с Германией, куда они могли легко проникнуть. У них были связи в стратегических пунктах, часто установленные задолго до войны, а этого-то как раз не хватало нашей юной разведке. Кроме того, русские агенты были хорошо знакомы со всеми трюками и уловками шпионажа. Некоторые наши шпионы в германском генеральном штабе были русскими. Мы поручили им выполнение задания на заводах Круппа в Эссене, в связи с чем я могу рассказать о случае с «длинной Бертой».[17]

Большинство наших читателей услышало впервые о «длинной Берте» только в то мартовское утро 1918 г., когда она бомбардировала Париж с расстояния более чем 115 км. Весь цивилизованный мир был потрясен. Тогда впервые заговорили о появлении пушки, обладающей такой дальностью. Но союзные разведки давно ждали ее появления, так как они знали о «длинной Берте».

Как-то в зимний день, за несколько месяцев до этого события, полковник Кампаноль удивил своих товарищей в столовой разведывательного отдела, воскликнув в пылу спора:

— Но ведь у немцев есть пушка, из которой они могут стрелять по Парижу.

Затем он вдруг остановился, вспомнив, что молчание — золото. Его товарищи над ним посмеялись. По мнению специалистов, это было невозможно. Полковник Кампаноль не сказал больше ни слова. Но он получил секретные донесения, сообщавшие ему о том, что немцы собираются скоро бомбардировать Париж с «невидимых цеппелинов». Все союзные разведки взялись за дело, чтобы раскрыть истину.

Они направили свои поиски по линии производства цеппелинов в Фридрихсхафене и натолкнулись на непроницаемую стену. Тогда американцы поручили это задание своим новым агентам — русским. Последние имели секретную связь с заводами Круппа в Эссене, где многие русские под видом рабочих горячо взялись за дело, напрягая все свои способности, чтобы раскрыть, какое новое германское средство войны заслуживало названия «невидимого дирижабля». И они добились истины.

— Это пушка, — сказали они. Немцы строят пушку, обладающую достаточной дальностью, чтобы обстрелять в тылу союзников такие

железнодорожные узлы, как Сен-Поль или Хазебрук (Hazebrouck). Из этой пушки можно даже бомбардировать Париж. Ее строят в специальном тщательно охраняемом помещении. Мы не можем добыть подробного описания ее конструкции, но речь идет о пушке, установленной внутри другой пушки, выпускающей снаряд, внутри которого имеется другой снаряд.

— Пушка внутри другой пушки, снаряд внутри другого снаряда, — повторил начальник 2-го Бюро. — Что, ваш агент новый Жюль Верн или барон Мюнхгаузен?

В связи с первой бомбардировкой из «длинной Берты» следовало вспомнить, что в 1914 г. точно так же не верили в существование 42-см гаубиц. Все утро голос «длинной Берты» раздавался каждые 15 минут; публика, сидевшая в полдень в кафе де-ля-Пэ, не забыла, с какой тревогой она расхватывала, первые официальные сообщения о том, что немцы «с большой высоты» бомбардировали Париж. Это и были «невидимые дирижабли». Затем было выпущено второе сообщение, на этот раз правильное, объявлявшее, что Париж был обстрелян из дальнобойной пушки.

«Длинная Берта» — пушка внутри пушки

Это была действительно «пушка внутри пушки», хотя и без «снаряда внутри снаряда». Ствол «Берты» состоял из морской 38-см пушки, внутри которой находилась 21-см пушка, продолженная в виде гладкостенного ствола; обе части соединялись винтовой нарезкой. Общая длина ствола была 34 м.

Снаряд этой пушки отличался от других снарядов, но не был двойным. Русские ошиблись в деталях, но раскрыли главное.

Тайная война развернулась тогда вокруг Берты. Когда 2-е Бюро узнало, из каких орудий был обстрелян Париж, оно ревностно взялось за дело с целью уничтожить эти орудия. Нашупав расположение Берты, оно послало на самолетах секретных агентов, которые должны были высадиться неподалеку от расположения батарей, постараться рассмотреть эти чудовищные пушки и сообщить о них подробности. Для борьбы с «Бертами» была организована особая часть, задачей которой было уничтожение этих огромных пушек, имевшихся у немцев в большем количестве, чем предполагалось.

Существовала специальная авиационная эскадрилья для наблюдения и обстрела «Берты» вопреки сопротивлению немецкой оборонительной эскадрильи. Имелся специальный звукометрический пост, задачей которого было нащупывание расположения батарей по звуку. Немцы пытались бороться против этих мероприятий путем изготовления ложных «Берт» из дерева и симуляции выстрелов для отвлечения внимания союзников.

Стрельбу «Берт», естественно, нельзя было корректировать. Поэтому германская секретная служба имела целую сеть, ежедневно доносившую ей о том, куда попадали снаряды «Берт» и какой они причиняли ущерб. В эту сеть входила одна женщина — Ида Каль, о работе которой с большой похвалой отзывался полковник Николаи. Что касается материального ущерба, то донесения должны были скорее принести разочарование; впрочем, весной 1918 г. бомбардировка из «Берт» и наступление немцев вызвали почти панику, и десятки тысяч людей покинули Париж. В июне за ними собирались последовать французское правительство и союзные и американская миссии.

Русские выполняли и другие такие же важные задания, но иногда они причиняли неприятности тем, кто пользовался их услугами. Они имели дело с одним из отделов американской разведки (G.2-B), но им никогда не говорили, в пользу какой державы они работают, и кто их оплачивает. Тем не менее, некоторым из них удалось это узнать, что иногда ставило американцев в весьма затруднительное положение.

Ошибки при использовании шпионов

Самой комичной фигурой среди американских шпионов был не немец, не русский, а настоящий американец, подданный США — чемпион по боксу Джек Джонсон.

Бежавший из Соединенных Штатов и высланный из Франции, бывший чемпион нашел себе пристанище в Испании, где он преподавал бокс, снимался в кино и прогуливался по городу в пестром клетчатом костюме, с палкой в руке, с серым котелком на стриженной голове, в сопровождении полицейской собаки. Он был первым человеком во всех мадридских спортивных клубах.

Но его душа была беспокойна. Джек говорил своим друзьям, что он хочет послужить своей родине теперь, когда она воюет с Германией.

— Почему бы вам не вступить в американскую экспедиционную армию? — сказали ему.

Но он предпочел секретную службу. И вот бывший чемпион направился к начальнику американской секретной службы в Испании и гордо сказал:

— Вы, несомненно, знаете, что я пользуюсь в городе большой популярностью, я знаком с самыми осведомленными людьми Мадрида. Я могу узнать, как «они» снабжают немецкие подводные лодки, где стоят мулы, которых испанцы продают французам, и многое другое, что вам будет угодно. Я хочу быть секретным агентом. Это мое призвание.

Благие намерения Джека встретили поощрение, и он ушел, пообещав доставить сведения о кознях немцев в Испании. Многочисленным своим друзьям он рассказал, как он осуществил свое, стремление и стал теперь «настоящим американским секретным агентом». Однако он не принес никаких сведений и говорил в свое оправдание:

— Видите ли, когда меня встречают немецкие шпионы, они пугаются, как бы я их не побил, и поэтому убегают со всех ног. Как же я могу получить у них какие-нибудь сведения, если они постоянно от меня бегают.

Наряду с такими паяцами, среди шпионов были и люди гораздо более опасные, пытавшиеся обмануть и использовать американцев. Немецкие агенты пытались снабжать нас ложной информацией, и иногда им это удавалось; некоторые агенты работали на две стороны, а профессиональные шпионы, которые были, прежде всего, дельцами, старались добыть деньги любыми средствами.

Американцы пользовались репутацией щедрых и наивных людей, и потому шпионы такого типа осаждали нас больше, чем любую союзную разведку.

Однажды к нам пришел какой-то человек с украденными «чертежами» страшного немецкого танка «Juggernaut», который должен был прорвать союзный фронт во время большого наступления 1918 г. Это грозное чудовище было вышиной с двухэтажный дом и передвигалось на колесах вышиной в 20 футов с помощью подвижных шестов, напоминавших альпенштоки. Корпус машины был покрыт броней, неуязвимой не только для пулеметов, но и для снарядов любого калибра. Казалось, это был чудовищный зверь, чуть ли не изрыгавший пламя.

Чертежи были превосходно выполнены, и мы их купили, чтобы соответствующий разведывательный отдел (G.2-B) видел, чему немцы хотели нас заставить поверить.

Приблизительно в это же время наша секретная служба в Швейцарии вела переговоры с самой циничной из когда-либо встречавшихся шпионок. Эта женщина нам заявила, что ей известно, будто германское весеннее наступление будет главным образом «наступлением бактериологическим». Посредством самолетов немцы будут распространять бактерии чумы и холеры над городами союзных стран.

Эта женщина претендовала на то, что ей известно, как немцы выращивают такие культуры и как они будут их применять, заражая бактериями стариков, женщин и детей союзных стран. Она предлагала американцам купить у нее ее секрет и воспользоваться ее лабораторией, где они могли бы производить такие же культуры и опередить немцев. Тогда инициатива

«бактериологического наступления» будет принадлежать американцам, а не немцам.

Может быть, ее игра скрывала какой-нибудь другой маневр, и она была немецкой шпионкой? Она казалась совершенно спокойной и, как деловой человек, хладнокровно предлагала свою сделку. У нас успеха она не имела.

Союзные разведки в нейтральных странах должны были проявлять большую бдительность. Немцы снабжали их ложными сведениями и подсылали им профессиональных шпионов, для которых было привычным делом переходить границу и играть роль агентов, работающих на две стороны. В книгах союзной разведки на голландской и бельгийской границах мы находим следующие записи: «Содержатель гостиницы в Z. берет на себя передачу писем из одной союзной разведки в другую. Он связан с Ландманном и вручает эти письма для просмотра немцам. Затем они направляются в Титъенс (Tietjens), откуда их переносит один весьма надежный бельгиец, переходящий границу, охраняемую посредством электрических проводов».

«А. К. из Ватервлита, который часто бывает в Бельгии, в последний раз был пьян. Он хвастал не только тем, что ему много платит одна союзная разведка, но и одновременно своей работой для немецкой комендатуры в Ватервилите. Каменщик ли этот человек? Он не работал с самого начала войны и говорит, что вообще не имеет намерения работать».

Приведем теперь несколько оценок профессиональных агентов, взятых из американских записей.

«А... черпает сведения экономического характера, которые он нам посылает, из немецкой или швейцарской прессы. Недавно он послал нам немецкую пропагандистскую карту и брошюры, которые можно купить в Швейцарии в газетных киосках. Он не посылает никаких ценных военных сведений».

«В... черпает сведения, которые он нам посылает, из германских, австрийских, болгарских и турецких газет через несколько месяцев после их опубликования. Мы имеем их здесь в «Франкфуртер Цейтунг» через три дня после их опубликования».

«С... совершенно бесполезен. Он не посылает нам ничего такого, чего бы мы не могли найти в сотнях немецких газет, которые мы получаем через Швейцарию».

«D... действительно обшарил все швейцарские деревни на немецкой границе и прислал нам сведения о пожаре в Фридрихсхафене...»

Таким образом, с агентами надо было соблюдать чрезвычайную

осторожность. Один раз мы дали себя провести и заплатили 40 тысяч долларов за сообщение, показавшееся нам чрезвычайно важным. Но мы утешились при мысли о том, что один очень опытный француз, заплатив большие деньги за полный список австро-венгерских частей, участвовавших в недавно начатом большом наступлении при Капоретто, на следующий день обнаружил, что три дня тому назад этот список был опубликован в итальянских газетах.

Если такие случайные осведомители и жулики получали иногда суммы от 40 тысяч до 5 долларов, то сколько же платили настоящим добросовестным шпионам? Сколько можно было заработать, занимаясь таким ремеслом?

Оплата шпионажа

Заработок бывал самый различный. Оплата зависела от социального положения шпиона, от ценности доставляемых им сведений, от риска, которому он подвергался.

Агент, занимающий высокое положение на дипломатической службе, в армии или во флоте враждебного государства, носящий известное и почитаемое в стране имя, может получить баснословную сумму за доставляемые им ценные сведения. Но самые большие деньги, когда-либо уплаченные, были уплачены за взрыв итальянского броненосца первого класса. Говорили о сотне тысяч долларов.

Существовал известный тариф, установленный для постоянных агентов различных разведок в Европе. Союзные разведки платили своим агентам 200 долларов в месяц и оплачивали все их нормальные и чрезвычайные расходы. Агенты получали надбавку в 10 долларов в день за то время, которое они проводили на неприятельской территории. Опытные люди, обладавшие техническими званиями, посвящавшие шпионажу все свое время, часто подвергавшиеся большой опасности в неприятельском тылу, могли в среднем рассчитывать на 10 тысяч долларов в год. Менее значительные агенты, временно находившиеся на разведывательной службе, получали иногда всего 50 долларов с задания.

Немцы платили лучше, чем некоторые союзные разведки. Квалифицированные немецкие шпионы получали до 25 тысяч долларов в год. Такую же сумму немцы платили одному офицеру нейтральной армии за ценные сведения, которые он им сообщал. Еще лучше оплачивались экстренные расходы шпионов такого типа; например, некая графиня Н. Л., действовавшая в продолжение 3 месяцев в Италии, израсходовала за это время 15 тысяч долларов. Немцы обычно платили шпионам, которых они брали на испытание, 100 долларов в месяц, а если они путешествовали, — еще 10 долларов в день плюс надбавка в зависимости от важности задания и

опасности, с которой было сопряжено его выполнение. Часто немцы, завербовывая ценного человека, вносили в какой-нибудь банк на его имя 1 000 долларов и, кроме того, платили жалованье. Так они поступили с некоторыми американскими журналистами, которых они послали в Англию еще до того, как мы вступили в войну.

Австро-венгерская секретная служба применяла приблизительно такие же методы. Она сулила своим новым агентам 25 тысяч долларов, если они выполнят задание, и вносила эту сумму в какой-нибудь австро-венгерский банк, откуда агент по своему возвращении мог ее получить. Конечно, если агент не возвращался даже тогда, когда ему удавалось переправить свои донесения, деньги оставались у разведки.

Оплата менялась в зависимости от важности задания.

Рассказывают, будто в нейтральных странах немцы пользовались услугами многочисленных графов и баронов, получавших всего по 300 франков в месяц и живших в меблированных комнатах, стоивших несколько франков в неделю.

— Там лучше, чем в окопах, — говорили они.

В Дании в одном «бюро пропаганды» служило 23 человека, получавших 200 крон в месяц плюс 4 500 крон на «светские расходы». Спрашивается, что это могли быть за расходы?

Некоторые германские вербовщики шпионов в нейтральных странах просто помещали в газетах объявления с указанием, сколько они платят. Конечно; в этих объявлениях не говорилось о шпионаже; они предлагали «интересное занятие» мужчинам и дамам, говорившим на иностранных языках и «желающим путешествовать».

Германский центр в Лоррахе поместил в некоторых цюрихских газетах объявление, предлагавшее «дамам и мужчинам практику во французском языке».

Американцев часто удивляло то, сколько людей готово было рисковать жизнью за сравнительно небольшое вознаграждение. Можно было найти бельгийцев, которые за 200 долларов перелетали на самолете через германский фронт, спрыгивали с парашютами, собирали сведения и ждали, чтобы за ними прилетел другой самолет и переправил их в безопасное место. Если их захватывали, их ожидала несомненная смерть.

Вот запись расходов одной из секретных служб, работавшей на важной железнодорожной линии в тылу германского фронта:

ОБЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

а) Валансьен — Мобеж

Два человека днем и ночью; 250 долларов за донесение (касающееся железных дорог) плюс 125 долларов за поездку из Мобежа в Гаагу.

б) Ган — Еутре

Два человека днем и ночью; 200 долларов за донесение плюс 65 долларов за передачу в Голландию.

в) Динан — Живэ

Два человека днем и ночью; 200 долларов за донесение плюс 65 долларов за передачу в Голландию.

г) Мезьер — Шарлевиль

Невозможно организовать обслуживание этого участка менее чем в течение 2 месяцев; кроме того, оно обойдется очень дорого; понадобятся три курьера, которые должны будут переправляться из Франции в Бельгию, а затем из Бельгии в Голландию, прежде чем попадут в Гаагу. Оплата на этом участке приблизительно должна равняться 500 долларам.

ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ*Тайный переход границы*

а) Женщина, переходящая в Кальденкирхене, получает 12 долларов за донесение.

б) Поездка в Германию: поездка из Экс в Кассель и из Касселя в Берлин и в Познань — 65 долларов за донесение.

ПОСТОЯННЫЕ ДОЛЖНОСТИ

Два человека, которым дано задание собирать различные сведения либо общего характера, либо касающиеся транспорта, — 400 долларов в месяц.

4 сообщения — 250 долларов в месяц.

Общий итог — 1450 долларов в месяц.

Таким образом, при сети из 11 человек расходы не превышали 1 450 долларов в месяц.

Платила ли американская секретная служба лучше других? На этот вопрос ответить трудно. Сколько мы израсходовали на секретную службу во время

войны в Европе? Это еще труднее сказать, так как даже теперь правительство уклоняется от ответа на этот вопрос. Предположения относительно сумм, израсходованных американцами на жалованье, надбавки и оплату расходов агентов, весьма различны. Союзники и немцы, несомненно, израсходовали вместе больше, но относительно они потратили меньше. Наше обещание выдавать 10 тысяч долларов за всякое позитивное сообщение о передвижениях германских ударных дивизий свидетельствует о довольно высокой средней цифре оплаты. До войны германская военная разведка тратила в год около 100 тысяч долларов.

За прошлый год[18] англичане израсходовали на свою секретную службу около миллиона долларов.

Но, в общем, мы платили своим агентам хорошо. Так, один из местных отделов секретной службы выплатил в течение месяца, причем только за информацию, около 15 тысяч долларов, не выплачивая за одно сообщение более 3 тысяч долларов, что составляет немалое вознаграждение, даже если одно сообщение потребовало месяца работы. Иные агенты зарабатывали 2 000–2 500 долларов в месяц. Незадолго до перемирия один американский разведчик собирался купить карту германских укреплений на Гельголанде менее чем за 500 долларов. Однако, поскольку мы платили хорошо, мы были осторожны. Мы не пользовались чеками, подписанными «американской секретной службой». Деньги, обычно бумажные, проходили через много рук, прежде чем попасть в руки шпиона. Такие сделки были весьма деликатного свойства. Некий служащий американского казначейства однажды выразил удивление, что у него совсем нет квитанций, подписанных нашими шпионами. Он пожаловался на это одному офицеру разведки.

— Я бы уплатил любую цену за пачку квитанций, подписанных немецкими шпионами, — ответил офицер. — Неужели же вы думаете, что мы можем требовать от наших людей, чтобы они подписывали свой собственный смертный приговор.

Другой служащий пожаловался на отсутствие подробного перечня расходов.

— А что случилось бы, если бы наши шпионы подробно записывали свои расходы и были пойманы с такими документами?

Секретная служба — это не обычная торговая операция. Правительство в собственных интересах должно насколько возможно защищать людей, ведущих в его пользу тайную войну.

Были ли серьезные опасности, которым они подвергались? Рисковали ли они жизнью? Какие они приносили жертвы, чтобы заслужить свое вознаграждение?

Легион, никогда не имевший списков

Как это ни покажется странно, шпион в мирное время иногда приносит гораздо большие жертвы, чем в военное.

Если он находится на службе в армии или во флоте, то числится как состоящий в отпуску или вышедший в отставку. В случае провала его правительство от него отказывается и умывает руки. Один знаменитый военный министр сказал как-то некоему американцу, бравшемуся за выполнение шпионского задания:

— Вы предлагаете свои услуги для этой работы. Но, во избежание всяких недоразумений, имейте в виду, если вы будете действовать успешно, мы примем ваши донесения и впоследствии назначим вам пенсию; но если вы потерпите неудачу, мы будем вынуждены от вас отречься.

Как бы ни были велики жертвы шпиона, в мирное время он является человеком, как бы лишенным отечества.

Неудивительно, что лишь немногие американские офицеры предлагали свои услуги для такой работы. Между тем, у нас эта профессия так же почетна, как и всякая другая; услуги, оказываемые агентами, весьма полезны, и организация шпионажа, насколько возможно, чистоплотна.

По мнению некоторых лиц, на пороге разведывательного управления в Европе следовало бы написать: «Входящий сюда, оставь всякую честь». Такое заявление может показаться преувеличенным, но до войны в Германии, в Австро-Венгрии и в России секретного агента не должно было останавливать ничто. Секретному агенту приходилось иногда не только покупать людей, но и воровать, совершать подлоги, пользоваться шантажом, соблазнять и даже убивать.

Война пролила свет на роль секретного агента. Он был открыто признан оружием, необходимым на войне, оружием, способным нанести врагу более тяжелые удары, чем может нанести на поле сражения какой-нибудь блестящий командир.

Вот мнение трех человек (двое из них провели долгое время в Германии, а третий много раз проникал в Австро-Венгрию):

— Я был в состоянии ужасного нервного напряжения в течение всего времени, которое я провел в Германии, — говорит первый.

— Это было весьма неприятно, но не так, как могло бы быть, если бы немецкая контрразведка была менее методична. Она всегда прибегала к

одним и тем же приемам и, поскольку они мне были известны, я остерегался.

— Тем не менее, я был очень счастлив, когда уехал оттуда, — заявляет второй.

Что касается третьего, то он высказался так:

— Австро-венгерская контрразведка была довольно слабой, и мы знали, как от нее ускользнуть. Первая поездка была довольно неприятной, но потом дело пошло.

Как отметил второй из этих людей, германская контрразведка действительно была рутинной, но всеобъемлющей. Не следует думать, что от нее легко было ускользнуть; несмотря на подвиги некоторых союзных агентов, многие из них потерпели неудачу.

Германская армия и германская полиция работали сообща, и это очень затрудняло шпионаж в Германии.

В Германии, за исключением оккупированных областей Бельгии и Франции, кишевших шпионами, немецкий суд приговорил 600 человек за шпионаж, причем из них почти половину составляли немцы, работавшие в пользу союзников, и лишь десятую часть французы.

В Германии за незаконное ношение немецкой формы было арестовано 1 785 человек. Однако далеко не все агенты были казнены, точно так же, как и не все бельгийцы и французы, арестованные за шпионаж в районах, оккупированных немцами. Расстреляно было незначительное меньшинство; большинство приговаривалось к тюремному заключению.

Хотя шпион постоянно рискует жизнью в неприятельской стране, казнят далеко не всех захваченных шпионов. Сохранение им жизни, помимо имеющихся против них улик, зависит от других факторов. Влияние оказывает еще боязнь репрессий и стремление тех, кто их арестовал, получить от них сведения. Сомнительно, чтобы во время мировой войны в американской экспедиционной армии смертность на секретной службе превышала 5 % (имеется в виду процент смертности по различным причинам, включая и болезни); этот процент был значительно ниже 20 % смертности в армиях Антанты или центральных держав.

Расстрел на рассвете

Таковы приблизительно были потери на американской секретной службе в Европе. Некоторые американские агенты были арестованы и казнены немцами, хотя об этом никогда не говорилось, и их казнь все еще окутана

тайной. Если те, кто жертвовал жизнью в тайной войне, были американскими гражданами, служившими в армии или во флоте, они заносились в списки убитых на поле брани. Может быть, даже их семьи до сих пор не знают об их расстреле. Если это были профессиональные шпионы какой-нибудь национальности и их арестовали в то время, когда они выполняли задание той страны, которая их оплатила, их смерть часто даже не регистрировалась. Число шпионов, работавших в пользу американской секретной службы и расстрелянных немцами, можно считать приблизительно равным 8-10, включая и одну женщину, убитую в Австро-Венгрии.

Больше всего американских агентов арестовывали в Кобленце. Этот прелестный город на берегу Рейна, ставший после перемирия американским, где на крепости Эренбрейтштейн развевалось покрытое звездами знамя, был во время войны смертельной западней для наших шпионов. У нас были там агенты, которые должны были информировать нас о передвижении германских резервов; эти сведения были нам крайне полезны во время двух больших американских сражений при Сен-Мийеле и на Маасе в Аргоннах; одновременно сведения касались транспортов раненых, возвращавшихся в Германию. Наши агенты ежедневно посылали нам донесения о движении по железным дорогам в долинах Рейна и Мозеля: сколько поездов, сколько вагонов проходило в таком-то месте, в такой-то час каждый день. Вот, например, донесение от 14 сентября во время сражения при Сен-Мийеле:

«Западное направление: состав из 20 вагонов. Второй — из 23 вагонов, перевозивший пехоту: старых солдат и новобранцев. 5 товарных поездов, из которых один — из 28 вагонов, груженный самолетами, один — из 23 вагонов и два — из 34 и 31 вагона, груженные снарядами. И, наконец, последний — из 30 вагонов, перевозивший артиллерию. Восточное направление: 2 состава Красного Креста, полные раненых».

Раненые, вне всякого сомнения, были из-под Сен-Мийеля. Обычно немецкие воинские поезда имели определенный состав по числу и типу вагонов в зависимости от предназначения. Составы, предназначавшиеся для перевозки войск, почти всегда были из 36 вагонов; таким образом, для перевозки дивизии требовалось определенное количество составов. Судя по движению поездов, американский разведывательный отдел делал выводы о передвижениях войск.

Поэтому американский разведывательный отдел послал агентов — наблюдателей за поездами в такие крупные центры, как Кёльн, Кобленц, Эссен, Мерц, Магдебург и т. д., задолго до германского наступления 1918 г., что позволило американской разведке предсказать это наступление за месяц, когда французы были еще не уверены относительно него. Генерал Нолан считал наблюдение за поездами одним из важнейших, если не самым

главным успехом американской секретной службы.

Наши агенты — наблюдатели за поездами были различного происхождения. Некоторые приезжали из Соединенных Штатов и сходили за эльзасцев, другие принадлежали к союзной секретной службе. Пользуясь рисунками и схемами, их учили отличать различные типы германских поездов, предназначенных для войск или снабжения.

Самое опасное в этой работе было то, что агенты должны были проводить большую часть времени на вокзалах или поблизости от железных дорог, а немцы, которые об этом знали, внимательно следили за такими районами.

Лучшими агентами — наблюдателями за поездами были немецкие служащие, находившиеся на жалованья у союзников. Они легко могли посылать свои донесения посредством кондукторов и контролеров поездов регулярного сообщения.

Агенты — наблюдатели за поездами присылали иногда другие сведения, помимо информации, касавшейся движения поездов; они сообщали о расположении мостов и военных заводов, которые могли быть подвергнуты бомбардировке с союзных самолетов.

Так, некий агент — наблюдатель за поездами, работавший в пользу американцев, совершил опасный подвиг. К концу сражения в районе Мааса в Аргоннах он связался со штабом одного из германских корпусов, стоявшим в одном из городов на Рейне, и, симулируя сильные патриотические чувства, стал умолять офицеров сказать ему, соответствуют ли истине слухи об окончании войны и о германском поражении. Полковник, услышав подобные речи, пришел в ужасное негодование и заявил, что из Румынии перебрасываются многочисленные подкрепления, и американцы будут отброшены на линию, защищающую Люксембург, Тионвиль и Мец, которую он тут же показал на карте. Такое заявление было чрезвычайно интересно для американского агента.

Этот агент все еще наблюдал за движением поездов, когда было заключено перемирие, но дело обстояло так далеко не со всеми теми, кто был послан в Кобленц. Начальник германской контрразведки в Кобленце был грозой шпионов. Часто он поднимался среди ночи, чтобы посмотреть, в точности ли соблюдаются железнодорожные правила. Все, даже наименее подозрительные люди, особенно вновь прибывшие в Кобленц, должны были отдавать отчет полиции во всех своих поступках по несколько раз в день.

Тайная война, как и война открытая, ожесточала людей, и смерть не казалась чем-либо значительным.

Вот совет соблюдать предосторожность, данный одною из союзных разведок: «Местное отделение германской контрразведки в настоящий момент обратило свое усиленное внимание на одну из организаций союзной разведки, возглавляемую неким «Пьером», якобы находящимся в захваченной Бельгии. Если этот Пьер действительно существует, то он хорошо сделает, приняв необходимые меры защиты, так как его жизнь в опасности».

Это доказывает, как мало различные разведки знали лиц, работавших в пользу других. Тем не менее, Пьер еще некоторое время продолжал присылать американцам интересные донесения.

Насилие

На секретной службе всегда надо было быть готовым к насилию. Это могла быть ружейная стычка, подобная той, которую пришлось выдержать некоему И. П. в Нанси против трех американских дезертиров, которых подозревали в симпатиях к немцам. Это могло быть убийство с заранее обдуманном намерением — случай, встречавшийся гораздо чаще в романах, чем в действительной жизни, но хорошо известный на Балканах. Убийство не было средством, которым часто пользовалась американская секретная служба. Но американцы не всегда играли роль невинных жертв.

Налеты на посольства, миссии и консульства были очень распространенным спортом на обеих сторонах. Достоянные и якобы безупречные представительства почтенных правительств тайно занимались шпионажем, особенно в Швейцарии, где некоторые крупные германские шпионы официально входили в состав посольства и получали задания от важного чиновника, занявшего впоследствии высокий пост в германском правительстве.

Впрочем, австрийцы играли такую же роль.

Весной в один из субботних вечеров в Цюрихе в доме, примыкавшем к австро-венгерскому консульству, был веселый праздник. Там были танцы и пение, и звуки веселья разносились далеко вокруг. Праздник был союзный. На нем присутствовали французы, англичане и итальянцы, военные и штатские. Вдруг около полуночи напряженный слух некоторых приглашенных уловил глухой гул взрыва, разразившегося, казалось, в австро-венгерском консульстве; гости стали веселиться вдвойне и разошлись только на рассвете.

В понедельник утром, когда открыли канцелярию австро-венгерского консульства, обнаружилось, что кто-то проник в помещение, взломал сейф и овладел важными документами.

Какого сорта были документы? — спросила швейцарская полиция.

— Очень секретные и весьма важные; если их переправят через французскую или итальянскую границы, это будет ужасное бедствие, — говорили австрийцы, настаивавшие на том, чтобы швейцарская полиция допросила всех лиц, которые могли принадлежать к какой-либо союзной разведке в Швейцарии.

Это была трудная задача, но швейцарская полиция сделала попытку.

От всех тех, кого она допрашивала, она получала ответ:

— Помилуйте, ведь я был на вечере в соседнем доме и ни на минуту никуда не отлучался.

Или другой:

— Я был на вечере у американцев, спросите их, они вам это подтвердят.

Тогда-то и возникло предположение, что американцы вовсе не так невинны, как казалось, и противник стал за ними внимательно наблюдать. Особенно интересовался он ночными поездками на автомобиле, которые имел обыкновение предпринимать один американец по направлению к итальянской границе. Они обнаружили, что другой американец часто вставал в 4 часа утра, садился в поезд и встречался в пути с какими-то темными людьми; один из них совершил неосторожность, поклонившись ему однажды на улице в Цюрихе.

Ночной выстрел

Однажды ночью автомобилист, о котором я упомянул выше, вел свою машину по хорошо знакомой дороге к итальянской границе. Приближаясь к одному особенно опасному повороту над пропастью, он, как обычно, собирался замедлить ход, как вдруг почувствовал, что у него лопнула камера: он сразу нажал тормоза, остановился и хотел выйти. Вдруг он заметил перед собой поперек дороги нечто, напоминавшее огромную змею. Это было дерево. Затем из-за куста раздался выстрел, и пуля пробила стекло как раз там, где минутой раньше находилась его голова. Он поспешно упал под машину, изображая мертвого, сжимая рукоятку своего револьвера и стараясь определить число нападающих. Через несколько минут, не слыша более ни звука, он осторожно поднялся и дал тихий ход назад на своей лопнувшей камере, которая, несомненно, спасла ему жизнь.

А вот другой пример, доказывающий, что насилие не исключалось из методов секретной службы. Однажды вечером молодой американский атташе

задержался в посольстве и работал при электрической лампе у открытого окна, расшифровывая депеши. Когда он вышел ночью на улицу, какой-то коренастый человек в черном выскочил из-за дерева и напал на него, размахивая дубиной.

Молодой американец сделал прыжок в сторону и отразил удар зонтиком, не имея для самозащиты никакого другого оружия. Он сбил шляпу с нападавшего и увидел характерную немецкую голову. Но в этот момент немец снова замахнулся дубиной и нанес американцу удар; американец упал на колени; в ушах у него зашумело; он почувствовал, как противник бросился на него, чтобы вырвать у него ключи от двери посольства и от сейфа.

Он яростно отбивался, спасая ключи; вдруг он услышал крик, быстрые шаги, звуки ударов, немецкое ругательство и удалявшиеся шаги. Открыв глаза, молодой американец увидел одного из служащих американского посольства, к счастью еще дольше остававшегося в посольстве.

— Я был в Штатах чемпионом по боксу, — скромно пояснил он.

На следующий день в ответ на приказы, посланные союзным агентам этого швейцарского города, пришло следующее донесение:

— Герман, хорошо известный немецкий шпион, специалист по насильственным нападениям, оказался жертвой несчастного случая. Его нос распух и перевязан. По-видимому, нос сломан.

После этого эпизода американцы, жившие в Берне в отелях или в семейных пансионах, особенно же в одном из трех больших отелей, часто находили в своих комнатах все перерытым в результате тайных обысков. Лица, бравшие на себя проведение этих обысков, не ограничивались тем, что забирали бумаги, они уносили также и вещи, в которых нуждались. Американцы стали, конечно, остерегаться, но, тем не менее, такое положение им мало улыбалось. В один прекрасный день один из них пришел к начальнику американской секретной службы и сказал:

— Давайте покончим со старым фон Х..., который не перестает нам досаждать. Он пользуется своей дипломатической неприкосновенностью и подсылает к нам всех этих бандитов, которые в нас стреляют, нас бьют и роются в наших вещах. Давайте его похитим.

Начальник, раздраженный всеми предшествовавшими событиями, согласился:

— Хорошо, — сказал он, — заберите его. В конце концов, это не салонная игра. Мы его похитим и поместим в такое место, откуда он не сможет нам

вредить до самого окончания войны.

В момент откровенности он поделился своим планом с начальником французской осведомительной службы в Швейцарии. Тот схватился за голову.

— Но, друг мой, вы не должны этого делать. Кто-нибудь об этом, несомненно, узнает и расскажет швейцарцам. Тогда они нас всех вышлют, и, может быть, даже установят за нами наблюдение; нашим правительствам придется организовывать здесь разведку сызнова. Это будет гибелью.

— Дайте нам немного времени, — ответил американец. — Я держу пари, что мы найдем средство избавиться от него, не навлекая на себя никаких подозрений.

Но война окончилась раньше, чем они смогли выполнить свой проект. Господин фон Х... не подозревает о том, что ему грозило.

Немцы не единственные занимались разведывательной работой в Швейцарии. Союзники были там весьма активны, особенно французы и итальянцы. Полковник Николай заявляет, что с 1914 г. до того момента, когда в войну вступили американцы, немцы раскрыли в Швейцарии 14 групп секретной службы, охватывавших 145 агентов; все агенты были французами.

Американцы тоже работали в Швейцарии, и, может быть, именно благодаря американцам ужасное итальянское поражение при Капоретто в октябре 1917 г. окончательно не раздавило Италию и не освободило с фронта миллион австрийцев, которые, подкрепив немцев, могли привести к разгрому Франции и Англии до прибытия американцев. Может быть, даже если бы на некоторые сведения американцев обращали больше внимания, поражения не было бы вовсе.

Вывод из опыта американской секретной службы был таков: «Думайте, прежде чем говорить, — особенно когда вы находитесь в Швейцарии». Некоторые немецкие агенты забывали это правило. Так, после вынесенного германским и австро-венгерским генеральными штабами решения, что отборные германские войска присоединятся к австро-венграм для наступления против Италии, германская секретная служба в Швейцарии стала распространять всевозможные слухи с намерением направить союзников по ложному пути. К сожалению, она это делала чересчур усердно. В результате кропотливого сопоставления этих слухов американцы вскоре заметили, что единственный фронт, о котором ничего не говорилось в связи с предстоявшим наступлением, был итальянский фронт.

После этого начальник американской разведки имел беседу с одним американцем, жившим в Люцерне и, вследствие своих многочисленных

американских и швейцарских связей, давно числившимся в немецком списке подозрительных. Этот человек многое сообщил начальнику американской разведки, и тот немедленно вызвал по телефону свой автомобиль и направился во Францию, где он встретил одного из своих старых друзей из французской разведки в Бельфоре. Они вместе перевернули весь шпионский мир Эльзаса и Швейцарии, чтобы выяснить истину. Они послали многочисленных агентов в Швейцарию, предложив им вступить в дружеские отношения с немецкими агентами.

— Постарайтесь догадаться, чему они хотят заставить нас поверить, — поручили они агентам.

Через несколько дней американцы прислали из Швейцарии следующее донесение: «Австрийцы с помощью немцев готовят большое наступление на итальянском фронте. Они используют всевозможные средства пропаганды среди итальянских войск, чтобы увеличить эффект своего наступления. Они от него многого ждут».

Но начальники союзных разведок продолжали относиться к этому недоверчиво. Они ничего не слышали определенного о движении германских войск в направлении Италии.

Тогда американцы послали второе, еще более спешное сообщение: «Немцы и австрийцы намерены помешать французам и англичанам прийти на помощь итальянцам.

Они отдали приказ своей секретной службе, как только начнется наступление, взорвать тоннель Мон-Сени, через который союзники могли бы послать подкрепления итальянцам. Германская секретная служба готова выполнить этот приказ».

Как и где американцы добыли эти сведения? Это — тайна даже теперь. Полученные сообщения заставили союзные разведки призадуматься. Итальянцы и французы усилили наблюдение в районе знаменитого тоннеля, обыскали окрестности и поняли, что нечто действительно готовится. Как раз в то время очень далеко отсюда, во Фландрии, один английский солдат, находившийся в карауле в боевой полосе, нашел немецкую почтовую открытку.

— Ее уронил какой-нибудь немец, — подумал он, — и, как хороший солдат, передал открытку начальнику.

Открытка была с видом, изображавшим красивый город в Австрийских Альпах. Ее послал какой-то солдат товарищу во Фландрию; на ней было написано: «Мы наслаждаемся здесь, в Австрии, вполне заслуженным

отдыхом. Генрих».

Генрих указал еще почтовый военный номер, в котором английская разведка расшифровала номер германского альпийского корпуса. Что могли делать немцы в Австрии, как не готовиться к наступлению, которое предсказали американцы в Швейцарии? Но буря разразилась прежде, чем обнаружилась истина. Немцы, ведя за собой австро-венгерские части, прорвали фронт итальянских войск, дух которых был ослаблен искусной пацифистской пропагандой. Сотни тысяч итальянцев были взяты в плен; итальянцы потеряли тысячи пушек и потерпели самое тяжелое поражение из всех поражений союзных армий во время мировой войны.

Шпионаж во флоте

В других нейтральных странах тайная война часто носила и сухопутный и морской характер. В частности Дания и Голландия, расположенные между Германией и Северным морем против Англии, были полны морских шпионов. Немцы хотели знать, что делал английский Гранд-Флит (Большой флот), дозоры эскадренных миноносцев, минные тральщики; они хотели быть осведомленными о передвижениях торговых судов. Союзные агенты, особенно англичане, всячески старались помешать противнику собирать сведения и прилагали все усилия, чтобы узнать о передвижениях германских подводных лодок и о том, что происходило на их базах. Эти базы — Киль, Остенде, Зеебрюгге — были расположены близко от Дании и от Голландии.

Американская морская разведка тоже приняла участие в тайной войне, борясь против германских агентов и собирая сведения о планах передвижений германских подводных лодок. Мы не забыли о донесениях шпионов, писанных на шелковой бумаге в конце 1917 г., сообщавших, что немцы строят большие подводные лодки для нападения на транспорты, на которых будут перевозиться во Францию американские войска. Мы этого ждали, но, тем не менее, это нас неприятно поразило.

Мы были очень хорошо осведомлены о передвижениях германских подводных лодок, даже тех из них, которые пересекали океан и топили корабли у наших берегов.

Когда, подняв флаг, они возвращались в порты, их ждали наши секретные агенты.

Так было и 28 июля 1918 г. при возвращении подводной лодки, которая дала первые пушечные выстрелы у наших мирных берегов, находившихся, правда, под бдительной охраной. Когда донесение этой подводной лодки было получено в Вильгельмсхафене, наша морская разведка, возглавлявшаяся контр-адмиралом Роджером Уэллсом, знала уже обо всем происшедшем: о

том, каким курсом шла подводная лодка мимо Исландии, Гренландии и Новой Земли, как она двигалась вдоль нашего побережья и встретила еще две германских подводных лодки около Барбаде (Barebade), о том, какие корабли она потопила, и даже о том, что из ее экипажа был ранен один человек. А между тем, чтобы сохранить тайну, немцы запретили экипажу сходить на землю.

В Киле для нас не было никаких тайн. У нас имелась превосходная карта города и порта, на которой были нанесены форты, заводы, производившие торпеды, и точно указано местоположение нового дока для подводных лодок, который немцы строили на тот случай, если они потеряют бельгийский берег, что, впрочем, и случилось.

В фиордах и на островах датского и голландского побережья, так же как в ущельях швейцарских гор, гнездились шпионы всякого типа. Американцы, как и остальные союзники, участвовали в борьбе против германского шпионажа, причем не безуспешно, как свидетельствует следующий документ:

«На спасательном судне «Шельда», которое вышло 6 сентября из Амстердама в Америку, в угольных ямах спрятаны два человека, посланные немецким шпионом Кодем для шпионажа в США. Первый — Отто Штекке, второй известен под кличкой «большой австралиец». Оба они работают для германской секретной службы в Амстердаме. Судно должно прибыть в Нью-Йорк 19 сентября».

Конечно, в Нью-Йорке это судно ждали. Впрочем, не было ни одного нейтрального судна, заходившего для стоянки в датский или голландский порт, в экипаже которого не имелось хотя бы одного или нескольких шпионов, работавших в пользу разных государств. Так же, как кошка подстерегает мышь, контрразведка следила за судовыми экипажами на суше. Куда матросы ходили? Что они видели? Передавали ли они что-нибудь кому-либо, и не скрывал ли этот предмет донесения? Наши агенты контрразведки посещали все портовые трущобы и матросские кабаки.

Американские шпионы и «фабрика по переработке трупов»

Помнит ли читатель о «знаменитой» фабрике, перерабатывавшей трупы, на которой немцы якобы извлекали из своих мертвецов различные вещества, начиная от глицерина и смазочного масла и кончая кормом для птицы и даже маргарином и суррогатом масла? Что бы ни думали об этом в Англии, где эта история возникла, американская секретная служба имеет по поводу этой фабрики точные сведения. Один из американских агентов сообщил, что «фабрика по переработке трупов» действительно существовала и извлекала жиры из трупов, но из трупов животных, а отнюдь не людей.

Эта история окончательно разъяснилась только в 1925 г., когда генерал Чертерис заявил в Клубе национального искусства в Нью-Йорке, что английская разведка распространила этот слух с целью антигерманской пропаганды, заменив одно слово в надписях под снимками, изображавшими процесс извлечения жиров из трупов. Существовало даже намерение, впоследствии оставленное, написать фальшивый протокол, который послужил бы доказательством подлинности этой мрачной фотографии, и положить его в таком месте, где его мог бы найти корреспондент газеты.

Так или иначе, существование подобной фабрики доказывало, до какой степени была истощена Германия. Наши шпионы об этом сообщили и предсказали падение Германской империи гораздо раньше, чем оно совершилось. Они сообщили нам об ослаблении духа населения Германии после нескольких лет скверного и недостаточного питания; настроение падало с каждым днем в связи с поражениями и вследствие боязни, что Германия не сможет одержать победы до прибытия из Америки свежих войск. Впрочем, вот донесения американского шпиона в Германии:

«15 июля на Карлсруэ и Оффенбург состоялось воздушное нападение; 7 убитых, 21 раненый. Материальный ущерб огромный».

«Германское население все более и более враждебно относится к австрийцам. Оно упрекает их за то, что ему приходится их кормить, а они слишком трусливы, чтобы сражаться».

«Дух населения и армии падает с каждым днем. Еще около месяца тому назад немцы надеялись, что недавний призыв будет последним и до окончания зимы каждый вернется домой и отпразднует рождество в семейном кругу. Теперь же они совершенно подавлены; их разочарование ужасно. Они начинают проникаться убеждением, что все они будут принесены в жертву».

«Каждый раз, когда среди германских офицеров заходит речь об американцах, они говорят следующее: это — хорошие войска, превосходные солдаты, к которым мы питаем величайшее уважение, но они слишком молоды; когда они приобретут двух — или трехлетний опыт, то с них этого будет довольно».

«В общем, считается, что число американцев во Франции равняется миллиону».

«Население не сделало еще запасов в связи с зимней кампанией. Но после недавних событий на фронте начата усиленная кампания в пользу солдат. Все снова спешно вяжут перчатки, носки, белье, готовят обувь. Всюду висят плакаты: «Подумайте о бедных солдатах на фронте суровой зимою»

или: «Пусть все, у кого есть сердце, помогут солдатам, сражающимся, несмотря на холод и бури, ради святого блага родины».

По-видимому, шпионы оценили более правильно, чем некоторые генералы и государственные деятели, насколько близка была к катастрофе Германия.

Руководители союзных разведок не приняли в достаточной степени во внимание донесений, полученных от агентов о положении в Германии. В тот момент, когда разрабатывались условия перемирия, генерал Дуглас Хейг предостерегал от слишком суровых мероприятий по отношению к немцам. Он не разделял мнения генерала Петэна и генерала Першинга, что немцы согласятся на любые условия, которые навяжут им союзники. До самого последнего момента многие генералы не понимали, что Германия превратилась в пустую скорлупу, таящую голод и революцию. Донесения шпионов, составленные в таком духе, считались преувеличенными, хотя они и отражали действительное положение вещей. Вот кое-какие выдержки из этих донесений:

«9 июля 1918 г. Политические сообщения из Германии единодушны во мнении, что катастрофа неминуема и что не следует недооценивать ее значения».

«17 августа 1918 г. С некоторых пор население Германии стало ждать поражения армии, которая, по общему мнению, не сможет противодействовать огромному численному превосходству союзников. Никто не думает больше о победе. Средний класс полагает, что вмешательство Америки приведет к уничтожению германского народа. Однако рабочий класс говорит потихоньку об освобождении и надеется, что этой зимой милитаризм будет раздавлен».

«24 августа 1918 г. Агенты сообщают, что в пяти различных пунктах в Германии войска отказались идти на фронт».

«27 августа 1918 г. Германская цензура передала германской прессе следующую секретную инструкцию о том, в каких выражениях газеты должны говорить о недавно одержанных союзниками победах на Марне, Урке и Веле: «Надо признать, что наше положение стало до некоторой степени критическим. Не столь серьезен германский отход, как тот факт, что помощь американцев может оказаться достаточной, чтобы одержать верх над оборонительными силами центральных держав. Но, во всяком случае, не может быть и речи о 5 миллионах солдат, как изображают американцы. Это просто «блеф» американской прессы».

«Сентябрь 1918 г. Германские солдаты продают одежду со своих убитых товарищей. Они режут на куски седла и сбрую, чтобы чинить обувь. Раненые

по дороге в госпиталь продают свои сапоги товарищам».

В октябре признаки окончательной катастрофы были очень многочисленны.

Союзные и американские разведки полностью предсказали развал Германии. Если в сентябре агенты говорили о стремлении населения к миру, то в октябре они на этом пункте усиленно настаивали. Всеми имевшимися в их распоряжении путями они посылали донесения об отчаянном положении Германии. Наконец, в Германии произошла революция.

Глава шестая

Наш тайный мир

Заговоры и контрзаговоры после перемирия

Даже после германской революции не наступил еще конец тайной войны. Условия мира выработывались не всегда открытым путем.

Возникал вопрос: что собирается делать новая Германия? Была ли революция настоящей или мнимой, как опасались многие французы? Не намерен ли вернуться кайзер? Будет ли республика выполнять условия перемирия и заключит ли она мир или превратится в большевистскую? Если мы попытаемся распоряжаться во всей Германии, то не присоединятся ли спартаковцы к большевикам и не начнут ли они новую войну? Это было бы довольно опасно, если принять во внимание недовольство, начавшее распространяться в английской и французской армиях, в связи с медленным темпом демобилизации. Если же останется у власти нынешнее правительство, то какова будет его политика на мирной конференции? Возобновит ли Германия опять войну, если условия мирного договора покажутся ей слишком тяжелыми? Сможет ли она выдержать новую войну? Действительно ли она голодала или такие слухи распространялись с целью пропаганды для ускорения событий?

На все эти вопросы надо было ответить, прежде чем выработать условия мира.

Вот тогда-то показала свою превосходную работу наша секретная служба, и президенту Вильсону, так же как полковнику Хаузу, приходилось считаться с донесениями наших агентов. Их обоих донесения американских агентов удовлетворяли гораздо больше, чем донесения англичан или французов о положении в Германии. Донесения французов и англичан символизировали противоположность целей союзников и президента Вильсона при заключении мира, — противоположность, впоследствии приведшую мирную конференцию почти к краху и повлиявшую на ход мировых событий вплоть до наших дней. Эти донесения свидетельствовали о том, что союзники смотрели

на новую Германскую республику совсем иначе, чем президент Вильсон. Германская республика, в некотором смысле рожденная доктринами президента, подписала перемирие именно на основе этих доктрин.

Она была почти приемным детищем президента Вильсона, а между тем союзники начали оспаривать ее законность. Они подозревали предательство. Американцы прибегли к услугам разведывательного отдела, чтобы отразить эту дипломатическую бурю.

Теперь, когда кайзера не было и республика была провозглашена, зачем продолжать распрю? Но злоба, ненависть и подозрения так легко не проходят, и никто не мог предвидеть судьбу, уготованную этой республике.

Какая-нибудь ошибка нового республиканского социалистического правительства могла вызвать в тот или иной момент контрреволюцию со стороны партии германского юнкерства. Эта опасность казалась настолько реальной, что немецкие реакционеры финансировали раздоры внутри радикальной партии, желая воспользоваться страхом, внушаемым союзникам развитием революционных событий. Весь свет кричал: «Мир! Мир!», но не мог получить мира. Чтобы достигнуть мира, недостаточно было споров и деклараций, исходивших из Парижа.

Надо было укрепить и поддержать новое германское правительство и побудить его к подписанию мира с союзниками.

И вот американская разведка приступила к делу ради достижения мира. Помимо обычного отдела «боевого расписания», при американском штабе в Кобленце был учрежден «политический отдел» разведки, под руководством одного из самых квалифицированных офицеров — полковника Ньюболда Морриса; задачей этого отдела было собирание сведений обо всех политических течениях в Германии. Вскоре после перемирия генерал-майор Джордж Х. Хэррис отправился в Берлин с довольно большой группой американских офицеров для участия в работах межсоюзной комиссии, изучавшей вопрос о репатриации военнопленных в Германии. В действительности некоторые из этих офицеров не имели ничего общего с миссией генерала Хэрриса, хотя они и жили вместе с ним в отеле «Адлон».

Генерал Першинг, который хотел лично получать сведения о положении в Германии после перемирия, организовал передовой штаб в Трире. Этот штаб, начальником которого сначала был бригадный генерал Престон Броун, а затем полковник А. Л. Конджер, выполнил очень важную работу, до сих пор еще очень мало известную. Многие офицеры германской армии и представители германского правительства отправлялись туда, чтобы сообщить сведения американцам или узнать об их точке зрения. Впрочем, немцы были не единственными посетителями.

После продвижения до линии Рейна, начатого 1 декабря 1918 г., трудности, возникшие в связи с вопросом о возвращении союзных военнопленных, заставили генерала Першинга послать одного из офицеров своего штаба для обсуждения этого вопроса с генералом фон дер Марвицем, командовавшим тогда 5-й германской армией. После первого посещения американцев германский генеральный штаб решил вернуть долг вежливости, и таким образом было положено начало довольно частому обмену визитами.

Наша скрытая роль в Германии

Чтобы дать оценку той интересной, хотя и мало известной, роли, которую играла американская армия в этот период, необходимо вспомнить, что на германское правительство еще не смотрели тогда как на правительство, твердо стоявшее у власти. Массы требовали советского правительства и союза с Россией, тогда как другие элементы являлись открытыми сторонниками возвращения к монархии, бывшей, по их мнению, единственным якорем спасения для Германии. Даже в республиканском кабинете имелись «военная» и «мирная» партии, а вне кабинета составлялись многочисленные заговоры с целью установления диктатуры разного сорта и «возобновления войны». В Париже таких заговоров боялись почти так же, как в Берлине.

Союзники не были сторонниками оказания Германии помощи, но американская комиссия по вопросу о мире в Париже и американская армия на Рейне делали в этом отношении все, что было в их силах.

Вскоре после подписания мирного договора в Берлине часто говорили: «Присутствие двух лиц на мирной конференции было необъяснимо; этими лицами являлись президент Вильсон и американский полковник, Хауз, который так сильно вмешивается в наши дела». Конечно, мирный договор не удовлетворил многих, и когда финансовое здание Германии начало колебаться, одна большая берлинская газета писала на первой странице, что если бы во время перемирия германское правительство «стремилось к сближению с Францией, вместо того чтобы позволять руководить своей политикой американскому полковнику, то положение Германии теперь (1920 г.) было бы гораздо лучше».

В результате упорной и тайной работы молодой германской республике помогли удержаться. И к ней примкнули многие из ее первоначальных противников среди германских политических деятелей. Один из них, заявлявший, что Германия присоединится к Советской России, если союзники попытаются навязать ей слишком, тяжелые условия мира, вдруг умолк; другие открыто переменили мнение и даже высказались в пользу мирного договора. Кое-кто из американцев, знавших причину такой

неожиданной перемены, молча улыбался, но продолжал свое дело мира.

Немало американских агентов сыграло значительную роль в разрешении этой наиболее сложной задачи, которую когда-либо приходилось решать американской разведке.

В Берлине один «способный на все» американец, работавший за некоторое время до перемирия в качестве торговца в разнос туалетными принадлежностями на какой-то крупной железнодорожной станции, стал шофером военного министра Носке, не подозревавшего, что его шофер был американским полицейским разведчиком, конечно, под внешностью доброго немца.

Никто не знает, как другой полицейский разведчик в форме и с документами германского солдата, взятого в плен американцами, проник в самый Берлин и вернулся с чрезвычайно интересными донесениями, среди которых были сообщения об усилиях Японии вербовать германских солдат и матросов, обладающих техническими знаниями.

Наиболее интересными случаями в истории американского шпионажа в Берлине после войны является работа агентов А-1 и А-2. Природа создала их для этой работы. Оба они были блондины крепкого сложения и превосходно говорили по-немецки. Они были немного знакомы с журналистикой и в качестве «американских журналистов» могли задавать людям вопросы, не возбуждая особых подозрений. Именно так рассуждал американский разведывательный отдел, посылая их с фальшивыми документами в Германию. А-1 должен был сойти за корреспондента газеты «Сан» («Sun»).

К счастью для нас, он ни разу не встретил настоящего корреспондента «Сан» при американской экспедиционной армии. Впрочем, это было довольно естественно, ибо пока американские солдаты находились в долине Мозеля, А-1 завоевывал доверие совета рабочих депутатов одного из городов Северной Германии, где он ловко объяснил свое присутствие. Затем он хотел, — говорил он, — поехать в Берлин, чтобы печатно сообщить всему миру правду о германской революции. Он доверил членам совета тайну, что он тоже «красный». Таким неожиданным случаем совет, конечно, должен был воспользоваться для пропаганды.

Но раньше А-1 пришлось подвергнуться суровому допросу.

— Но я вам говорю, — настаивал мнимый журналист, — что я телом и душой с вами. Я ваш брат. Когда я попаду в Берлин, я скажу правду трудящимся всего мира.

Тогда слово взял один из самых влиятельных членов совета, старый

сапожник, ветеран классовой борьбы. Его слушали все. Он сказал:

— Я работал всю жизнь, чтобы увидеть этот день. Моя мечта сбылась. Тиранов нет. Правит немецкий народ. Но мир этого не понимает. Союзники нам не доверяют. Они не хотят поверить, что милитаристы и капиталисты обманывали всю Германию, что мы им верили и считали себя правыми во время войны. Теперь мы знаем, что все это ложь. Почему не позволить этому товарищу сказать правду трудящимся всего мира? Только правда может не допустить новой войны. Отпустим товарища в Берлин.

Агент А-1 едет в Берлин

Лишь тогда американскому агенту выдали удостоверение в том, что он является членом совета рабочих депутатов, и снабдили его рекомендательными письмами к Эберту и Шейдеману — руководителям нового правительства. Американский разведывательный отдел вручил ему еще и другие вещи, которые могли оказаться ему полезными, и он отправился в путь в Берлин, где на улицах еще трещали пулеметы.

Едва он очутился в поезде, как начались его мытарства. С большим трудом ему удалось получить место в вагоне, переполненном возвращавшимися домой солдатами и матросами. Вдруг он почувствовал сильную боль: кто-то наступил ему на ногу; он решил промолчать, но опять почувствовал, что ему наступили на ногу еще сильнее прежнего. Взглянув на грубияна, досаждавшего ему, он едва удержался от возгласа удивления, узнав в своем бородатом соседе знакомого французского агента. Через несколько минут оба они курили в проходе, из предосторожности разговаривая на превосходном немецком языке:

— Вы тоже едете в Берлин? — спросил француз.

— Да, — отвечал американец, — теперь если нас поймают, то мы не рискуем быть расстрелянными, как во время войны. Нам угрожает только тюрьма.

— Вы так думаете? А знаете ли, зачем я еду в Берлин? Чтобы заменить убитого недавно Александра; вы его помните? Он был разоблачен вот в таком поезде, как этот, и толпа повесила его, воспользовавшись для петли поясом. Немцы теперь совсем обезумели. Все возможно.

Но довольно разговаривать.

К счастью для А-1, полицейские с красными повязками на рукаве, осмотревшие багаж, нашли его бумаги в полном порядке. Поезд дошел до какого-то большого города и, так как до следующего дня поездов больше не было, А-1 пришлось там заночевать. Он зашел в пивную; едва он успел доест

жилистый венский шницель с морковью, запивая его плохим желудевым пивом, как ему пришлось подвергнуться самому ужасному испытанию за всю его жизнь. К его столу направились два немецких полицейских агента в сопровождении какого-то мужчины с орлиным взором, которого А-1 с трепетом узнал: это был один из сотрудников немецкой контрразведки.

В голове А-1 промелькнула мысль о задушенном французском агенте. Но он выпрямился.

— Не хотите ли присесть, товарищи, и выпить со мною кружку пива? — предложил он.

Они сели, но не прикоснулись к пиву, сообщив, что им надо задать товарищу несколько вопросов. Судя по его бумагам, он был корреспондентом газеты «Сан», но они хотели бы в этом удостовериться.

— Пожалуйста, — ответил А-1, — я готов отвечать на любые вопросы.

Через минуту он уже пожалел о своих словах, ибо человек с орлиным взглядом знал о нью-йоркской газете «Сан» гораздо больше, чем он.

Вместо того чтобы начать расспрашивать о том, где находится контора газеты и как она расположена, что было нашему американцу известно, ибо он работал в синдикате «Сан», немецкий контрразведчик сказал:

— Если бы я был репортером «Сан» и должен был бы туда писать, в чьи руки попала бы написанная мною заметка, прежде чем очутиться в типографии, в чьи руки она попала бы до 6 часов вечера и в чьи руки после 6 часов?

Должно быть, этот человек очень хорошо знал штат редакции, ее утреннюю и вечернюю смены; между тем нашему агенту были известны только немногие лица.

Их имена проносились в его голове: Спид, Бишоп, Лорд, Снадпер. Но он помнил всех служащих прежнего синдиката, старой конторы Лаффан. Он немедленно решил отвечать так, как будто в руководстве газетой «Сан» произошли большие перемены, и всех старых служащих, которых он не знал, заменили служащими синдиката, которые были ему знакомы. Дело пошло очень хорошо. Человек с орлиным взглядом хорошо знал состав старых служащих, до последнего грума, но не знал служащих синдиката.

— Товарищи, — сказал американец, выпьем за революцию!

Однако, приехав в Берлин, он не рискнул иметь дело с полицией. Она была слишком хорошо осведомлена о газете «Сан». Он не решался переменить документы, ибо по собственному опыту охоты за шпионами он знал, что это

верное средство возбудить подозрения. Поэтому он стал разыскивать место встреч красных, и после того как он показал письма «товарищей», говорил то, что следовало, и платил за желудевое пиво, он был принят как член совета из Северной Германии.

Он вполне ознакомился с политикой, которая проводилась в Берлине в начале зимы 1918/19 г. Он ходил на собрания спартаковцев, слушал, как, социалистическое правительство прокликает союзников и превозносит Россию. Американскому агенту очень хотелось узнать, не действуют ли спартаковцы сообща с большевиками; поэтому он бывал у некоторых русских, пил с ними самое лучшее вино, которое можно было достать в Берлине, и беседовал об их работе. Дважды А-1 слышал о плане свержения берлинского правительства. Когда солдаты Носке подавили мятеж на Александерплац, безжалостно расстреливая многочисленных красных, спрятавшихся в подвалах, то это оказалось возможным благодаря сведениям, которые дал Носке американский штаб, помещавшийся в отеле «Адлон».

Именно туда в качестве «газетного корреспондента» каждый вечер ходил американский агент с докладом. Но его доклады носили совсем иной характер. Он получал также инструкции и продовольствие, в котором нуждался, — конфеты, свиное сало, масло, шоколад. В Германии, терпевшей жестокие лишения, нельзя было найти плитки шоколада или нескольких граммов масла; посредством этих вещей можно было заставить людей заговорить.

У американцев имелись также мыло и зубная паста, бывшие в Германии по тем временам такой редкостью, что их употребление считалось неслыханной роскошью.

Все эти запасы сильно помогали американскому агенту, открывая ему многие двери. Кусок мыла был часто полезнее рекомендательных писем.

В Берлине существовал салон одной баронессы-еврейки, где собирались самые интересные люди, политические лидеры, кое-кто из спартаковцев, офицеры и журналисты. Может быть, это была ловушка для шпионов, но наш агент собрал там немало сведений. Он имел также свободный доступ в канцелярии рейхстага, если не в качестве журналиста, то как товарищ; однако однажды его постигла неприятная неожиданность. Швейцар, хорошо его знавший, дружески его предупредил:

— Вы знаете, кто-то выдает себя за вас. Я хорошо знаю, что вы корреспондент «Нью-Йорк Сан» и что вы регулярно приходите за известиями. А сегодня пришел какой-то незнакомец и представился как корреспондент вашей «Сан». Смотрите, вот его карточка.

Колени А-1 дрожали, когда он читал: «Карл Х. фон Виганд». «Сан» послала в Германию настоящего корреспондента.

— Да, он является представителем синдиката «Сан», — объяснил А-1 швейцару.

Но в этот вечер А-1 поторопился в отель «Адлон», где его начальник встретил его следующими словами:

— Я сегодня спас вам жизнь. Фон Виганд хотел передать вас немецкой полиции как самозванца. Я это дело уладил, но будьте очень осторожны.

Начиная с этого момента, изобретательность А-1 направилась по другому направлению. В одной важной правительственной канцелярии он знал хорошенькую Fräulein (барышню), чувствительную к плиткам шоколада и кусочкам мыла. Он пригласил ее обедать.

Обеды повторялись часто, десерт всегда черпался из запасов, хранившихся в отеле «Адлон». Наконец, журналист признался чувствительной девушке, что ему страшно хочется сделать карьеру, послав в свою газету какое-нибудь сенсационное известие. Она, в свою очередь, призналась ему, что ее начальник, который был важным правительственным чиновником, предупредил ее, что если когда-нибудь «этот журналист» пригласит ее обедать, она должна принять его приглашение и ловко его расспросить.

— Он вас очень не любит, — прибавила она, — и даже мне сказал, чтобы я не оставляла на столе бумаг, когда вы приходите в канцелярию.

Журналист нашел средство ее успокоить. При следующей встрече пылкая Fräulein передала ему связку бумаг со словами:

— Спрячьте это и посмотрите только когда вы придете домой.

Разоблаченные немецкие планы

Когда А-1 заглянул в эти бумаги, он едва не вскрикнул от радости. Это был изложенный на двадцати страницах новый план реорганизации армии Германской республики — армии численностью от 1 200 000 до 1 500 000 человек.

В плане были упомянуты все подробности, в том числе количество артиллерийских орудий, и даже названы некоторые офицеры. Этот план с поразительной ясностью свидетельствовал о намерениях военных руководителей республики. Речи о радикальном разоружении больше не было. Этот план доказывал правильность замечания, которое делали некоторые лица при виде немецких детей в прирейнских областях, а именно:

— Когда-нибудь нам придется с ними сражаться!

А-1 приколот эти бумаги к внутренней стороне своих брюк и поспешил в отель «Адлон».

Его начальник широко раскрыл глаза от удивления и в тот же вечер послал со специальным курьером донесение в Париж. Этим отчасти объясняется та настойчивость, с какой маршал Фош требовал разоружения Германии, и те усилия, которые после этого были приложены союзниками с целью сокращения германских вооруженных сил до 100 тысяч человек, как, предусматривал Версальский договор.

Этот успех сделал положение А-1 еще более опасным.

Начальник А-1 счел своим долгом представить его к повышению, но, к несчастью, бумаги, касавшиеся А-1, в продолжение нескольких секунд оставались в комнате, где находился без свидетелей один немецкий политический деятель, с которым познакомился начальник А-1, рассчитывая привлечь его к работе для дела мира.

— Его честь вне всяких подозрений, — сказал начальник А-1. — Но, без всякого сомнения, он прочел эти бумаги, и если ему выгодно донести на вас, как на шпиона, он это сделает.

— Я еще сделаю попытку, — сказал А-1 и вернулся к своим занятиям.

Одному весьма влиятельному немцу очень хотелось узнать, что происходило в зоне, оккупированной американцами. А-1 сообщил ему весьма секретные сведения о реальной численности американских войск, находящихся в готовности на случай надобности, например, если бы немцы отказались подписать мирный договор. Названная А-1 цифра крайне удивила бы генерал-майора Джозефа Т. Дикмана — коменданта Кобленца.

Однажды ночью американский агент сел за стол, чтобы написать донесение. Он провел вечер в нескольких берлинских ресторанах, видел, как немецкие спекулянты заказывали лучшие вина и тонкие кушанья, громко смеясь над президентом Вильсоном и его четырнадцатью пунктами. «Если бы я был президентом Вильсоном, написал А-1, то я не дал бы Германии ни кусочка хлеба». В этот момент он услышал на лестнице тяжелые шаги. Было уже поздно, и он завесил окна одеялами. Он знал, что германская полиция следила за его перепиской, особенно с вождями спартаковцев. Вероятно, теперь она собиралась ознакомиться с этой перепиской непосредственно. Шаги приближались. А-1 только начал свой доклад на очень тонкой шелковой бумаге. Ему оставалось лишь одно — проглотить ее. Пора уже было это сделать, так как в дверь постучали.

— Войдите, — сказал А-1.

На пороге показался рослый полицейский.

— Что вы тут делаете при завешенных окнах? — спросил он.

— Ничего, я размышляю.

— Вы размышляете в половине третьего ночи. Я должен сделать у вас обыск.

Но он ничего не нашел и удалился.

На следующий вечер американскому агенту позвонил по телефону его товарищ А-2. Этот второй агент приехал в Берлин после долгих споров с немецкой полицией по поводу кожаных дамских туфель, находившихся среди его багажа, от которых он ждал такого же эффекта, какого достигал его приятель благодаря мылу и шоколаду. Он тоже приехал под видом корреспондента газеты, но газеты финансовой, интересующейся экономическим положением Германии. В тот вечер А-2 казался напуганным.

— Приходите сейчас же в «Адлон», сказал он, для вас есть посылка.

Это был условный сигнал на случай опасности или важных известий. А-2 был предупрежден К., американской женщиной-агентом, что он попал под подозрение германской полиции. Вскоре он обнаружил, что за ним следили.

Начальник предложил ему подготовиться покинуть Берлин в любой момент, а пока оставить всякую, «работу», не писать докладов и жить нормально. Через некоторое время А-1 тоже заметил, что за ним следили, причем не один, а несколько человек. Когда ему сообщили опять по телефону: «Вас ждет в «Адлоне» большая посылка», — у него вырвался вздох облегчения.

На следующий день оба агента покинули Германию.

Разведывательный отдел горячо с ними простился. А-1 был повышен в чине, и его начальник представил его к медали «За отличную службу». Медали ему не дали, но написали в его личной карточке: «Разведывательная работа в неприятельской стране», что делается крайне редко.

Такая отметка могла бы быть сделана на карточках четырех или пяти американских журналистов, если бы они не были отправлены из американской экспедиционной армии в Америку, причем они должны были такому счастливому обороту дела, так как французы предлагали их расстрелять.

Это была неудачная, но весьма настойчивая попытка корреспондентов

добыть сенсационные известия. Ее совершили пять корреспондентов: Герберт Корей — представитель «Ассошиэйтед Ньюслеттер», Линкольн Аир из «Нью-Йорк Уорлд», Фредерик Смит из «Чикаго Трибюн», С. С. Лайонс из «Ньюспейпер Энтерпрайз Ассосиэйшен» и Джордж Сельдс, недавно вышедшая книга которого «Вы не можете этого напечатать» повествует о том, как эти пять человек, презрев все военные законы и не зная о напряженности международных отношений, рискуя жизнью, проникли после перемирия в германский тыл и получили интервью у Гинденбурга.

Выдавая себя за американских военных корреспондентов, они свободно разъезжали в автомобиле военного образца среди толп немецких солдат, возвращавшихся домой и принимавших их за «комиссию по снабжению», созванную американцем Элия для того, чтобы кормить республиканскую Германию. И вот, пока Сельдс ехал в Трир, чтобы принять на себя гнев разведывательного отдела, Аир, Смит и Лайонс находились в Берлине в гостях у совета рабочих и солдатский депутатов.

Они в ужасном напряжении провели в возбужденной германской столице неделю. Под страхом стрелявших на улицах пулеметов, под угрозой получить удар ножом, который мог нанести какой-нибудь фанатик, все еще обуреваемый военным пылом, день и ночь охраняемые, плохо питаясь, они добыли единственную в своем роде информацию о германской революции. Руководители нового правительства уступили тем же доводам, которыми пришлось пользоваться А-1. «Пусть весь мир знает правду о совершившемся». Каждый вечер они расспрашивали и интервьюировали Эберта, Гаазе, Шейдемана и других менее важных лиц, а затем обсуждали полученные сведения при закрытых дверях, замочные скважины которых были заткнуты.

Эти четыре молодца пустились на свою авантюру с немцами, но они не приняли в расчет американского разведывательного отдела. Между тем, по мнению этой организации, четверо бродяг-корреспондентов не только нарушили военные законы, но и поставили под угрозу всеобщий мир, достигнутый с величайшим трудом. Разведывательный отдел вполне реально представлял себе опасность, которой подверглись эти четыре человека. Какой-нибудь немец, разгорячившись, мог забыть о перемирии и выместить на них свою давнюю злобу. Это могло повести к осложнениям. Поэтому разведывательный отдел американского штаба послал всем своим европейским агентам описание внешности этих четырех человек одновременно с приказом их арестовать, если они попытаются выехать из Германии. Более того, все союзные цензоры получили по телеграфу приказ задерживать все сообщения из Германии. Таким образом, четыре корреспондента были не только пленниками, но им еще и заткнули рот.

При такой обстановке их посетил один немецкий чиновник из министерства иностранных дел.

— Я получил телеграфное сообщение, — сказал он с озабоченным видом, — приказывающее мне немедленно направить вас в американскую армию в Трир. Придется подчиниться, но это не обязательно сделать тотчас же. Если вы еще не собрали всех сведений, необходимых вам для того, чтобы высказаться о нашей революции, мы можем еще в течение нескольких дней отвечать, что мы вас не можем найти. Откровенно говоря, мы думаем, что написанные вами статьи будут лучшей пропагандой в нашу пользу.

Цензура, вооруженная револьвером

Но наши четыре американца находили жизнь в Берлине слишком утомительной и опасной. Они предполагали также, что так просто их дело не уладится, и на этот счет не ошибались. Когда они прибыли в американскую экспедиционную армию, то американский цензор встретил их с револьвером в руке. Но это было только начало. В Шомоне генерал Нолан в присутствии лучших своих сотрудников подверг их самому суровому допросу. Что они делали? Куда ездили? Что видели? Как все это им удалось? И особенно, зачем они все это проделали?

— Я не могу решить вашей судьбы, — сказал в заключение генерал Нолан. — Вы должны явиться к генералу Першингу.

Четверо преступников этого только и ждали; у них было письмо полковника Хауза. Они действовали совсем не так легкомысленно, как казалось на первый взгляд. Перед тем как пуститься в свою экспедицию, они посоветовались в Париже с этим молчаливым, но весьма влиятельным человеком.

— Предположите, — сказали они ему, — что опытные американские наблюдатели спешно отправятся в Берлин, чтобы посмотреть, что там делается. Пожелали бы президент и полковник Хауз получить их донесения?

Глаза полковника заблестели. Правда, у него была собственная разведывательная организация, но прямых сведений из Берлина он не имел. Тем не менее, он высказался с осторожностью.

— Правительство Соединенных Штатов, — сказал он, — хочет знать правду о положении в Германии и хочет, чтобы эти сведения исходили от американцев, а не от союзников. До сих пор большая часть получаемых нами сведений основана на слухах. Я не могу разрешить вам отправиться в Германию, но могу дать вам письмо.

Это письмо лежало на столе генерала Першинга в Париже, когда перед ним, робея, предстали четыре преступника.

Двое из них произнесли в свою защиту трогательную речь, говорили, что выполнили опасную работу для пользы родины и заслуживают не наказания, а, наоборот, награды и разрешения протелеграфировать в Америку все сведения, добытые ими в Германии.

Затем заговорил Корей:

— Генерал, вот уже четыре года, как я пишу об этой войне, но никто до сих пор не сказал правды.

Генерал Першинг стукнул кулаком по столу и воскликнул:

— Совершенно верно!

Французы предлагали расстрелять всех четырех за «разведку в пользу противника». Американцы же полагали, что не только гораздо человечнее, но и гораздо разумнее заставить их рассказать обо всем, что им было известно.

Поэтому корреспонденты провели долгие часы с полковником Хаузом, отвечал на его вопросы о германской революции, об ее успехах, о ее возможном будущем, о новой республике, ее руководителях и их намерениях. В тот момент никто в Европе не знал столько, сколько знали эти четыре человека.

— Мы думаем, что немцы поступают вполне сознательно. Революция реальна, республика не является химерой; американцы и союзники поступили бы правильно, поддержав ее.

«Самым опытным шпионам не удалось бы достигнуть больших результатов, чем достигли эти четыре человека», подумал полковник Хауз. Их доклад оказал влияние на первые впечатления президента Вильсона и его секретаря о новой Германии, с которой предстояло договариваться союзникам. Единственной наградой, полученной этой четверкой, было разрешение послать, наконец, телеграммы с описанием тех событий, свидетелями которых они были.

Но время сделало уже эти сообщения менее сенсационными.

Теперь же почетным званием четырех корреспондентов является звание шпионов-любителей президента Вильсона.

Заговоры против президента Вильсона

Во время мирной конференции профессиональные шпионы, по крайней мере, один раз спасли жизнь президенту Вильсону.

Немногие люди играли в то время такую значительную роль, как президент Вильсон. На него были устремлены глаза всего мира, причем иные без всякого доброжелательства. Поэтому неудивительно, что против него составлялись многочисленные заговоры, как реальные, так и воображаемые.

Однажды генерал Першинг получил по французской почте письмо от некоего американского солдата из Лангра, утверждавшего, что в настоящее время во Франции находятся два немецких шпиона с намерением убить президента. В следующем письме солдат уведомлял генерала, что оба немца выехали в Париж с целью выполнить свой план, но что бояться нечего, ибо за ними следили два американских солдата.

— Их надо найти, — сказал полковник Морено одному из своих самых искусных полицейских разведчиков.

Через 24 часа этот полицейский разведчик нашел не мнимых германских шпионов, а обоих американских солдат. Эти два молодца придумали всю историю, чтобы объяснить командиру своей роты необходимость в небольшой поездке; в течение всей войны они ему внушали, что они состоят на секретной службе, и таким образом добивались всевозможных поблажек.

Более конкретный проект убийства президента потерпел неудачу в Соединенных Штатах благодаря контрразведке.

Как раз в то время, когда после мирной конференции президент должен был вернуться в США на борту «Джорджа Вашингтона», какой-то немец, казавшийся сильно взволнованным, посетил полицейского комиссара нью-йоркского Ист-Сайда.

— Я немец, — сказал он, — но я не хочу, чтобы президент Вильсон был убит, как Линкольн.

— Убит! — воскликнул комиссар. — Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать — убит здесь в Нью-Йорке, когда он сойдет на берег, людьми, которые живут в моем доме. Они замышляют его убить. У них есть винтовки и бомбы. Они живут подо мною. Я слышу их споры через заслонку в трубе — вы знаете это старое устройство печей. Один из них предложил мне сто долларов, чтобы я молчал. Но я числюсь как иностранец из неприятельской страны и не хочу иметь неприятностей. И затем, если они убьют президента Вильсона, то это будет плохо для Германии.

Полицейский комиссар знал, что у капитана Джона Б. Тревора из

нью-йоркского отдела военной разведки имелся первоклассный диктограф. Какой превосходный случай им воспользоваться! По закону, следить за безопасностью президента обязана не военная разведка, а секретная служба казначейского ведомства. Однако на этот раз секретная служба казначейства не была посвящена в тайну; диктографом тоже пренебрегли.

Агенты явились в старый дом, где жили заговорщики. Они постучали в дверь; наблюдатель из военной разведки, находившийся на крыше соседнего дома, нисколько не удивился, увидя силуэты трех мужчин, поспешно спустившихся во двор по пожарной лестнице.

Неудивительно, что президента Вильсона так тщательно охраняли в эти беспокойные времена. Его личная охрана была усилена полицейскими разведчиками, выбранными в американской экспедиционной армии генералом Ван Деманом, которому было поручено возвести незримый, но непреодолимый барьер вокруг американского президента и американской делегации по ведению мирных переговоров в Париже. В течение всего пребывания президента во Франции день и ночь к нему была приставлена охрана, работавшая в три смены. Охранявшие президента люди могут подтвердить, насколько нелепы и необоснованны слухи, согласно которым одной из причин нервного переутомления президента было то, что он «усиленно проматывал свое состояние». Президент был так доволен своей охраной, состоявшей из полицейских разведчиков, что взял ее с собой в Соединенные Штаты.

Американская делегация по ведению мирных переговоров в Париже тоже превосходно охранялась в отеле «Крильон», где она помещалась. Все, кто переступал порог этого отеля, незримо проверялись секретной службой. То же самое относилось ко всем лицам, звонившим в отель по телефону или бывавшим там в ресторане. Почти все в отеле занимались шпионажем, за исключением, может быть, благосклонной богини, царившей за конторкой и продававшей папиросы и конфеты. Но и она все время записывала фамилии и номера телефонов.

Во втором этаже постоянно охранялась комната, где хранились карты, которыми пользовалась американская делегация для определения новых европейских границ, большей частью на основании сведений, собранных «управлением полковника Хауза». В это управление входила группа экспертов во главе с д-ром Сиднеем В. Мезесом, бывшим председателем нью-йоркского муниципалитета. К этим картам имели доступ только пять членов делегации: президент Вильсон, полковник Хауз, государственный секретарь Лансинг, генерал Блисс и Генри Уайт.

Газетные корреспонденты, посланные на мирную конференцию, жаловались на то, что значительная часть ее работы протекала за кулисами. Иногда у

них возникал вопрос, действительно ли их телеграммы избегали цензуры, как их постоянно уверяли, особенно со стороны французов.

Их сомнения можно было оправдать примерами такого рода: телеграмма, посланная из Парижа и гласившая: «Франция никогда столько не получала ни по одному договору», приходила в Нью-Йорк с запозданием на день в следующем виде: «Франция никогда столько не забывала ни по одному договору». Но эти корреспонденты так и не узнали, насколько их телеграммами интересовалась американская секретная служба.

В этот период автор настоящей книги встретил в коридорах отеля «Крильон» одного своего нью-йоркского знакомого, бывшего до войны журналистом, которого несколько месяцев тому назад он видел в военной форме на Вельском фронте. Теперь, демобилизовавшись во Франции, этот человек, присутствовал на мирной конференции в качестве корреспондента «Попюлар Сайенс Монтли». Это казалось странным. Во всяком случае, у него был официальный корреспондентский билет. Мы беседовали в течение нескольких минут, обменялись впечатлениями, и больше я его не видел.

Некоторое время тому назад я случайно встретил его в Нью-Йорке в метро.

— Итак, вы пишете о секретной службе, — обратился он ко мне. — Я вам сейчас кое-что расскажу: вам это может быть полезно. Вы помните нашу встречу на мирной конференции? Я вам тогда сказал, будто я работаю в «Попюлар Сайенс». А я был полицейским разведчиком. И знаете ли вы, какое было у меня задание? Следить за американскими корреспондентами, в частности за их дурными привычками и слабостями. И мое первое донесение касалось вас.

Такую роль играл не один он. Другие смысленные молодые люди, имевшие опыт по части журналистики, были такими же представителями: «Нэйшенс Бизнес» в Париже, как в свое время «Кристиан Гералд» в Бресте. Их бумаги были в полном порядке, и они присутствовали на всех заседаниях представителей печати. Их доклады о поведении настоящих корреспондентов позволяли секретной службе пользоваться по отношению к последним своими излюбленными средствами — вином и женщинами.

Но это было еще далеко не все. В начале конференции, в тот момент, когда Совет десяти, состоявший из министров и послов Соединенных Штатов, Англии, Франции, Италии и Японии, принимал свои важнейшие решения, на всех ею заседаниях присутствовал американский секретный агент. Орсейская набережная[19] поручила ему и еще одному французскому агенту следить за безопасностью десяти. И когда француз становился по одну сторону двери зала заседаний, американец становился по другую. Стараясь уловить каждое слово, он слышал обсуждение чрезвычайно важных вопросов,

касавшихся передела карты мира. И каждый вечер он докладывал обо всем слышанном своему начальнику. Но нашим агентом был ирландец из Америки, знавший только свой родной английский язык, да еще какой английский! Девять десятых того, что говорилось на конференции, ускользало от него, и именно это было яснее всего видно из его докладов.

На другого американского агента в течение определенного времени было возложено задание не допускать, чтобы президент Вильсон принял Венизелоса, требования которого были противоположны требованиям Италии. Может быть, агенту следовало изменить свою внешность и похитить Венизелоса, но он потерпел по воем линиям неудачу.

Венизелос виделся о Вильсоном, и те неприятности, которые позже имел президент с итальянцами по поводу Фиуме, приписывают красноречию греческого министра. История не сообщает нам имени того влиятельного американца, которому так хотелось помешать встрече этих двух политических деятелей.

В то время как секретная служба продолжала свою работу в Париже, американская экспедиционная армия не была в безопасности от предательства и интриг, по мере того как она продолжала свой исторический поход на Рейн. Первым этапом ее похода был Люксембург, а это живописное маленькое герцогство скрывало больше интриг, чем вдесятеро большие государства. Германская армия нарушила нейтралитет Люксембурга без всякого труда, ибо армия Люксембурга, состоявшая из молодцов 6 футов роста, в блестящей форме, насчитывала всего 600 человек.

В течение четырех лет захватчики высасывали все соки из страны; великая герцогиня Люксембургская стала невестой кронпринца Рупрехта Баварского, по возрасту годившегося ей в деды. Теперь, когда Германия проиграла войну, эта маленькая страна пребывала в большом волнении. Во всяком случае, население единодушно приветствовало американских завоевателей; бывшие солдаты из 3-й армии об этом еще помнят.

Они помнят также как жители, толпившиеся по сторонам широких дорог, ведущих из одной живописной деревни с розовыми, голубыми и зелеными домами в другую, предлагали солдатам разные напитки. Имевшие счастье попасть в Люксембург помнят даже о том, как те же самые напитки подавались в казино, бывшем так долго закрытым; может быть, они припоминают также речь одного члена Христианского союза молодежи, без усталости повторявшего, взгромоздившись на стол:

— Американская армия благодарит вас за превосходный прием. Мы счастливы, что нам удалось освободить Люксембург. И мы уверены, что если бы когда-нибудь оказались захвачены Соединенные Штаты, Люксембургская

армия явилась бы нас освободить.

Он повторял свою речь каждый вечер. Разведывательный отдел решил, что такая речь «может вызвать недовольство», и оратор исчез.

Столица великого герцогства волновалась. Что теперь будет? — думали жители. Все они считали неизбежным отстранение великой герцогини вследствие поражения ее партии, и, действительно, она отреклась от престола в пользу своей младшей сестры. Какое же положение создастся теперь? Одна из партий выставила следующий лозунг: «Мы хотим остаться тем, чем мы были», т. е. самостоятельным великим герцогством, нейтралитет которого должен быть гарантирован. Опыт показал, говорили их противники, что гарантированный нейтралитет — это мыльный пузырь; поэтому они требовали присоединения Люксембурга к Бельгии. Сторонники этой политики пытались даже добиться присылки бельгийских войск, якобы для участия в параде. На их стороне действовали французы.

Сначала по всему городу стали распространять воззвания, требовавшие присоединения Люксембурга к Франции. Затем в толпе раздавались крики: «Да здравствует Франция!» Излюбленным местом манифестаций подобного рода была большая площадь перед отелем «Великого пивовара», где тщетно старались уснуть приезжие американцы.

Большинство манифестантов были люксембуржцами, выпившими в казино достаточно красном вина, чтобы кричать «ура» по любому поводу.

Полицейский разведчик представляется великой герцогине

Два полицейских разведчика приблизились к настоящему трону — к трону великой герцогини люксембургской. Под видом американских журналистов, который так любили принимать полицейские разведчики, двое из них явились к привратнику, охранявшему главный вход в люксембургский парламент. Оба они были в хороших костюмах и имели при себе документы, удостоверявшие, что они являются представителями известных американских газет.

— Мы посланы, — объяснили они по-французски, — чтобы информировать наши газеты о чрезвычайно важных дебатах, происходящих в настоящее время в вашем парламенте по вопросу о будущей политике Люксембурга. Американский парод очень интересуется вашей страной, так много страдавшей и так приветливо встретившей наших солдат.

Польщенный привратник их впустил. Они без труда проникли в зал парламента, встретились с представителями всех партий, расспросили их, прислушались ко всем немецким и французским разговорам и

присутствовали при прениях. В конце концов, они были представлены всем великим герцогиням.

Кроме небольшой доли оборонительной контрразведки против тех из союзников, кто придавал заключению мира иной смысл, чем мы, мы занимались наступательной контрразведкой против немцев, с которыми наша секретная служба должна была оставаться на положении войны до подписания мира. Война могла возобновиться в любой момент, потому ли, что спартаковцам удастся занять в Берлине господствующее положение, потому ли, что республиканцы откажутся подписать договор. Война означала бы наступление союзных армий та Берлин, которому немцы старались бы противодействовать. Таким образом, у разведывательного отдела были две задачи: знать возможно больше о германской армии, которая должна была бы отражать наступление, и устроить так, чтобы немцы как можно меньше знали о нашей 3-й армии, которая должна была бы это наступление вести.

В то время наша секретная служба, как и все прочие службы американской экспедиционной армии, действительно знала свое дело. Некоторые полицейские разведчики были уволены, а другие на опыте научились работе секретных агентов. Кроме того, их задача облегчалась местными условиями в Люксембурге и в Германии. Американскую зону называли иногда зоной голландского дяди, настолько велико там было число жителей, имевших племянников в Соединенных Штатах. В Чикаго больше люксембуржцев, чем в самом Люксембурге, а в Милуоки больше немцев, чем в Кобленце. Тысячи солдат оккупационной армии говорили по-немецки. Значительное число полицейских разведчиков было немцами по рождению.

Поэтому сведения поступали в огромном количестве.

Немцы прибегли к старому методу, которым пользуются все отступающие армии, а именно, они оставляли позади себя шпионов под видом крестьян. Большинство этих шпионов скоро провалилось. Население передавало их в руки американской разведки, иногда из дружественных побуждений, а иногда, чтобы получить какой-нибудь подарок — кусок мыла или плитку шоколада. Таким образом, мы обнаружили в Люксембурге много немецких шпионских гнезд и выдали их французам.

По просьбе союзников наша секретная служба всюду искала бывших командиров германских подводных лодок, грабителей и людей, обвинявшихся в зверствах. Англичане составили черные списки последних, и об этом в Германии знали. Один немец, арестованный на вокзале в Кобленце, немедленно запротестовал:

— Но ведь моя подводная лодка никогда не топила госпитального судна.

В другом случае французы просили американцев арестовать одного бывшего офицера, пользовавшегося очень дурной репутацией. Его хитростью выманили из дома и в его отсутствие произвели у него обыск. Были найдены бесспорные улики грабежа — ящики с бельем, с серебром, ковры, награбленные им в домах Дуэ.

— Почему вы меня арестовали? — спросил он.

— Нам известны все ваши действия, — ответил полицейский разведчик.

В ту же ночь немец покончил в тюрьме самоубийством.

Новая германская республика не была невинна по части шпионажа. Германская секретная служба работала активнее, чем когда-либо. Она систематически допрашивала всех немцев, возвращавшихся из оккупированной зоны. Она посылала опытных агентов в Кобленц. Полицейские разведчики в свою очередь встречали все приходившие поезда и брали под наблюдение некоторых агентов тотчас же по их приезде. Другие оставались незамеченными. Один из них выдавал себя за зажиточного торговца маслом и яйцами. Его торговля казалась вполне реальной, бумаги были в порядке, родился он в США. Он не внушал никаких подозрений, и его пропустили. Но вскоре некоторые его действия показались подозрительными. Быть может, он задавал слишком много вопросов, касавшихся оккупационной армии. Быть может, он слишком часто забывал, что находившиеся в Кобленце немцы из Америки были скорее американцами, чем немцами. Как бы то ни было, однажды вечером его посетил человек в костюме, по всей видимости, сшитом в Германии во время войны. У него была чисто немецкая внешность и речь и манеры настоящего немца.

— Я приехал из Берлина, — сказал он. — Меня послали вам в помощь.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, — ответил торговец.

Незнакомец доказал ему, что он очень хорошо понял, о чем идет речь, и стал его компаньоном. Под различными предлогами они разузнавали обо всем, касавшемся американских полков в Германии: об их передвижениях, численности, моральном состоянии. По ночам, запершись в своей конторе, они записывали результаты своих исследований на тонких листках шелковой бумаги. Все эти листки они спрятали в двойном дне чемодана, принадлежавшего коммерсанту, который намерен был направиться кружным путем в Берлин. Он послал свой чемодан на вокзал, взял билет и в ожидании отхода поезда пошел прогуляться по городу.

Купца хлопнули по плечу

Вдруг он почувствовал то, чего больше всего на свете боятся преступники и шпионы: его слегка хлопнули по плечу. Резко обернувшись, он увидел двух человек в форме американских сержантов.

— С вами желает поговорить полковник Вильямс, — сказал один из них. Затем, обратившись к товарищу, он прибавил:

— Ты его веди, а я пойду сзади.

Шпион был безоружен. После некоторого протеста ему пришлось отправиться в сопровождении обоих сержантов в канцелярию начальника разведывательного отдела оккупационной армии полковника Р. Х. Вильямса.

— Узнаете ли вы это? — спросил его полковник, протягивая ему пачку листков шелковой бумаги, покрытых мелким почерком.

Шпион побледнел, как мертвец. Он отступил на шаг и пробормотал:

: — Ах, вот как! Передать вам эти листки мог только мой компаньон.

И, пытаясь овладеть собою, он спросил, глядя на полковника, Вильямса:

— Вы поведете меня сейчас же или у меня еще хватит времени написать семье?

Он был убежден, что его расстреляют. Официально война еще продолжалась. Но полковник Вильямс прибегал к лучшим методам, чем расстрел. Он улыбнулся и, погрозив пальцем шпиону, сказал:

— Послушайте, какая для нас польза вас расстрелять? Ваши донесения у нас, половину собранных вами сведений вы бы могли найти в наших газетах. Мы предпочитаем, чтобы вы вернулись в Берлин и сказали пославшим вас людям, что мы их раскусили. Если они хотят знать о нас больше, пусть читают газеты или нам напишут. Мы им ответим. Почему бы нам не ответить? Германская армия является теперь тенью того, чем она была. Американская оккупационная армия могла бы ее разбить без всякой помощи извне. Мы это знаем. К чему же нам беспокоиться?

Немец так и открыл рот и вытаращил глаза. Он не мог себе представить, чтобы таким образом мог говорить какой-нибудь офицер германской разведки. Но это был не сон, а действительность. Полковник Вильямс предложил ему сигару.

— Черт побери! — выругался он. — С меня хватит. Я часто в жизни рисковал и всегда выходил сухим из воды, но против вас бороться невозможно. Человек, которого вы ко мне подослали, был больше немцем, чем я сам. Я

передам «им» в Берлине ваши слова и брошу секретную службу.

По всей вероятности, он сдержал слово, ибо после этого случая он нигде больше уже не появлялся.

— Если бы мы расстреляли этого парня или посадили его в тюрьму, — объяснил полковник, — его начальники решили бы, что у нас есть много такого, что следует скрывать, и послали бы к нам целый легион шпионов.

Однако шпионов и без того было немало. В их числе, между прочим, находились два чиновника министерства иностранных дел: барон фон Маетука и фон Рейнбабен, приехавшие под видом рабочих с фальшивыми документами. Фон Рейнбабен выкрасил волосы.

Наша ловушка для шпионов на Рейне

Такой наплыв подозрительных людей заставил оккупационную армию прорубить оконце, через которое она могла бы за ними наблюдать. Роль оконца играл «Ризенфюрстенгоф», бывший тогда, так же как и теперь, одним из лучших отелей в Кобленце; он расположен на берегу Рейна против крепости Эренбрейтштейн. В 1919 г. этот отель пользовался широкой известностью, так как в нем помещался корреспондентский клуб, но тайный мир знал, что он являлся американской ловушкой для шпионов. Все, происходившее в этом отеле, становилось известно американской секретной службе. Он был в Кобленце тем же, чем отель «Крильон» — в Париже.

Во многих комнатах там были установлены диктографы.

Служащие на телефоне, горничные и посыльные — все были американскими агентами. Разведывательный отдел проводил по коридорам этого отеля, имевшим тысячи ушей, всех подозрительных лиц, прибывавших в Кобленц, большей частью немцев, кое-кого из союзников и некоторых американцев. Немало приезжих обнаруживало, что единственным отелем, где можно было найти свободную комнату, был «Ризенфюрстенгоф», и многим из тех, кто в нем останавливался, до сих пор неизвестно, почему они не получили разрешения на осмотр некоторых предметов и мест, которые они хотели видеть.

Приблизительно в это время американская разведка на Рейне заканчивала выполнение своего главного задания, состоявшего в выяснении того, что предпринималось противной стороной на случай наступления 3-й армии. Выполнение этого задания сводилось не только к наблюдению за неоккупированной частью Германии, через которую в последнем случае пришлось бы проходить американцам, но и к выяснению того, что осталось от германской армии. Дело это было поручено полицейским разведчикам,

разъезжавшим по стране на мотоциклах, в форме или в штатском, и в оккупированной зоне и по городам, находившимся за пределами американского расположения. Они ездили, куда им было угодно, снабженные удостоверениями, разрешавшими им «разъезжать повсюду в зоне расположения 3-й армии в любой час дня и ночи, пользуясь любыми средствами транспорта, в форме или в штатском». Они имели разрешение открыто или тайно носить при себе револьвер или автоматический пистолет, и никто не имел права их задерживать.

Вся эта регламентация свидетельствует о том, какое важное значение придавалось секретной службе на Рейне.

Нами агенты — немцы из Америки

Неудивительно, что, пользуясь такими привилегиями, наши полицейские разведчики — немцы из Америки, говорившие по-немецки, как на родном языке, могли добиться всего. Они могли, не привлекая ничего внимания, остановиться в любом германском городе. Но они не колебались и тогда, когда приходилось пользоваться более смелыми методами. Перевозка польской армии в Польшу послужила для них именно таким случаем.

Значительное число солдат, составлявших польскую армию, были поляками из Америки, вступившими в Соединенных Штатах в армию для службы на Западном фронте. После перемирия некоторые из них вернулись в Америку, а другие направились через Германию в Польшу; такая поездка была очень рискованной и вызвала большой беспорядок и путаницу, которыми воспользовался американский разведывательный отдел. Когда воинские поезда проходили через Кобленц, многие полицейские разведчики, говорившие по-немецки, сели в вагоны, чтобы служить «переводчиками». В Гиссене они сошли и остались на станции, якобы для того, чтобы помочь бесперебойному движению поездов. В действительности же они осмотрели весь Гиссен, главным образом, с точки зрения его пропускной способности. Кончилось тем, что они доставили в Кобленц планы, в точности отражавшие пропускную способность станции на случай передвижения крупных войсковых масс.

В случае наступления на Берлин Гиссен был бы одним из наших наиболее значительных железнодорожных центров. Полицейские разведчики были в форме и рисковали только тюрьмой, если бы их арестовали.

Таким образом, если бы угроза немцев отказаться от подписания мира осуществилась, наступление союзников протекало бы не вслепую. Благодаря полицейским разведчикам — немцам из Америки полковник Вильямс имел точную карту, на которой были нанесены численность, вооружение и все передвижения германских войск в районе радиусом в 800 км. Полковник

Вильяме снабдил экземплярами этой карты английскую, французскую и бельгийскую оккупационные армии, по мнению которых она была полнее составленных ими карт.

В определенный момент союзные армии были бы готовы к наступлению, хотя угрозы Германии отказаться от подписания мира воспринимались как временный приступ дурного настроения или как жест, сделанный для удовлетворения народной гордости, прежде чем покориться неизбежности.

Весна 1919 г. на Рейне была очень опасным временем для американской экспедиционной армии. Война кончилась, но мир не наступал, и никто не возвращался к своему очагу. У каждого в мыслях были волнения во всем мире, беспокойство о том, что делается в Соединенных Штатах, как живет семья, и как идут дела. И каждый недоумевал, почему Першинг не отправляет нас домой. Настроение упало, прежние герои превратились в вечно ноющих людей. Секретная служба обо всем этом знала благодаря безмолвным наблюдателям и почтовым цензорам и была готова к волнениям.

Глава седьмая

Приключения женщин-шпионок

«Женщины не являются хорошими шпионками, вопреки мнению некоторых женатых мужчин».

Так во время войны говорил своим офицерам начальник британской разведки сэр Бэзил Томсон. Это не всегда верно. Секретной службе трудно обойтись без женщин.

У англичан было несколько очень ловких шпионок, но англичане считали, что французы слишком широко пользовались услугами женщин, дававших им ложные сведения; впрочем, французы это отрицали. Одним из лучших американских агентов была женщина. Среди лучших шпионов, работавших в пользу Германии, тоже была женщина.

Шпионка... Когда слышишь это слово, возникает представление о красивой, романтической, соблазнительной, ловкой женщине; она пользуется своим обаянием, чтобы вырвать тайны наивного человека, и, благодаря своей женской интуиции, расстраивает неловкие замыслы мужчины, стремящегося ею овладеть. Слово «шпионка» внушает представление о надушенной черной шелковой маске — эмблеме интриги.

Иногда такой образ встречался в жизни; некоторые шпионки играли романтическую роль при столкновении народов. Желая заставить заговорить какого-нибудь человека, умевшего молчать, европейская секретная служба часто пользовалась услугами женщин. Обычно женщина добывала сведения,

но иногда добытые ею сведения оказывались ложными. Из женщин, посланных из Соединенных Штатов во Францию для работы на американской секретной службе, лишь очень немногие знали армию так хорошо, как европейские женщины. Им было трудно заставить солдат заговорить.

Женщины-шпионки, конечно, обладают большей способностью, чем мужчины, скрывать свое истинное лицо. Но руководители разведки единодушны в том мнении, что женщины страдают тремя недостатками: во-первых, их донесения, особенно касающиеся военных объектов, имеют тенденцию быть неточными и преувеличенными; во-вторых, женщины устают гораздо скорее мужчин и не могут долго выносить нервного напряжения; в то же время они восстают против долгих периодов спокойствия и однообразия, главным образом составляющих жизнь шпионов. Наконец, они влюбляются и, что хуже всего, именно в того мужчину, за которым им поручено следить.

Женщины идут на секретную службу из различных побуждений, чаще всего из любви к приключениям. Некоторые добивались блестящих успехов, но большинству секретная работа была очень тяжела. Повесть их жизни волнует. Из трех самых знаменитых шпионок две, вышедшие из лучшего общества и получившие превосходное образование, кончили провалом. Та, которая добилась успеха, была наименее женственна из трех. Она напоминала Медузу; впрочем, и ее постигла печальная судьба.

Некоторые шпионки занимали в обществе высокое положение, например, сестра кайзера греческая королева София; другие стояли на социальной лестнице очень низко, как, например, молодая женщина из Лонгви, которую арестовали американцы. Она использовала собственного брата француза, чтобы добывать сведения, которые она продавала немцам за сто долларов. Мата Хари пользуется такой широкой известностью, что о ней мы в настоящей книге говорить не будем. И затем есть много других женщин, имена которых остались в тени, между тем как они заслуживают упоминания.

Американские шпионки

Немало бывших американских солдат до сих пор не подозревают, что на американской секретной службе в Европе и во Франции работало 25 женщин. Они составляли часть наших вооружений, так же как пушки, колючая проволока и Христианский союз молодежи. Однако, из тех женщин, которые предлагают свои услуги для работы в разведке, отбирались очень немногие. Большинство же помогало выявлять немецких шпионов, хотя и не работало в разведывательном отделе штаба.

Жена одного офицера посылала очень полезные сведения из Парижа, где она

работала в Красном Кресте. Некоторые женщины — настоящие шпионки, или агенты, — перебрасывались в неприятельскую страну, где они достигали в своей работе самого разнообразного результата — от великого до смешного. Среди них была и та женщина, о которой я уже отзывался как об одном из лучших агентов американской секретной службы. Она никогда не являлась «шпионкой» в вульгарном смысле слова. Она была настоящей светской дамой, и это способствовало ее успеху и делало ее приключения еще более поразительными.

Побуждения, толкнувшие ее вступить на секретную службу, так же интересны, как и все, относящееся к ее личности. Принадлежа к одной известной на юге семье, культурная, образованная, умная, обладавшая приятной внешностью, она была очень счастлива в семейной жизни.

Смерть мужа нанесла ей такую рану, которую не могла излечить работа в крупной газете, которую она вела. Горе заставило ее искать такого занятия, которое поглотило бы ее всю целиком — душой и телом. Стремление служить родине и вера в собственные силы толкнули ее в разведку. И она стала лучшим из всех секретных агентов — шпионкой. Некоторые знавшие ее лица могут подтвердить, насколько она блестяще играла свою рискованную роль.

Она появилась в Париже на мирной конференции в качестве корреспондентки одной газеты. Как и все прочие корреспонденты, она собирала сведения в американском штабе в отеле «Крильон» или в штабах многих других стран, представители которых собрались в Париже после перемирия. Время от времени она посещала зал прессы, где американские корреспонденты собирались для обсуждения тех «мелочей», происходивших на мирной конференции, которые по той или иной причине не могли быть опубликованы. Иногда это были закулисные сплетни, иногда то, что скрывалось под каким-нибудь важным полуофициальным сообщением, опубликованным в «Тан», иногда сообщение о сделанном в это же утро заявлении полковника Хауза некоторым американским корреспондентам. Она ко всему прислушивалась, а затем обо всем сообщала в разведывательный отдел американской делегации по ведению мирных переговоров, не возбуждая ни малейших подозрений среди своих коллег-журналистов, гордившихся своей бдительностью. Однажды она им сообщила, что уезжает в американскую зону на Рейне в Кобленц, и исчезла. В действительности же она уехала в Берлин. Кобленц был для нее только этапом, где офицеры разведывательного отдела оккупационной армии показали ей, как перейти фронт. Для того чтобы перейти фронт, требовалась большая ловкость, ибо за пределами расположения американских постов и нейтральной зоны находились войска Германской республики, а никто в неоккупированной части Германии не был особенно расположен к

союзникам, господствовавшим на «священной германской реке».

Осенью 1919 г. положение новой Германской республики было довольно непрочным. Борьба партий продолжалась. На улицах часто происходили бои. Однажды, когда полковник Вильямс разговаривал по телефону из Кобленца с находившимся в Берлине генералом Хэррисом, он услышал в аппарате треск пулемета.

— Опять началось, — заметил генерал Хэррис, — только что в окне пулей пробило стекло.

Агент № 8, занимавшийся шпионажем для президента Вильсона

Только в Берлине можно было найти ответ на важные вопросы, которые хотел разрешить относительно новой Германии президент Вильсон. Иногда ответы на эти вопросы находились в записной книжке нашей журналистки. Она была неумоима. Наконец, она нашла себе занятие, поглощавшее ее всю целиком, не оставлявшее ей времени для размышлений о своем горе. Она работала день и ночь, писала специальные статьи для своей газеты и еще более «специальные» для разведки; в этих статьях она сообщала сведения, за которые дорого бы заплатили газеты; сведения носили политический, социальный и экономический характер и подвергались оценке ее скорее мужского, чем женского ума; изложены они были ясно и живо. Все офицеры разведки, читавшие ее донесения, восхищались агентом Q, или № 8.

Она извлекала максимальную пользу из следующих трех преимуществ: она была американка, журналистка и хорошо говорила по-немецки. Вскоре после своего приезда в Берлин она пила кофе с новыми руководителями правительства, хотя и поддерживала такие же хорошие отношения с семьями старых кайзеровских генералов.

До сих пор никто еще не рассказывал о следующем происшествии: весной 1919 г. три человека с громкими именами замыслили государственный переворот, который в случае успеха поверг бы новую Европу опять в войну.

Их целью было разделение Германии на две части. Новое государство, в состав которого должны были войти Восточная Пруссия, Латвия и Литва, возглавляемые тремя генералами, которых должно было поддержать прусское юнкерство, прибалтийские бароны, штыки знаменитой германской железной дивизии и латвийские и литовские войска, явилось бы маленьким юнкерским раем и очагом волнений для всей Европы. Наша американка помогала собирать в Силезии сведения, отсылавшиеся в Париж, благодаря которым заговор потерпел неудачу; германская республика, в такой же мере, как и союзники, боявшаяся успеха этого переворота, была спасена.

Суждения этой женщины были часто очень верными.

По ее мнению, Германская республика честно прилагала старания и добьется успеха, если ей не станут мешать союзники, и германская делегация на мирной конференции под руководством Брокдорфа-Ранцау кончит тем, что после некоторых дебатов подпишет договор, предложенный союзниками.

Однако, почуяв, что немцы начинают догадываться об ее двойственной роли, наша американка вернулась в Кобленц. Там ее ждало новое задание, от которого при своей любви к приключениям она не могла отказаться.

Английская и американская разведки только что раскрыли дюссельдорфский заговор. Большинство его участников было арестовано, на свободе оставалась одна лишь голландка, скрывшаяся в глубь Германии. Ее местопребывание было неизвестно, но ее показаниям придавалось большое значение.

— Я ее найду и вам доставлю, — сказала американка.

Возвратившись в страну, где она боялась быть разоблаченной, она искусно и терпеливо принялась за розыски и, в конце концов, обнаружила заговорщицу на Верхнем Рейне. Убеждением и хитростью ей удалось заставить эту женщину вернуться в Дюссельдорф и сделать признание. Американка могла бы теперь почить на лаврах, и ее эпопея была бы окончена, но она еще не была удовлетворена. После Германии ее влекла Россия. Ее пытались разубедить, но тщетно.

— Эти большевики опасны. Если они вас разоблачат, то это верная смерть. Вам там не место, — говорили ей.

— Я попробую и думаю, что успешно, — спокойно ответила она.

Говорят, будто она даже была лишена возможности попробовать, ибо красные агенты выследили ее еще до того, как она перешла границу. Но они выждали несколько месяцев, прежде чем ее арестовать. Они правильно поступили, предоставив ей возможность играть свою двойственную роль, ибо ее донесения в Вашингтон не касались Красной Армии или военных вопросов, а были посвящены исключительно экономическому и политическому развитию Советской Республики, отличались точностью и даже иногда давали благоприятную оценку новому советскому политическому строю. Стремясь к выяснению истины, она опровергла некоторые выдумки, как, например, басню о национализации женщин; это сумасбродное предложение было внесено какой-то темной московской анархистской, а отнюдь не коммунистической газетой. Она предсказала также прочность советского правительства.

Тем не менее, она долго просидела в тюрьме и едва не была расстреляна.

В конце концов, ей дали возможность уехать, и она вернулась на родину. Среди всех своих приключений она не позабыла о своем горе.

Жанна д'Арк тайной войны

Из всех женщин, участвовавших в мировой войне в качестве шпионок, самый волнующий образ — это образ Луизы де Беттиньи. Луиза де Беттиньи не была наемницей. Она выполняла свою секретную работу, ни на один момент не унижаясь и не пользуясь своими женскими преимуществами. Луиза де Беттиньи завоевала уважение и друзей и врагов. Долгое время ей блестяще удавалось вести свою секретную работу. Но, тем не менее, она была чувствительной женщиной, потерпела неудачу и умерла в тюрьме. Память о ней пережила ее. После победы, которую она помогла одержать, французы и англичане устроили ей военные похороны. Они возложили на ее гроб ордена и сказали о ней, что она «проявила почти не превзойденный героизм». В ноябре 1927 г. благодаря подписке, открытой газетой «Эко де Пари», в Лилле ей был воздвигнут памятник, открытый маршалом Фошем как раз тогда, когда французское и английское общества бывших участников войны чествовали в Лондоне главную спутницу всех ее многочисленных приключений мадемуазель Мари Леони Ванут [Ванлут — Vanloutte — В.К.] из Рубэ.

Эти две женщины, особенно Луиза де Беттиньи, были вдохновительницами и руководительницами бельгийско-французской группы, которая в течение двух лет после вторжения германцев в августе 1914 г. с опасностью для жизни снабжала британскую армию чрезвычайно важными сведениями. Англичане считали Луизу де Беттиньи не только одним из лучших своих агентов, но и храброй патриоткой-французенкой. После ее смерти создали легендарный образ этой женщины, причем ей приписывались некоторые подвиги, совершенные ее преданными товарищами. Пока ее не покинули силы, она вдохновляла и руководила всей группой; все ей повиновались. Основой всей организации были ее мужество и ее проницательный ум; когда Луизы не стало, организация погибла.

Происхождение и воспитание Луизы подготовили ее к той роли, которую ей пришлось играть. Семья де Беттиньи принадлежала к старинной аристократии. Луиза воспитывалась во Франции, в Оксфорде и в Италии. Тяжелое материальное положение, усугублявшееся многочисленностью семьи, насчитывавшей семь братьев и сестер, заставило Луизу, не вышедшую замуж, подумать о выборе профессии. Она колебалась между профессией гувернантки и саном монахини. В ее характере было две стороны: одна — мистическая и другая — деятельная и практическая. Для французской

девушки того времени она была очень хорошей спортсменкой, превосходно плавала и любила большие пешеходные прогулки. Деятельная сторона ее натуры победила, и она уехала в Германию; там она жила в прусских аристократических семьях, где хорошо научилась говорить по-немецки и познакомилась со всякими влиятельными лицами. Германское вторжение застало ее в Лилле в возрасте 34 лет. Она бежала в Англию, где тотчас же вступила в соприкосновение с секретной службой. Там немедленно оценили ее достоинства и предложили ей вернуться в Лилль в качестве секретного агента.

Ее решение, в то время как она надеялась мирно жить с матерью вдали от опасности, свидетельствует о мужестве и воле, таившихся под ее привлекательной внешностью брюнетки с прекрасными волосами. Помимо риска быть захваченной и расстрелянной, этой женщине не могло нравиться пребывание в стране, переполненной неприятельскими солдатами. Говорят, будто она советовалась со священником и с английским главнокомандующим Джоном Френчем. Несколькими днями позже она предприняла опасное путешествие через Голландию и Бельгию, прошла через кордон германских постов и вернулась в Лилль, но не под именем Луизы де Беттиньи, а под именем Алисы Дюбуа, которому суждено было стать ее боевой кличкой.

При своем ясном уме и поразительном хладнокровии, пользуясь английскими советами и деньгами, она набрала тайную группу для войны, которую она собиралась вести позади фронта в расположении германской армии. Вскоре не только в Лилле, но и вплоть до самой Голландии она, рискуя жизнью, организовала целую сеть для перехватывания цепных сведений.

Из своей главной квартиры в Лиле она проникала тайными путями до самого Ламанша и отправлялась в Англию и таким же образом возвращалась оттуда. Переодетая простолюдинкой, выдавая себя за торговку сыром или кружевами, она переходила от одного убежища к другому подобно пешке в шахматной игре. Одним из таких убежищ была деревня Эстампюи на самой границе. Если Луизу задерживали, она показывала фальшивые бумаги, так искусно изготовленные аптекарем де Жейтером в другом пограничном местечке Мукроне, что у немцев не возникало никаких подозрений.

Мария Леони Ванут играла некоторую роль на франко-бельгийской границе еще до того, как она встретилась с Луизой и стала «Шарлоттой», ее правой рукой. Рубэ, где Леони была портнихой, находился по другую сторону границы как раз против Эстампюи, и Леони знала все дороги и кружные пути, пользуясь которыми можно было ускользнуть от германских часовых. Она помогла своему брату, двум бельгийцам и одному англичанину переправиться через границу, спрятавшись в возу соломы. Германские уланы осмотрели первый воз, проткнув его своими пиками, но ничего не нашли.

Пока возница отвлек внимание немцев, второй воз, где спрятались беглецы, продолжал двигаться и опередил первый. Возница, сидевший на втором возу, сел на первый, а тот, бумаги которого были уже проверены, сел на второй и проехал. Четверо беглецов вступили в союзные армии. Двое из них погибли на поле сражения. Леони организовала больше двадцати поездок такого рода.

Бельгийско-голландская граница, бывшая последней преградой на пути к безопасности, охранявшаяся колючей проволокой, электрическими кабелями, прожекторами и огромным количеством германских постов, была самым тяжелым препятствием, которое надо было преодолеть.

Однако, союзным шпионам, переправлявшим сведения, приходилось его преодолевать, и никто из них не делал этого с большей ловкостью, чем Алиса и Шарлотта. Они перерезали колючую проволоку, проходили по электрическим кабелям, касаясь их резиновыми сапогами и перчатками и пользуясь лестницами из изолирующего материала, или пробирались под ними, прорывая подземные проходы.

В них не попала ни одна пуля. Они избежали мин, установленных таким образом, чтобы разнести на куски всякого, кто попытается перейти границу. Иногда обе женщины пользовались услугами проводника — чудаковатого, но преданного бельгийца, которому Алиса помогла выбраться из тюрьмы; он работал в качестве ее «страхового агента».

В Тюркуэне в тайных экспедициях принимал участие один крупный полицейский чиновник. В них участвовали также многие французы из окрестностей Лилля. Один из пунктов находился в Оденарде в Бельгии. Подпольные связи были так хорошо организованы, что англичане просили Алису распространить их дальше и довести до железнодорожной ветки на Мезьер, более чем на расстояние 100 км к юго-востоку.

Казалось, для Алисы не было ничего невозможного. Эта маленькая, худощавая француженка с обаятельной улыбкой часто доставляла в Фолькстон чрезвычайно ценные сведения. Она с такой точностью указала расположение германских батарей у Лилля, что стрелявшим по ним английским пушкам удалось совершенно их уничтожить. Она сообщила, где находился крупный германский склад боевых припасов, который был затем взорван бомбами, сброшенными с английских самолетов. Она с такой точностью сообщала число и величину составов с германскими ранеными, каждую ночь проходивших через Лилль, что англичане могли правильно оценить размеры неприятельских потерь. Так же, как у Шарлотты, у нее было множество приключений; легенда их еще приукрасила. Жизнь обеих женщин становилась с каждым днем все тяжелее.

Организованная немецкими захватчиками ненавистная для населения контрразведка следила буквально за каждым шагом Алисы и Шарлотты.

Хитрость женщины

Чтобы расстроить коварные замыслы немецкой контрразведки, нужна была вся та хитрость, которую обычно приписывают шпионкам. Алису и Шарлотту очень часто задерживали и обыскивали. Однажды, когда фальшивые документы и вымышленная история не помогли, они прямо предложили деньги. Но чтобы ввести в заблуждение более опасных охотников за шпионами, обе женщины прибегали к другим уловкам: Алиса и Шарлотта прятали свои донесения в плитки шоколада, которые они ели тут же, пока их обыскивали (и даже доходили до того, что предлагали шоколад обыскивавшему их лицу), или в свечу от фонаря, или в клубок черной шерсти, который ночью бросали в кусты, а затем находили по одной нитке. Однажды Шарлотта перевезла важное донесение в футляре от своих четок. В другой раз Алиса изготовила микроскопическую карту германских позиций вокруг Лилля и приклеила ее к стеклу лорнета. Специалист начертил ее микроскопическим пером невидимыми чернилами на прозрачной бумаге. Часто сообщения доставляли проходившие незаметно дети.

Вскружили ли все эти успехи голову Алисе? Или, может быть, на ее нервную и чуткую натуру повлияла жизнь, полная непрерывного напряжения? Во всяком случае, ее отвага стала граничить с дерзостью. Она носила донесения открыто в своей сумочке, иногда вместе с полудюжиной паспортов на разные имена. Бывало, что она уезжала совсем без паспорта. Она не боялась, что немцы могут ее поймать.

— Ах, они так тупы, — говорила она Шарлотте каждый раз, когда ей удавалось их обмануть. Но они вовсе не были так тупы, как она думала. Они давно следили и за ней и за Шарлоттой. Сначала они арестовали Шарлотту в Рубэ, а затем Алису на пограничном пункте, где она без паспорта пыталась перейти границу. В ее сумочке было найдено несколько разных паспортов, которые она имела обыкновение носить при себе.

За некоторое время до ареста, когда Алиса гостила у матери, у нее было предчувствие какой-то беды. Когда несчастье произошло, она совершенно растерялась. Она нарушила строгие приказания, которые она сама давала своим товарищам, в частности, основное правило всякой разведки: «Если кого-нибудь из нас арестуют, другие должны отрицать всякое знакомство с ним».

Она привела германскую полицию к своим добрым друзьям де Жейтерам, чтобы они дали показания в ее пользу. Они выполнили приказ и ответили: «Мы вас не знаем». Несмотря на это, немцы обыскали весь дом, рискуя найти

очень опасные документы, и некоторое время продержали де Жейтеров в тюрьме.

Может быть, этот случай показал Алисе, насколько серьезные последствия может повлечь минута слабости, и она вспомнила, что друзья часто ее предостерегали против излишней смелости, которая может поставить под угрозу жизнь других людей. Во всяком случае, когда Алисе и Шарлотте была устроена в тюрьме очная ставка, обе они отрицали знакомство друг с другом. Но хладнокровие оставило Алису еще раз или, может быть, ее перехитрили немцы, и она поддалась старой полицейской уловке. С ней вместе в тюрьму посадили ренегатку-бельгийку, которая сумела добиться от нее многих признаний, вполне достаточных, чтобы она предстала вместе с Шарлоттой перед германским военным судом по обвинению в шпионаже.

Без помощи адвоката обе француженки храбро защищались, все отрицая; каждая из них требовала, чтобы освободили другую. Они были приговорены к смертной казни, которая была заменена пожизненным тюремным заключением для Алисы и 15 годами тюрьмы для Шарлотты. Немцы не подозревали о руководящей роли этих женщин в крупном шпионском центре. А может быть, они поняли, какую они совершили тактическую ошибку в деле Эдит Кавелл.

В кёльнской тюрьме Алиса превратилась опять в ту храбрую женщину, которая в продолжение двух лет обманывала немцев. Она дала понять другим заключенным, что они должны отказаться от работы, состоявшей в изготовлении снарядов, предназначенных для убийства их соотечественников. Говорят, будто вследствие такого поведения ей пришлось носить зимой очень легкую одежду. Она заболела воспалением легких, перешедшим в абсцесс. Немцы отказались выпустить ее в Швейцарию, и она умерла в кёльнской больнице 27 сентября 1918 г., всего за 46 дней до окончания войны, которую она так доблестно вела за родину и союзников.

Шарлотта ухаживала за тифозными и заразилась тифом, от которого едва не умерла. Ее освободила германская революция. В марте 1927 г. она была награждена орденом Почетного Легиона в благодарность за услуги, оказанные ею Франции.

Королева шпионок

Последняя из этого трио женщин — секретных агентов никогда не терпела провала, настолько она была превосходно одарена для своего мрачного и смелого ремесла. Говорили, будто она была норвежкой, работавшей в пользу немцев, и оба имени, приписываемые ей союзными разведками, германского происхождения: Генрихсен и Хакемюллер. Ее подлинное имя осталось неизвестным. Обычно ее послушные, хотя и не всегда преданные, ученики из

большой антверпенской школы шпионажа называли ее фрейлейн Доктор.

Фрейлейн Доктор была обаятельной женщиной. Один офицер из американской разведки, видевший ее во время войны, написал о ней:

— Это красивая блондинка, она очень умна, очень хорошо говорит на нескольких языках и пользуется большим влиянием на своих клиентов.

Своим влиянием она пользовалась совершенно безжалостно, сначала заставляя учеников усиленно изучать свою опасную профессию, а затем возлагая на них самые рискованные задания. Фрейлейн Доктор была высокого роста, полная, «настоящий северный тип». Ее власть казалась губительной. О ее жизни до войны известно мало.

Говорили, будто она была дочерью торговца картинами, а затем поступила в качестве сыщика в полицию.

Во всяком случае, весь ее талант раскрылся на секретной службе, на которой она прославилась.

— Я всю жизнь любила интриги и власть, — сказала она как-то одному из своих учеников. — Теперь у меня есть и то и другое. Я близко знакома со многими весьма высокопоставленными лицами. Только на секретной службе можно осуществить стремление к жизни, полной приключений и интереса, конечно, при отсутствии излишней щепетильности. Я бы не променяла своего положения на положение королевы.

Она царила в Антверпене в течение, всей войны, живя в роскошном помещении в лучшем отеле, но пределы ее воображаемого царства простирались гораздо дальше, пересекали границы, захватывали Швейцарию, Голландию, Англию и даже тыл Франции. Обученные ею шпионы собирали сведения и об американцах, и об англичанах, и о французах. Она их превосходно инструктировала в своей замечательной школе, расположенной в одном из лучших кварталов Антверпена в старом бельгийском доме с двумя выходами.

Один бельгийский агент согласился рискнуть и прошел курс в этой школе. Именно ему союзники обязаны подробным докладом об интересных методах фрейлейн Доктор. Первой и величайшей ее заповедью была скрытность. Она всеми средствами старалась скрывать от союзных шпионов, кто такие были ее ученики, которых направляли к ней из разных отделов германской секретной службы.

Обычно учеников привозили в Антверпен на автомобиле, а если они приезжали по железной дороге, то их встречали на вокзале. Автомобиль

въезжал во двор, и с этого момента жизнь ученика окутывалась тайной. Он никогда не видел других учеников, и никто не должен был видеть его.

Его вели темными коридорами в одну из многочисленных комнат, отмеченных какой-нибудь буквой алфавита и предназначенных каждая для одного ученика и его преподавателя.

Вступив в комнату, ученик начинал свою карьеру шпиона, ибо буква на его двери вместе с буквой и номером, под которыми он был занесен в секретные списки фрейлейн, составляли его кличку. Эти буквы и номер впоследствии записывались в паспорт, выдаваемый шпиону, и помогали ему пробираться на таких местах, куда для обыкновенных людей доступ был закрыт.

Фрейлейн Доктор немедленно подвергала нового ученика экзамену по разведке, чтобы определить его знания, его способности, память, находчивость. Если он выдерживал экзамен, то начинались его мытарства. В продолжение долгих часов, до поздней ночи, его методически обучали всему, что было известно о французской, английской и американской армиях; какой они имели состав и организацию, каково было их оснащение, и какими они пользовались пушками. Ни одна «современная школа» не имела такого полного набора моделей для наглядного обучения: военных кораблей всевозможных типов, дирижаблей, самолетов, разного оружия, таблиц в красках, изображавших различную форму, знаки различия.

Когда ученик усваивал все эти подробности, обучение приобретало еще более секретный характер. Таинственные люди, которых можно было назвать только «немцами из среднего класса», посещали ученика в его одинокой комнате и обучали его, как докладывать фрейлейн о собранных им сведениях. Они обучали его, как писать пером с закругленным кончиком невидимые донесения на бумаге, на носовых платках, на полях газет и как проявлять посредством химических составов получаемые им время от времени инструкции, написанные между строк как будто невинного письма. Они обучали его тайным шифрам, которыми он должен был пользоваться при переписке с фрейлейн.

«В зависимости от способностей ученика», говорилось в одном документе, «курс обучения должен преподаваться более или менее сложный и углубленный. Но инструктора должны стараться развить даже самые посредственные умы, предлагая им задачи, которые они должны разрешать в строго дидактической элементарной форме, заранее предусматривая и считаясь со всеми могущими встретиться обстоятельствами и, так сказать, заключая этих людей в сеть точных подробно распределенных задач, часто ребяческих, но несовместимых с малейшей рассеянностью и забывчивостью».

Будучи добросовестной учительницей, фрейлейн Доктор давала покидавшим

школу ученикам благие советы:

— Ведите себя хорошо, — говорила она. — Будьте осторожны. Не пейте. А главное, помните, что на секретной службе тот, кто живет один, живет дольше. Союзные контрразведки пользуются женщинами против мужчин и мужчинами против женщин. Будьте внимательны. Тщательно устанавливайте заранее, что вам нужно делать, ибо ваш успех и, может быть, даже ваша жизнь будут зависеть от ваших способностей и от тех стараний, которые вы приложите к своей работе.

Следуя выработанным ею самой методам, фрейлейн сначала поручала ученикам легкие задачи, чтобы не превысить их способностей и внушить им доверие. Но вскоре она начинала требовать все большего и большего. От них требовались всегда точные и достоверные донесения, исключавшие фантазию и преувеличения, а этими недостатками страдали многие шпионы, не бывшие учениками фрейлейн.

— Сообщайте мне факты, а не мнения, — говорила она.

Отъезд ученика, посвященного в шпионы, был еще более таинственным, чем его приезд. Чтобы на границе шпиона пропустила полиция, кроме помеченного паспорта, ему давали папиросную бумажку тоже с пометкой, которую он прятал в ватный шарик в ухе, или в полые запонки, или в подкладку своего пальто. Был у него еще и другой талисман: банковый билет той страны, в которую он должен был отправиться, помеченный в углу буквами S. H. C. Снаряженный таким образом, шпион шел темными коридорами до закрытого автомобиля, отвозившего его на границу, где офицер, просмотрев его паспорт, папиросную бумажку и помеченный банковый билет, помогал ему переправиться в неприятельскую страну. Выполнив возложенное на него поручение, шпион возвращался в Антверпен или фрейлейн встречала его на границе. Если его прикомандировывали к одному из многочисленных осведомительных центров германской секретной службы, он больше никогда не виделся с фрейлейн.

Всегда бдительное око

Все время, пока шпион работал по заданиям фрейлейн, она не теряла его из виду. У нее были шпионы не только для того, чтобы доставлять ей сведения о противнике, но и для того, чтобы следить за ее собственными агентами.

Находились ли ее агенты в Париже, в Лондоне, в Бар-ле-Дюк, она знала, что они делают и выполняют ли они ее приказания. Считая себя в безопасности, один из них как-то пожелал развлечься в обществе одной парижской танцовщицы. Вскоре после этого какой-то незнакомец вежливо попросил у него на бульваре прикурить и, воспользовавшись моментом, шепнул ему на

ухо: «Вы забыли советы фрейлейн».

Она платила до 2 000 долларов в месяц некоторым своим верным шпионам. Изменивших же ей она, как правило, осуждала на смерть. Таких агентов она посылала на территорию противника для того, чтобы они были арестованы и расстреляны. У нее было немало средств навести союзную контрразведку на след приговоренных людей. Одно из таких средств состояло в том, что она посылала шпиону известным противнику путем и известным противнику шифром приказание выполнить какое-нибудь опасное поручение. Затем, надеясь, что внимание противника отвлечено, она посылала в то же самое место, где арестовывали несчастную жертву, другого шпиона с действительным заданием.

Фрейлейн управляла своими сотрудниками безжалостно, не считаясь с их национальностью и общественным положением. Обычно ее сотрудниками были люди очень сомнительные. Правда, среди них было несколько немцев, но большинство составляли бельгийцы, перешедшие на сторону неприятеля, преступники, завербованные одним предателем-бельгийцем, содержавшим в Антверпене гостиницу, голландцы, не способные заработать на жизнь честным трудом, авантюристы всевозможных национальностей, стремившиеся к наживе и приключениям. Среди них были также женщины легкого поведения, француженки и бельгийки, считавшие, что шпионаж вполне согласуется с их прежней профессией. Может быть, фрейлейн Доктор думала, что с людьми такого рода надо обращаться при помощи кнута и держать их в строгом повиновении.

Она их терроризировала, и многие из них воспринимали тюремное заключение как освобождение, настолько они всегда боялись пули или ножа своих надсмотрщиков. Они говорили о ней с ужасом и, по-видимому, очень бы хотели помочь противнику ее захватить.

Она имела несколько адъютантов в высшем обществе, среди офицеров германской армии, обладающих опытом.

Среди них союзникам был известен «некий Шмитт», замечательный человек, награжденный бельгийскими орденами и грамотами, непрерывно путешествовавший между Бельгией, Голландией, Францией и Англией. Другой был талантливый инженер, дворянин, принадлежавший к лучшему обществу; говорят, будто именно фрейлейн была причиной его трагической смерти, иллюстрирующей методы этой дьявольской женщины.

Дело было связано с первыми танками — машинами, еще не вполне усовершенствованными, но обладавшими бесспорной силой и позволявшими судить о том, что будут представлять собою следующие. Англичане ввели их в действие на Сомме осенью 1916 г. Эти танки были построены в результате

долгого изучения и испытаний, которые хранились в тайне; однако, немецким шпионам удалось в нее проникнуть, ибо они сообщали о танках в своих донесениях раньше, чем была охвачена ужасом германская пехота при виде подлинных танков. Эти донесения, правда, довольно неясные в отношении деталей, но правильные по существу, попали к фрейлейн. Она предложила своему техническому советнику высказать о них свое мнение.

— Может быть, англичанам удастся построить танк, — сказал он, — но в условиях современного боя на Западном фронте он не даст никаких результатов.

Вскоре произошла первая танковая атака, предшествовавшая дальнейшим, которые, по мнению Людендорфа, были одной из причин германского поражения. Фрейлейн позвала своего специалиста.

— Возьмите, — сказала она презрительно, причем в ее больших глазах сверкали молнии, — возьмите, знаменитый специалист.

И она протянула ему револьвер. Он его взял и выстрелил себе в голову.

Говорят даже, будто фрейлейн Доктор убила человека собственными руками. Это был бельгиец, прошедший через ее антверпенскую школу. Она якобы подозревала его в предательстве, позвала к себе, назвала проклятым бельгийским шпионом и тут же убила. Если это действительно так и было, то фрейлейн совершила ошибку. По правилам секретной службы она обязана была сначала постараться выяснить личность начальника бельгийца, каким образом он поддерживал с ними связь, и должна была послать им тем же путем ложные донесения. Она могла бы также вырвать у него всякие сведения, применяя метод допроса «третьей степени». И только тогда она могла позволить себе удовольствие его убить. Может быть, в тот момент она была не сверхшпионкой, а просто женщиной. Романист мог бы воспользоваться этой темой. Может быть, она любила этого бельгийца? Но была ли она вообще в состоянии кого-нибудь любить? Неизвестно.

Это была странная женщина. Впрочем, она дорого заплатила за краткий период владычества. После войны она злоупотребляла наркотиками и, как рассказывали, недавно попала в Германии в сумасшедший дом. Кто она такая, — по всей вероятности, никто никогда не узнает.[20]

Роль нашей разведки в «эльзасской хитрости»

Одним из лучших маневров разведывательного отдела американского штаба и в то же время самой ловкой шуткой, сыгранной когда-либо, одной армией против другой, была «эльзасская хитрость». С макиавеллиевым коварством немцев предупредили о готовившемся большом американском наступлении

на Эльзас; это наступление якобы должно было быть доведено до Рейна, тогда как в действительности американцы готовились к наступлению гораздо дальше — у Сен-Мийеля, а затем в районе Мааса в Аргоннах.

Командир 6-го корпуса генерал-майор Омар Бэнди и его начальник штаба бригадный генерал Брайант Н. Уэллс были посланы с офицерами штаба в Бельфор во французский Эльзас, где они открыто обосновались на главной квартире для разработки планов мнимого наступления; тем временем взводы, выделенные из семи американских дивизий, разместились во французских траншеях.

Тогда у полковника Конджера явилась гениальная мысль. Он написал генералу Першингу письмо, в котором излагал план мнимого наступления в Эльзасе, прибавив, что теперь ему не хватает только одобрения главнокомандующего. Он бросил копию этого письма в корзину для бумаг в своей комнате в отеле в Бельфоре, полном тогда шпионов, и вышел. Когда он вернулся, копия исчезла.

Немцы после этого стали усиленно готовиться. Они перебросили в Эльзас новые войска и приняли различные меры, свидетельствовавшие, что они ожидают с этой стороны наступления, которое никогда не состоялось.

Американскому разведывательному отделу так превосходно удалась эльзасская хитрость благодаря принципу секретной службы, проводившемуся американцами еще задолго до того, как достигла своих успехов фрейлейн Доктор, а именно: «Всегда скрывайте от каждого из ваших агентов то, что делают другие». До сего дня американцы, участвовавшие в этой хитрости, думают, что только они одни были посвящены в тайну. Фактически же в нее было посвящено много людей — и американцев, и французов.

Например, некий капитан А., отведав помещение для штаба генерала Бэнди, выбрал с полдюжины любезных бельфорских дам, угостил их вином, достаточно выпил сам в оправдание своей болтливости и на превосходном немецком и французском языках похвастал большим наступлением, подготовляемым американцами. Значительное число бельфорских дам подозревалось в шпионаже в пользу немцев.

Другой офицер, подполковник В., начал с того, что приготовил квартиры для 25 американских журналистов, приезд которых в Бельфоре ожидался в ближайшее время, и осведомился о возможности почтовой и телеграфной связи из Бельфора, ввиду необходимости отправлять большое количество телеграмм.

Бельфор отстоял менее чем на расстоянии 40 км от швейцарской границы,

где находились многочисленные германские агенты и откуда сведения посылались в германский генеральный штаб в Спа и в Берлин. Берн был еще более удобным местом, чем Бельфор, для распространения ложных сведений, и об этом напомнили тамошнему начальнику американской секретной службы.

— Американцы, — сказали ему, — собираются предпринять большое наступление в Эльзасе. Это, вероятно, заинтересует германскую разведку. Постарайтесь, чтобы она была об этом осведомлена.

Приказ надо выполнить, подумал американец, не разоблачая немцам агентов, которых они еще не знают. Поэтому он поручил это дело двум или трем американцам, которых немцы уже подозревали в «разведывательной работе». Таким образом, внимание немцев было отвлечено от более серьезных вещей.

Через несколько дней начальник германской секретной службы в Швейцарии начал получать донесения следующего характера: «X. и Z., которых подозревают в том, что они являются американскими агентами, побывали во всех библиотеках, у всех книготорговцеверна в поисках сведений об Эльзасе. Они интересовались географическими и топографическими подробностями, железными и шоссейными дорогами. Они готовы покупать книги и карты и предлагают хорошую цену за то, чтобы библиотеки не возражали против такого нарушения законов нейтралитета».

Географические и топографические подробности, сведения о железных и шоссейных дорогах — это было именно то, что должна была знать вторгающаяся армия. Начальник немецкой разведки передал полученные донесения своему лучшему специалисту по шифрам со словами: «Пошлите их немедленно в Германию». Затем он позвал нескольких агентов и среди них героиню этой повести, известную американцам под кличкой Белладонна.

Эту кличку она получила благодаря своим глазам; ее огромные блестящие черные глаза знали все посетители первоклассного бернского отеля, в продолжение четырех лет служившего ширмой для шпионажа и интриг, участники которых принадлежали ко всем нациям. Там действовала Белладонна, и ее жертвами были офицеры союзных армий и чиновники союзных государств. Белладонна прекрасно чувствовала себя в вестибюле большого отеля.

Она была женщиной, богато одаренной природой для роли «вампира».

Это была высокая, красивая и изящная брюнетка с экзотическими манерами. Вероятно, поэтому начальник немецкой разведки поручал ей обольщать молодых секретарей посольств и военных атташе, через руки которых

каждый день проходили важные бумаги; они были чувствительны к красоте ее глаз и могли подвергнуться искушению. Она и в самом деле не скупилась на жгучие взгляды, полные обещаний, но в отношении американцев без большого успеха, ибо они не поддавались.

— Интересно, какие капли впускает она в свои глаза, — говорили они и дали ей прозвище «Белладонна».

Однажды Белладонну позвал ее начальник немец и сказал ей:

— Вот ваш последний шанс. Мы узнали, что американцы готовят наступление в Эльзасе. Нам нужно подтверждение. Если вам удастся его добыть, вы сохраните свое место, если же нет, вы его потеряете.

Белладонна за работой

В тот же вечер конца августа 1918 г. шпионка села на диван в вестибюле отеля; она принимала самые соблазнительные позы, наблюдая с некоторой тревогой за окружавшей ее разноязычной толпой. Лица американцев были непроницаемы и бесчувственны к искусству оболъщения, которому научили ее годы на немецкой службе. Вдруг через вестибюль прошел высокий офицер. «Это важная птица, которая должна кое-что знать о наступлении в Эльзасе», подумала шпионка. Она уже его встречала, но не старалась углублять этого знакомства. Может быть, сейчас встречей с офицером следовало воспользоваться.

Она бросила на него томный взгляд, который не замедлил оказать свое действие.

— Ах, вы сегодня прелестны, сударыня, — сказал он ей, пожимая протянутую руку. — Кто может устоять против вашей улыбки? Не хотите ли пройти в бар выпить со мною коктейль?

Бар... Коктейль... Белладонна с радостью услышала эти слова. «Я вправе рассчитывать на свои глаза для достижения поставленной цели», подумала она.

— С удовольствием, — спокойно ответила она.

В баре было шумно и весело, и ее спутник поддался вскоре общему настроению.

— Отто, — крикнул он краснолицему бармену, который был характерной бернской фигурой. — Отто, два мартини, самых сухих, которые вы когда-либо приготавливали. А затем еще два крепче прежнего.

Вскоре оба они пришли в самое лучшее настроение, без всякого стеснения говорили сначала по-французски, а затем по-английски. По мере того, как мартини становились все крепче, язык американца делался все более неповоротливым. Он начал кивать головой, потом уронил ее на грудь и уснул. Большие глаза Белладонны блеснули, когда она наклонилась и прошептала:

— Отто, станьте перед нами.

Их закрыла широкая фигура бармена в белом переднике. Привычной рукой она расстегнула куртку американца, обыскала его карманы и с легким радостным возгласом вытащила длинный конверт.

— Пусть он спит, пока я вернусь, — сказала она Отто и поспешно вышла.

В своей комнате она зажгла электрическую плитку под маленьким котелком, подержала над паром конверт, открыла его и вытащила листок бумаги, сложенный так, как обычно складывали американские официальные бумаги. То, что она прочитала, зажгло ее глаза радостью.

Это был приказ начальника американской разведки генерала Нолана начальнику американской секретной службы в Швейцарии прислать к нему немедленно всех находящихся у него на службе людей, бывавших в Эльзасе или знавших страну и говоривших на эльзасском наречии. Это означало — офицеров разведки для армии вторжения. Как раз этих сведений требовал ее немецкий начальник.

Белладонна выключила электрическую плитку, включила какой-то прибор в форме ящика, который она вынула из потайного места, и вскоре получила превосходную фотографию драгоценного документа. Оригинал она вложила обратно в конверт, тщательно его заклеила, просушила и торопливо вернулась в бар. Американец все еще спал.

Под защитой широкой спины Отто она положила конверт обратно в карман американца, а затем его разбудила:

— Довольно спать, — весело сказала она, — пойдете обедать.

Американец открыл глаза, растерянно осмотрелся вокруг и пробормотал: «Что такое?», затем с тревожным видом опустил руку во внутренний карман и облегченно вздохнул.

Белладонна старалась погасить победный огонек, загоревшийся в ее глазах. Она быстро проглотила свой обед, под каким-то предлогом удалилась и побежала к своему начальнику.

— Вот, — сказала она, протягивая ему фотографию. — За то, что вы

сомневались в моих способностях, вы должны извиниться и прибавить мне сто марок в неделю.

Тем временем молодой американец говорил своему начальнику:

— Ну, дело сделано, а был момент, когда я думал, что все пропало, так она меня щекотала, обыскивая.

— Я думаю, — ответил начальник, — что теперь, когда мы уверены, что Отто работает на них, в этом баре надо иметь своего официанта или грума.

Во всяком случае, несомненно, что немцы клюнули на приманку, которой американец так ловко поманил Белладонну. Доказательством этого служили не только показания германских пленных, взятых позже, и признания, которые после перемирия делали германские офицеры офицерам американской разведки, но и донесения другой женщины, занимавшейся шпионажем в пользу союзников.

Это была женщина совершенно противоположного типа, чем Белладонна, настолько смелая, что она провела четыре года в германском тылу совсем близко от боевой полосы, посылая своим соотечественникам важные сведения. До войны один американский секретный агент знал ее как владелицу большого замка — в горах в Эльзасе по ту сторону границы. Но она была француженка, и хотя ее муж был взят в германскую армию и отправлен на русский фронт, и в ее доме вместе со своим штабом поместился какой-то немецкий генерал, она осталась на месте, но не для того, чтобы служить немцам, а для того, чтобы заниматься против них шпионажем.

В ясную погоду французы с вершины Гартмансвейлеркопф могли видеть в сильный бинокль замок и окружавшие его постройки. Когда сушилось белье, они могли сосчитать число простынь, наволочек и полотенец и видеть, как они были развешаны. Таким способом французы были превосходно осведомлены о передвижениях германских войск в Эльзасе. Таким путем они узнали, что немцы перебросили одну дивизию из Мюльхаузена и расположили ее в тылу траншей, против которых, как предполагалось, должно было начаться американское наступление. Другими путями американцы узнали, что 13 августа в Мюльхаузене была объявлена всеобщая тревога, что госпитали и банковские ценности были эвакуированы на другую сторону Рейна, и правительственные чиновники готовились к бегству.

Не одна Белладонна играла опасную роль шпионки в Швейцарии. Услугами женщин пользовались разведки всех стран, в том числе и американская. У немцев было очень много женщин, как правило, отличавшихся красотой и проницательным умом, но отнюдь не моральными качествами. Одну из них американцы прозвали «Turkish Delight» («турецкое удовольствие»), так как

она была из Константинополя. Благодаря своей профессии, которой она там занималась, ей приходилось встречаться со многими дипломатами, что делало ее в Швейцарии очень полезной. Эта дама была большой чревоугодницей, любила драгоценности и, конечно, мужчин. Но самой большой ее слабостью был паштет из гусиной печени. Поев своего любимого блюда, она становилась болтлива, как другие после вина.

Некоторые женщины, лишённые всяких моральных устоев, занимавшиеся различными профессиями в нейтральных странах, сначала были шпионками в пользу одной державы, потом в пользу другой, а иногда и в пользу нескольких сразу. Одна маленькая женщина с очень спокойными манерами и блестящими глазами настолько любила интригу и опасность, что работала одновременно в пользу англичан, французов, американцев и немцев. День и ночь ей был открыт доступ к ее немецкому начальнику, который, как говорили, хотел на ней жениться; однажды она принесла ему документы, «украденные» у американцев. Она часто присутствовала при его беседах с другими шпионами. Но ее любимым начальником был француз, занимавший важный пост во 2-м Бюро в Париже и никогда не признававшийся своим коллегам, что она работала для него. Она значилась во французских и американских черных списках, но, тем не менее, американцы в продолжение двух лет держали ее на жаловании.

Сестры Далилы

Среди всех этих шпионок одной из наиболее интересных была «княгиня». Это не была кличка, ибо она действительно имела титул княгини, так как вышла замуж за польского князя. Князь был в таком возрасте, что мог и не совершать подобной глупости, но он был достаточно богат, чтобы позволить себе такую прихоть. Она была умна и расчетлива и получила воспитание в монастыре.

Тем не менее, она оскорбила его так, как обычно оскорбляют мужей подобного типа. Так же, как фрейлейн Доктор, она мечтала о жизни, полной приключений, и нашла ее, поступив на секретную службу.

Работая в пользу одной из союзных держав, она открыла в Париже салон, где собирались важные лица и люди, стремившиеся ими стать; такой салон всегда является благодатной почвой для шпионов. Всякие сведения, слухи, секретные известия постоянно передавались в этом салоне, и княгиня сообщала о них своим начальникам, которые ценили ее помощь хотя бы потому, что благодаря ей можно было проверить сдержанность ее гостей.

Многие из тех, кто был смещен в Париже с крупных правительственных должностей, никогда не узнали, что их отставка была результатом их слишком свободных бесед, в салоне княгини.

Она была послана в Швейцарию, где вступила на дурной путь. Может быть, ею были недовольны ее начальники; как бы то ни было, ее заподозрили в том, что она является двойным агентом, работающим в пользу немцев; впрочем, такой слух распускали иногда, чтобы избавиться от плохого агента. Позже она вступила в дружеские отношения с японцами, а затем принялась за американцев. Она их осыпала знаками внимания, приглашала к обеду и кончила свою кампанию тем, что преподнесла им замечательный швейцарский сыр, сочность и размеры которого превосходили дозволенные по продовольственным законам нормы. Американцы обнаружили этот чудовищный сыр, который можно было бы с трудом вместить в чехол от спасательного круга, в центре американского рождественского обеденного стола в отеле «Бельвю Палас» в маленькой деревушке, указанной им княгиней. В конце концов, американцы поняли тактику княгини. Она хотела завоевать сердце их начальника ради целей, в которые этот сдержанный джентльмен не собирался вдаваться. Он предпочел быстрое отступление.

Игра, которую любили разыгрывать немцы и которой в Швейцарии должны были опасаться атташе при посольствах, дипломаты и офицеры американской и союзных армий, состояла в шантаже посредством «мужа».

Шпионка всячески соблазняла свою жертву последовать за нею в ее комнату в отеле, и там их заставлял «муж», который грозил дать делу огласку, если застигнутый любовник немедленно не: покинет Швейцарию. Иногда шпионкам удавалось завлекать молодых атташе обещаниями: сообщить им важные сведения. Американец, сыгравший роль при разоблачении Мэтра, имел забавное приключение такого рода.

Среди «коллег» Белладонны и «Turkish Delight» была, одна очень красивая итальянка с чистым лицом, прекрасной фигурой и весьма вызывающими манерами. Она попыталась очаровать нашего американца, который сообщил об этом своему начальнику.

— Посмотрите, чего она хочет, — приказал начальник, — но будьте осторожны.

На следующий день, когда они встретились в вестибюле отеля «Бельвю Палас», дело пошло почти так же быстро, как с Белладонной. Итальянка, поднявшись, прошептала:

— Приходите через несколько минут в мою комнату, я сообщу вам очень важные вещи, которые хочет знать ваше правительство.

Американец кивнул головой в знак согласия и через несколько минут тихонько постучался у дверей прекрасной итальянки. Он с тревогой задавал себе вопрос, какая ловушка ему подстроена, хотя и знал, что его товарищи

настороже.

Дверь отворилась; как он и ожидал, итальянка вышла в элегантном домашнем наряде, позволявшем видеть все ее прелести. Никогда она не была еще так красива. Она подвела его к дивану. Потом, вернувшись к двери, словно она что-то потеряла, она быстро повернула ключ и спрятала его на груди. Американец вскочил и бросился к ней.

— Что вы делаете? — воскликнул он и, схватив ее за обе руки, стал трясти, словно грушу. Как он и надеялся, ключ упал на пол. Американец поспешно его поднял и открыл дверь. В коридоре никого не было. Он вернулся в комнату, прошел мимо изумленной итальянки, заглянул за висевшие на окнах тяжелые занавеси, но там тоже никого не было. «Значит, должен быть диктограф», подумал он и сел на краешек стула, как можно дальше от дивана.

— А теперь, синьора, какие сведения вы хотели мне сообщить?

Но он оскорбил лучшие чувства синьоры. Как он мог ее заподозрить? Разве она не итальянка, не друг союзников? Ведь на диване хватит места для двоих... Нет?..

Нехотя она начала ему говорить о немецком новом плане, «о котором она узнала из весьма надежного источника»; этот план состоял в том, чтобы разбить англичан, пользуясь их же собственным методом корабля-ловушки.

Торговое судно под каким-нибудь нейтральным флагом — шведским или норвежским — выйдет в мирное плавание. За ним на небольшом расстоянии будет следовать подводная лодка, готовая напасть на союзные военные корабли, которые приблизятся к нейтральному судну. Немцы, по словам итальянки, разработали также весьма искусный план снабжения подводных лодок в море с нейтральных судов. Таковы были переданные синьорой сведения, истинные или придуманные на фабрике германских слухов. Все, что американец мог сделать, это передать их в разведывательный отдел американского штаба.

К величайшей досаде синьоры, он поднялся и вышел.

На следующее утро она покинула отель, и больше он ее не видел.

Исторический диктограф

Другая титулованная дама пользовалась диктографом. Эту историю стоит рассказать, ибо она сыграла до сих пор еще не разоблаченную роль в падении центральных держав. Эта история помогла подготовить отпадение

первой державы, а именно Болгарии, запросившей перемирия 25 сентября 1918 г. Приблизительно неделей раньше одна мнимая баронесса, пользовавшаяся сомнительной репутацией, явилась к начальнику американской секретной службы.

— Я могу вам помочь заставить Болгарию изменить центральным державам. Поражение в Македонии нанесло болгарской армии последний удар. Председатель болгарского совета министров приказал одному из болгарских посланников тайно осведомиться о намерениях президента Вильсона на случай, если Болгария прекратит войну. Оставит ли он короля Фердинанда на престоле? Я могу устроить встречу с этим дипломатом у себя в квартире.

Начальник американской разведки насторожился. Баронесса продолжала:

— Это не шутка. Вам придется лишь молча слушать. Я поставлю в комнату диктограф, и вы получите пластинку... Я продам пластинки еще кое-кому другому.

Случай был слишком удобный, чтобы им не воспользоваться. Как уверяла дама, болгарский дипломат и данное ему поручение были делом нешуточным. Американец послал запрос в Вашингтон и получил поощрительный ответ. Ловкая баронесса сначала продала пластинку немцам в доказательство того, что их болгарские союзники собираются их покинуть, затем швейцарцам в доказательство нарушения их нейтралитета. Когда об этом узнал начальник американской разведки, он воскликнул:

— Вот это женщина!

Диктографы часто играли роль на американской, как и, впрочем, на всех других секретных службах. Некоторое время их роль носила скорее комический характер. Разведывательный отдел американской экспедиционной армии просил разведывательное управление в Вашингтоне прислать ему некоторое количество диктографов. Вскоре в Шомоне был получен счет на несколько тысяч долларов, но никаких диктографов. Их начали искать. Все повторяли: «Диктографы, кто взял диктографы?» Их невозможно было нигде найти, хотя на поиски были направлены самые опытные сыщики. Прибыл второй счет. Дело начинало принимать дурной оборот. Только тогда разведывательный отдел штаба нашел пресловутые диктографы в канцелярии службы снабжения разведывательного отдела в Париже, где тыловые контрразведчики им весьма обрадовались.

Многие солдаты американской экспедиционной армии все еще помнят некий отель на улице X. недалеко от бульвара Капуцинов, посещавшийся очаровательными, но мало застенчивыми женщинами с бульваров. Поистине это была находка — отель со скромным входом и, вопреки правилам, с

горячей водой и современными удобствами.

Именно там и было установлено несколько пресловутых диктографов. В долгие зимние вечера американские и французские стенографы слушали разговоры американских офицеров с милыми женщинами, может быть, являвшимися немецкими агентами, искавшими сведений, а может быть, — французскими агентами, помогавшими обнаруживать тех, кто отличался болтливостью и мог принести вред.

Много, много раз стенографы на посту подслушивания слышали фразу: «А сколько во Франции американцев?»

Иногда им приходилось слышать гораздо более интересные вещи. У одного из них чуть не свалились с головы наушники, когда однажды вечером он услышал хорошо знакомый голос большого начальника, употреблявшего такие выражения, которых от него никто еще никогда не слышал. Этот офицер в большом чине был отправлен подальше от Парижа и от женщин с бульваров, но он не знал причины своего перевода.

Американских солдат не без причины предостерегали против таких «милых женщин». Тем не менее, многие из них считали эти разумные советы пустыми, о чем свидетельствует следующий случай.

Дело происходило в мае 1918 г. — в очень тревожный период для германского верховного командования. В результате большого наступления, начатого 21 марта, немцам почти удалось отрезать англичан от французов — почти, но не совсем. Последующие удары не привели к большим успехам, на которые надеялись немцы. Американцы, прибывавшие сотнями тысяч, могли в любой момент изменить исход сражения. Но когда этот момент мог наступить? Сколько еще пройдет времени, пока американцы смогут сыграть свою роль? Германская секретная служба прилагала все усилия, чтобы выяснить эти вопросы, и с этой целью началась работа в подвале под сапожной лавочкой на улице Прево-Мартен в Женеве.

В этом подвале было спрятано много французского форменного платья со знаками различия, орденами, кепи и всеми атрибутами. Там фабриковались также документы, необходимые для тех, кто эту форму наденет для перехода границы и пребывания во Франции. Совсем близко к границе находилось множество кабачков и притонов, служивших местом встреч для целой шайки шпионов, дезертиров и контрабандистов всех наций; во главе шайки стоял молодой французский дезертир, прожженный плут, помощники которого, готовые на все, занимались шпионажем против союзников.

Шайка получила приказ послать во Францию двух женщин с заданием добыть следующие сведения: сколько американцев находилось в то время во

Франции? Сколько прибывает каждую неделю? В каких портах производится высадка американских войск? Какой ущерб причинили в Париже бомбы, сброшенные с самолетов, и снаряды «длинной Берты»?

Ивонна Шадек и Анна Гарнье, которым было по 20 лет, сложили свои вещи, получили в подвале паспорта, необходимые для переезда границы, и отправились в Париж.

Ивонна совершала это путешествие не впервые. Она провела в Париже прошлую зиму и оказалась очень полезна.

Но об этом знаменитом подвале уже кое-что знали, и обе женщины возбудили подозрение еще на границе. За ними стали усиленно следить. В течение недели им дали возможность работать, разъезжать по городу в поисках следов от немецких бомб и, главное, «обрабатывать вокзалы», в частности Восточный вокзал, через который проезжало много американцев. Обычно офицеры их остерегались, но солдаты были легкой добычей.

— Давай выпьем, — говорили женщины, и молодые солдаты охотно соглашались.

— Выпить? С удовольствием! Идем!

Они не могли устоять против такого опасного сочетания — вина и женщин — и говорили безо всякого стеснения.

— Какая ты славная девушка! Париж красивый город, особенно по сравнению с той дырой, около Люневилля, где мы теперь стоим, Там совсем затоскуешь. А к 7-й пехотной несправедливы. Но через две недели мы отправляемся в окопы... Какие окопы?.. Говорят, около Бакара. 7-я пехотная покажет, на что она способна.

Ивонна и Анна работали усердно и ловко. За 24 часа они могли прощупать немало американских солдат. Когда французы, выжидавшие удобного момента, их арестовали, они надеялись найти у них много донесений. Но первый обыск не дал никаких результатов. Только распоров отделку на платье Ивонны, французы нашли маленький кусочек шелковой бумаги, покрытый мелкими буквами.

— Это ничего, — сказала Ивонна и хотела взять бумажку обратно. — Ее надо сжечь.

Впоследствии было обнаружено, что это была очень точная таблица передвижений американских частей. Однако обе женщины забыли об одном: о движении, начатом почти в тот момент, когда их заключили в тюрьму, о движении 2-й американской дивизии к Шато-Тьерри, чтобы остановить

последнее германское наступление. Через два дня 2-я американская дивизия разъяснила немцам то, что они хотели знать, а именно, что американцы уже прибыли.

Но на одну или две арестованных шпионки сколько приходилось оставшихся на свободе и занимавшихся шпионажем против американцев? Вероятно, сотни. Среди них было много француженок, которые являются самыми умными и независимыми женщинами в Европе. Многие из них сохранили верность и любовь к родине, хотя они и подвергались тяжелым испытаниям, особенно в районах, в продолжение четырех лет оккупированных немцами. Неудивительно, если некоторые из них не выдержали. Автор настоящей книги хранит яркое воспоминание об одной сцене, разыгравшейся на фронте на заре последнего дня войны. Высокий и худощавый француз допрашивал крестьян деревни, только что взятой обратно французами. Посредством списка, терпеливо составлявшегося в продолжение четырех лет 2-м Бюро в Париже, он отделил оставшихся верными родине от изменивших; в этот список были внесены имена тех, кто занимался разведкой в пользу противника. Для них день славы был днем сведения счетов. Большинство среди них составляли женщины.

Американцы тоже не могли обойтись без шпионок и имели в своей практике немало интересных случаев.

В один прекрасный день из Соединенных Штатов во Францию приехала девушка, окажем, по имени Эстель. По происхождению она была француженка и так безукоризненно говорила по-французски, что преподавала этот язык в одной аристократической американской школе.

Она была очень хорошенькая, с темными волосами и черными глазами, высокая, грациозная и элегантная. Даже агенты 2-го Бюро отметили ее красоту, пробормотав при ее появлении:

— Неотразимая шпионка.

Но простые смертные могли оказаться менее проницательны, и поэтому ей дали важное задание в Швейцарии. Местом ее действия должны были служить модные курорты вроде Сен-Морица. Она должна была вращаться в высшем обществе, внимательно прислушиваться ко всем разговорам и по мере надобности пользоваться своими прелестями, чтобы вызывать людей на откровенность. Итак, она пустилась в путь к швейцарской границе.

Но к несчастью, перед ее отъездом из Парижа была совершена одна неосторожность, на этот раз не женщиной, а мужчиной. В результате Эстель была тут же на границе взята под наблюдение как подозреваемая в шпионаже, причем не только швейцарской тайной полицией, но и немецкой

секретной службой, процветавшей тогда в Швейцарии. Она въехала в Швейцарию, но больше ей ничего не удалось добиться. Описание ее внешности передавалось из уст в уста в шпионском мире.

Благодари ее красоте, ее легко было узнать. Поэтому у нее было столько же шансов добиться признаний германских должностных лиц, как заставить заговорить глухих и немых. Она старалась изо всех сил, но ей ничего не помогало. Впоследствии она высказала свое мнение о том, как ее следовало замаскировать: «Можно было сфабриковать ложное донесение на мой счет в Бюро разведки во Франции и распространить слух, что я уезжаю в Швейцарию вследствие неприятностей с властями, чтобы ускользнуть от наблюдения со стороны союзников.

Когда я была бы уже в Швейцарии, можно было послать опять ложное донесение о том, что я представляю опасность для Соединенных Штатов, так как занимаюсь пацифистской пропагандой и помогаю своему мужу, по происхождению немцу, дезертировать из американской армии. В Швейцарии никто не знал бы обо мне правды, за исключением двух или трех официальных лиц, и даже американцы считали бы меня подозрительной и предполагали бы, что я, может быть, даже работаю в пользу немцев».

Это — обычные уловки секретной службы. Имели бы они успех или нет в данном случае? Неизвестно. По мнению некоторых, неудача Эстель была вызвана не столько недостатком маскировки, сколько тем, что она влюбилась. Более того, говорят, что предметом ее любви был немецкий агент, которому было поручено наблюдение за нею.

Как бы то ни было, отъезд Эстель утвердил генерала Нолана в его решении не пользоваться услугами женщин в той отрасли секретной службы, которой он руководил.

Почему женщины вступают на секретную службу?

Секретная служба в Нью-Йорке подозревала одного австрийского барона в том, что он тайно занимался шпионажем в пользу центральных держав. Несколько дней за ним следили и обнаружили, что он был замешан в разные авантюры, носившие, однако, иной характер. Барон был большим любителем женщин. Поэтому решили устроить так, чтобы он встретил на своем пути женщину.

— Она должна быть красива, — сказал следивший за бароном агент. — Барон очень разборчив.

Где искать красивую женщину, если не среди актрис мюзик-холла? Том более, что один из нью-йоркских постановщиков работал в разведке. Он

показал одну девушку, которую нашли достаточно красивой. Ей дали необходимые указания, а потом устроили ей встречу с бароном.

Это была пышная блондинка, которая должна была нравиться немецкому барону. Кроме того, она должна была выдать себя за немку по происхождению и всеми средствами стараться войти к нему в доверие, чтобы узнать какие услуги он оказывает Австрии.

Первая неделя прошла без известий. «Они только познакомились», — решили в Бюро. Прошла вторая и третья недели. Никаких известий. Наконец, в один прекрасный день была получена краткая записка: «Барон и я сегодня утром вступили в брак. Благодарю».

Во время войны Вашингтон, естественно, был благодатным местом для шпионажа. Город был полон немецких агентов и друзей Германии, старавшихся собирать сведения, которые они посылали в Германию через государства Южной Америки и через Мексику. В городе Мехико находился германский шпионский центр, поддерживавший связь с германским посольством и посылавшим в Соединенные Штаты многочисленных агентов. Одним из таких агентов был знаменитый Пабло Ваберский.

Некий важнейший правительственный департамент, тщательно хранил свои многочисленные тайны в сейфе, особым образом замаскированном; ознакомление с находившимися в сейфе бумагами, чертежами и письмами сберегло бы немцам тысячи жизней и миллионы марок и, может быть, даже, в один определенный момент, от этого зависела бы победа. Лишь немногим лицам и среди них президенту Вильсону было известно содержимое сейфа, всегда охранявшегося человеком, который почти один только и знал, как его открыть. Этот человек пользовался превосходной репутацией, и ему вполне доверяли.

Но может ли вообще секретная служба кому-либо вполне доверять? Поэтому над человеком, охранявшим сейф, было установлено наблюдение с того момента, когда он вставал, и до того, когда он ложился спать. И это оказалось большим счастьем. Ибо, не зная, что за ним следят, он начал проводить вечера с красивой брюнеткой испанского типа. Влюбившись в эту женщину, он не только стал неосторожным, но попросту изменил. Однажды вечером к своему величайшему изумлению следившие за ним агенты увидели, что он вместе с этой женщиной вошел в дом на одной из тихих улиц Вашингтона. Агенты знали, что в этом доме помещалась квартира, в которой якобы жил некий деловой человек — холостяк; в действительности же квартира служила местом тайных встреч для правительственных чиновников. Человек, охранявший сейф, был одним из тех немногих, у кого имелись ключи от квартиры. Агенты немедленно сообщили по телефону своему начальнику:

— Он привел ее в квартиру.

— Арестуйте обоих, — приказал начальник.

Шпионка в Вашингтоне

В результате допроса «третьей степени» обнаружилось, что прекрасная иностранка принадлежала к шпионскому центру в Мехико. Ее арестовали в тот момент, когда она уже успела оплести свою жертву такой сетью шпионажа, что эта жертва могла спастись, лишь передав шпионке ключи от сейфа.

По крайней мере, так думали офицеры разведки, допрашивавшие эту женщину. Она дешево отделалась, как и многие неприятельские агенты; ее выслали в Мексику.

Затем тщательному допросу был подвергнут человек, охранявший сейф. Его расспрашивали обо всей его жизни — с самого рождения до момента ареста. Ему задавали всевозможные вопросы о его жене, с которой он разошелся и которая жила в Европе. Он подробно ее описал, ее внешность, манеры, указал, что она хорошо говорила на четырех языках. Тогда ему показали циркулярный черный список, присланный французами, в который было внесено 20 мужчин и 4 женщины. «Описанные ниже лица являются самыми опасными из известных нам германских агентов» — говорилось в циркуляре. — «Все заинтересованные лица обязаны их тотчас же арестовать, не задавая им никаких вопросов и не доискиваясь улик».

Первой из четырех названных женщин была жена человека, охранявшего сейф. Вскоре после этого она была арестована в Риме в обществе офицера и с трудом спасла себе жизнь. По словам человека, охранявшего сейф, ему было неизвестно, что его жена шпионка, но от охраны сейфа его отстранили.

Одной из наиболее трудных задач секретной службы в Вашингтоне была защита от шпионажа высокопоставленных лиц. Некоторых из них, считавших всю эту шпионскую работу чепухой, раздражала такая охрана.

Некий высокопоставленный человек, имя которого во время войны не сходило со столбцов газет, был настолько увлечен прелестями одной восточной женщины с авантюристическим прошлым, что это встревожило секретную службу. За дамой было установлено наблюдение; она это заметила и пожаловалась своему поклоннику. Тогда секретная служба установила диктограф в служебном кабинете государственного деятеля, где он принимал свою приятельницу. Ни он, ни она этого не заметили. И вот однажды подслушивавшие их агенты после очень нежных слов услышали, как государственный муж оказал своей возлюбленной:

— Пойди к окну, дорогая. Взгляни вниз на этого толстого человека, который курит сигару. Он из разведки. Эти дураки начали следить за мною тоже.

Диктограф оказался также молчаливым свидетелем шпионской драмы, разыгравшейся в самом избранном обществе Вашингтона. Этот диктограф был установлен в квартире некоей женщины, занимавшей весьма высокое общественное положение и подозревавшейся в связях с одним из союзных правительственных чиновников, задачей которого было наблюдение за интригами немцев.

Даму посещало много лиц, занимавших крупные государственные посты. Особенно хорошо информирован был один из ее гостей, пользовавшийся доверием президента Вильсона и часто с ним беседовавший. Он представлял прекрасную добычу для шпионки, и из всех посетителей дамы именно он бывал чаще и оставался дольше.

Диктограф записывал все, что он говорил, и таким образом чиновник собрал целую коллекцию пластинок. Они свидетельствовали о крайней несдержанности влиятельного посетителя.

Однако, американцы, слышавшие эти пластинки, не могли решить, служила ли его несдержанность достаточным основанием для его отстранения. Его верность родине не подлежала ни малейшему сомнению. Решили доложить об этом деле самому президенту.

Президенту прочли записанные беседы, но он не поверил.

— Это, может быть, заговор республиканской партии, — сказал он, — с целью причинить затруднения правительству?

Он не хотел дать хода делу. Однако это сделали вместо него другие. Они заручились содействием одной очень известной в Вашингтоне дамы, принадлежавшей к знатной семье. Она так ловко обронила несколько слов и намеков, что государственный деятель совершенно прекратил свои посещения. Последним актом этой маленькой драмы был дипломатический инцидент, вызванный неудовольствием, возникшим в связи с деятельностью иностранного чиновника, установившего диктограф. Но газеты, сообщавшие об инциденте, ничего не говорили о его подоплеке.

На этом примере, как и на многих других, видно, какую роль играли женщины в разведывательной службе.